

ВЕСНИК

Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта
імя Янкі Купалы

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1999 года

Серыя 1

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
і сацыялогія
Культуралогія
Педагогіка
Псіхалогія
Правазнаўства
Філалогія

2(20), 2003

Чэрвень

Гродна

Галоўны рэдактар
С.А.МАСКЕВІЧ

Намеснік галоўнага рэдактара
А.У.БОГУШ

Члены рэдакцыйнага савета:
В.А.ЛІЁПА, А.М.НЕЧУХРЫН, В.В.СЯНЬКО

Рэдакцыйная калегія серыі:
А.М.НЕЧУХРЫН — адказны рэдактар
Т.Я.АЎТУХОВІЧ У.Д.РОЗЕНФЕЛЬД
І.Р. БУРЛЫКА П.У.СЦЯЦКО
В.М.ВАТЫЛЬ М.У.СІЛЬЧАНКА
Т.К.КАМАРОВА В.П.ТАРАНЦЕЙ
Ч.С.КІРВЕЛЬ МІХАЛ ГНАТОЎСКІ
І.П.КРЭНЬ

Заснавальнік
Гродзенскі дзяржаўны універсітэт
імя Янкі Купалы
Рэгістрацыйны № 1241

ВЕСНИК ГРОДЗЕНСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА УНІВЕРСІТЭТА
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

Серыя 1. Гуманітарныя науки. № 2 (20), 2003
На беларускай, рускай, англійскай, нямецкай і польскай мовах

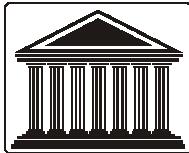
Адрес рэдакцыі: вул. Леніна, 32, 230023, Гродна. Тэл. 44-94-90

Рэдактар Н.М.Красніцкая
Камп'ютарная вёрстка: В.І.Карасік

Падпісана да друку 18.06.2003. Фармат 70 x 108 / 16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 10,9. Ул.-выд. арк. 14,38. Тыраж 100 экз. Заказ 126.

Надрукавана на тэхніцы выдавецкага аддзела Установы адукацыі
«Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы».
ЛП № 111 ад 29.12.2002. Вул. Пушкіна, 39, 230012, Гродна.

© Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта
імя Янкі Купалы, 2003

Гісторыя

УДК 947.6

В.А. Шэйфер

УЗАЕМАДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА І МАСКОЎСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ Ү КАНЦЫ XV – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XVI стст. У АЦЭНЦЫ ПАЧЫНАЛЬNIКАЎ НАЙНОЎШАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Статья посвящена некоторым аспектам рассмотрения проблемы московско-литовских отношений переломной эпохи – конца XV – первой трети XVI вв. в работах некоторых классиков беларусской историографии.

Праблема ўзаемадносінаў Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы даволі складаная і з'яўляецца адной з частак гісторыі міжнародных адносінаў ва Усходній Еўропе. Абраны для даследавання перыяд – канец XV – першая трэць XVI ст. – стаў пераломнім у гэтых адносінах і закончыўся істотнай зменай агульнапалітычнай сітуацыі ва Усходній Еўропе.

З другой паловы XV ст. Маскоўскае Вялікае княства пачынае набываць адчувальную моц. Аб'яднаўшы вакол сябе паўночна-ўсходнюю землі колішній Русі: Ноўгарад (1478), Цвер (1485), Пскоў (1510), Москва становіцца цэнтрам буйной дзяржавы. Пад час кіравання Івана III (1462 – 1505) яе тэрыторыя вырасла большым у пяць разоў (з 430 тыс. км² да 2500 тыс. км²) [9, с. 33].

Нездарма, менавіта гэтыя вялікія князь ўвёў новы тытул – «гасудар усея Русі», дэкларуючы гэтым самым і новую знешнепалітычную праграму: аб'яднанне пад уладай Москвы ўсіх усходнеславянскіх (рускіх, па тагачаснай тэрміналогіі) земляў. Большасць іх на той час уваходзіла ў склад ВКЛ, таму сутыкнення гэтых дзяржаў наўрад ці можна было пазбегнуць. З канца XV ст. пачынаецца серыя маскоўска-літоўскіх войнаў, у выніку якіх Вялікае княства Літоўскае страціла прыкладна 25 % сваёй тэрыторыі і становішча гегемона ва ўсходнеславянскім рэгіёне [10, с. 133 – 134].

Зразумела, гэтыя падзеі мелі вялікае значэнне ў гісторыі Беларусі, Расіі, ў целым Усходній Еўропы і не маглі не знайсці адлюстравання на старонках прац гісторыкаў, публіцыстаў, літаратараў.

У беларускай гісторыяграфіі дадзенай праблемы можна выдзяліць тры этапы: 1) канец XIX – першыя дзесяцігоддзі XX ст. – пачаткі нацыянальнай гісторыяграфіі; 2) 20-я гг. XX ст. – 1991 г. – савецкая гісторыяграфія; 3) 1991 – 2003 гг. – сучасная беларуская гісторыяграфія

Разам з развіццём беларускага нацыянальнага руху на мяжы XIX – XX стст. развівалася і беларуская нацыянальная гісторыяграфія. Ля яе вытокаў стаялі Мітрафан Доўнэр-Запольскі, Вацлаў Ластоўскі, Усевалад Ігнатоўскі, Мікалай Янчук, Генрык Татур, Уладзімір Стукаліч і інш. [4, с. 422].

Пачынальнікі беларускай гістарычнай навукі спецыяльна не займаліся праblemамі маскоўска-літоўскіх узаемаадносінаў, але звярталіся да іх у абагульняльных працах, выказваючы ацэнкі, адрозныя ад прынятых у расійскай гістарыяграфіі.

М.В.Доўнар-Запольскі лічыў, што большасць унутры- і знешнепалітычных цяжкасцяў Вялікага княства Літоўскага крылася ў памылках нацыянальнай і рэлігійнай палітыкі. Буйнейшы беларускі гісторык у сваёй «Гісторыі Беларусі», напісанай у 20-я гг. (гэтая праца была выдадзена толькі ў 1994 г.) адзначаў: «З другой паловы XV ст. пачаўся ўціск праваслаўных, што выклікала нацыянальна-рэлігійную варожасць у нетрах Вялікага Княства... Ужо змова 1481 г. (князёў Ф.Гальшанскаага, С.Бельскага, М.Алелькавіча з мэтай скінуць з трону вялікага князя Казіміра Ягайлівіча – В.Ш.) у выпадку яе ўдачы мела на ўвазе аддзяленне зямель па р.Беразіну да Масквы» [1, с. 90 – 91]. Затым пачаліся пераходы памежных князёў Северскай зямлі на маскоўскі бок. Гэта супала з пачаткам крымскіх нападаў. За цяжкасцямі суседа пільна сачыў вялікі князь маскоўскі Іван III, які выкарыстоўваў усе памылкі рэлігійна-нацыянальнай палітыкі Казіміра. У той час ужо на Маскве выпрацавалася ідэя Вялікага маскоўскага царства, якое б аб'ядноўвала ўсю праваслаўную Русь, у тым ліку і Русь Заходнюю. Вялікі князь маскоўскі тытулаваўся «гасударом усіх Русі», прад'яўляючы прэтэнзіі на ўсе заходнія землі, лічачы Казіміра отчычам толькі адной Літвы. Як толькі памёр Казімір, маскоўскія войскі неадкладна ўварваліся ў межы дзяржавы [1, с. 92]. З гэтага часу пачалася серыя маскоўска-літоўскіх войнаў. Шлюбны саюз Аляксандра Казіміравіча з дачкой Івана III Аленай, здавалася б, мог прывесці да ўладкавання на ўсходзе. Але Іван III быў не з тых гасудароў, якія асабістыя пытанні ставілі вышэй за дзяржаўныя, і ён працягваў выкарыстоўваць цяжкасці Літоўска-Рускага княства [1, с. 92]. На думку навукоўца, менавіта яны прымусілі Вялікае княства Літоўскае пайсці на аднаўленне уніі з Каронай Польскай ў 1501 г., аднак рэальнай дапамогі ў вайне з маскоўскай дзяржавай яно з боку Польшчы так і не атрымала. Пытанне пра унію ўздымалася кожны раз, як толькі становішча дзяржавы рабілася цяжкім [2].

Гісторык пісаў, што «паўстанне Глінскага 1508 г. было паднята ў інтарэсах рускай (маецца на ўвазе, праваслаўнай, усходнеславянскай – В.Ш.) народнасці і культуры. Гэта быў апошні акорд нацыянальнай барацьбы ў дзяржаве, запозненны водгук пытанняў, якія хвалявалі грамадства на стагоддзе раней. Доўнар-Запольскі сцвярджаў, што да пачатку XVI ст. вастрыня нацыянальнага, рэлігійнага і сацыяльнага пытанняў у значнай ступені згладзілася, аднак «усходняя частка ВКЛ паводле нацыянальнага і рэлігійнага прынцыпу аказалася больш блізкай да Масквы. Наадварот, Падняпроўская зямлі з Полацкам, Віцебскам, Смаленскам на чале, г. зн. уласна беларускія землі былі больш устойлівымі ў сэнсе прыхільнасці да Літвы» [1, с. 65, 94]. Паразу маскоўскіх войскі пад Оршай 8 верасня 1514 г. ён называў «дзіўнай». Аднак лічыў, што яна зрабіла маскоўскі бок больш падатлівым пры заключэнні перамір'я [1, с. 93].

Выход у свет прац Доўнар-Запольскага, выкананых у цэлым з пазітыўніцкіх установак, даў навуковаму свету панарамнае бачанне ВКЛ, садзейнічаў не толькі пераадоленню тэндэнцыйных і вялікадзяржаўных уяўленняў пра Беларусь, але надаў беларускай гістарыяграфіі канца XIX – пачатку XX стст. ярка выражаную нацыянальную афарбоўку [5, с. 435 – 436]. У яго ўжо зроблена спроба даць цэласную карціну гісторыі Вялікага княства Літоўскага.

Цікавую канцэпцыю гісторыі Беларусі стварыў Вацлаў Ластоўскі. У 1910 г. у Вільні выйшла яго «Кароткая гісторыя Беларусі» [6]. Нягледзячы на некаторую мадэрнізацыю гісторыі, больш палітычныя, чым навуковыя матывы даследавання, праца і канцэпцыя ў цэлым мела станоўчае значэнне для абуджэння нацыянальнай свядомасці беларусаў.

Прычыну страты дзяржаўнай незалежнасці ВКЛ Ластоўскі бачыў у даўняй дынастычнай сувязі ВКЛ з Польшчай і бедствах войнаў (у тым ліку і пазнейшай – Лівонскай), падчас якіх Вялікае княства «дайшло да такой самай руіны, як усходняя і полуденная Русь у часе татарскага панавання». Іван III, на яго думку, «бытцам заганяў Літву і Беларусь у рукі палякаў» [6, с. 38, 39].

З асноўнымі высновамі Ластоўскага згаджаўся ў сваім «Кароткім нарыйсе гісторыі Беларусі» і Усевалад Ігнатоўскі, які лічыў войны з боку Масквы безумоўнай экспансіяй з мэтай захопу земляў [3, с. 92].

Вядомы гісторык, першы рэктар БДУ Уладзімір Пічэта разглядаў Вялікае княства Літоўскае і Маскоўскую дзяржаву як альтэрнатыўныя цэнтры аб'яднання ўсходнеславянскіх земляў. Ён адзначаў, што Масква займала вельмі выгоднае геаграфічнае становішча і павялічвала сваю тэрыторыю хуткімі тэмпамі. Суперніцтва абвастралася яшчэ і з прычыны адрозных прынцыпаў пабудовы гэтих дзяржаў: Маскоўская дзяржава будавалася на прынцыпе цэнтралізацыі, а «Беларуска-Літоўская» – на прынцыпе аўтаноміі. Мірная дамова 1449г. аб падзеле сфераў уплыву на Русі не выконвалася. З часоў Івана III пытанне далучэння беларускіх земляў да Масквы становіцца на парадак дня маскоўскай замежнай палітыкі. На думку Пічэты, у аснове тэрытарыяльных прэтэнзій Масквы да ВКЛ ляжалі эканамічныя інтэрэсы. Гісторык адзначаў: «Масква ўвесь час шукала поваду, каб захапіць беларускія краіны, праз якія ішоў гандлёвы шлях да Балтыцкага мора, гэта канечна патрэбнага для Масквы. Працяглая барацьба Літвы з Масквой за Беларусь – гэта барацьба за берагі Балтыцкага мора... Тоё, што літоўска-беларускія князі звярталіся за дапамогаю да Масквы, давала повад маскоўскуму вялікаму князю ўмешвацца у ўнутраныя адносіны Літоўска-Беларускай дзяржавы. Пабочны ўдзел Масквы у ўмове князёў 1481 году не падлягае сумненню... Памежныя князі Вялікага княства Літоўскага пераходзілі на службу да маскоўскага гаспадара, які разглядаў усходнія землі ВКЛ як сваю «отчыну». З другога ж боку, «гандлёвая арыстакратыя Ноўгараду і ўдзельныя князі (маскоўскія – В.Ш.) шукалі ў Літве дапамогі супроць цэнтралістычнае палітыкі маскоўскага князя». Аднак ВКЛ не магло ім даць аніякай рэальнай дапамогі. «Такі саюз яго з Ноўгарадам толькі прыспешыў захоп апошняга маскоўскім вялікім князем». Гісторык звярнуў увагу на ролю Крымскага ханства ў маскоўска-літоўскіх узаемаадносінах. Яно заставалася пастаянным саюзнікам Масквы аж да 10-х гг. XVI ст. У Пічэта пісаў: «Крымскі хан у сваіх дзеяннях кіраваўся радай маскоўскага ўладара. Кіеўшчына, Валыншчына і Падолле падлягалі спусташэнням ад татар. Насяленне разбягалася. Мяscцовасці з надзвычай уродлівай глебай фактычна былі выкэрслены з межаў дзяржавы. Урад ня меў сілы арганізаваць абарону граніц». Літоўска-крымскія адносіны, як маскоўска-літоўскія, увесь час заставаліся напружанымі [7, с. 93, 94, 96].

Пічэта лічыў выступ Міхала Глінскага моцным фактарам, які паслабіў ВКЛ у вайне 1507 – 1508 гг. з Маскоўскай дзяржавай. Мэтай яго было ўтварэнне «новае Беларускае дзяржавы». Аднак, ён ня меў падтрымкі, беларуская шляхта засцалася вернай Жыгімонту Казіміравічу. Што датычыцца Аршанскае бітвы, дык гісторык прызнаў, што яна «спыніла далейшы рух Масквы ўглыб Беларусі», але не магла вярнуць Літве захопленых Маскоўю гарадоў, а падзенне Смаленска ў вайне 1512 – 1522 гг. сталася падзеяй, пасля якой яна для Вялікага княства Літоўскага была ўжо беспаспяховой [7, с. 95]. Аўтар выдзеліў наступныя прычыны няўдач ВКЛ у вайне 1534 – 1537 гг.: 1) добра не замацоўваліся ўзятыя гарады; 2) Польшча не аказала належнай дапамогі; 3) недахоп у дзяржаве ваенных і фінансавых сродкаў; 4) крымскі хан, з якім у Вялікага княства быў заключаны саюз, не дапамог, бо быў заняты ўнутранымі справамі; 5) маскоўскія бая-

ры, на канфлікт між якімі спадзяваліся ў ВКЛ, з'ядналіся перад знешній пагрозай [8, с. 11, 14].

Спадзяянні на тое, што шлюб вялікага князя Аляксандра з дачкой Івана III Аленаі прывядзе да міру, аказаліся дарэмнымі, наадварот, гэта давала Москве падставу для ўмяшання ва ўнутраныя справы ВКЛ з надуманай прычыны прымусу вялікай княгіні да каталіцтва (Пічэта адмаўляе, што такі прымус існаваў), да таго ж ліцвіны не прызнавалі новага тытулу Івана III – «гасудар усіх Русі», а спадзяянні на дапамогу Польшчы аказаліся марнымі [7, с. 93 – 94].

Такім чынам, беларуская нацыянальная гісторыяграфія, якая пачала зараджацца ў гэты перыяд, прадставіла праблему маскоўска-літоўскіх узаемадносін наўса свайго пункту гледжання, менавіта, з пазіцыі «францістану» беларускага народа. Хоць спецыяльнальных даследаванняў і не з'явілася, гэтая тэма знайшла адлюстрраванне ў абагульных працах Ластоўскага, Доўнар-Запольскага, Пічэты, Ігнатоўскага. Сярод названых аўтараў толькі Уладзімір Пічэта адзначыў перыяд канца XV – першай трэці XVI ст. як час пералому ў маскоўска-літоўскіх адносінах. Спецыяльныя даследаванні павінны былі з'явіцца на наступным этапе развіцця беларускай гісторыяграфіі.

1. *Доўнар-Запольскі М.В.* Гісторыя Беларусі / Беларус. Энцыкл., Нац. арх. РБ; Пер. з рус. Т.Бутэвіч, Т.М.Кароткая, Е.П. Фешчанка. – Mn.: БелЭн, 1994. – 510 с.
2. *Доўнар-Запольскі М.В.* Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.: Исторический очерк. – M., 1897. – 28 с.
3. *Ігнатоўскі У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – 5 выд. – Mn.: Беларусь, 1992. – 195 с.
4. *Карев Д.В.* Великое княжество Литовское (XIV – XVI вв.) в российской либеральной историографии конца XIX – XX вв.// Наш Радавод. Кн. III. Ч. I. – Гродна, 1990. – С. 146 – 160.
5. *Карев Д.В., Доўнар-Запольскій М.В.* и демократическое направление в беларусской историографии конца XIX – начала XX вв.// Наш Радавод. Кн. VI. Ч. 2. – Гродна, 1994. – С. 419 – 449.
6. *Ластоўскі В.Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. – Mn.: Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
7. *Пічэта У.І.* Гісторыя Беларусі. – M. – L.: Дзяржаўнае выдавецтва, 1924. – Ч. I. – 134 с.
8. *Пічэта В.И.* Аграрная реформа Сигізмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. – M., 1959.
9. *Bazylow L.* Historia powszechna (1492 – 1648). – Warszawa, 1991
10. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów: Dzieje polityczne. – Olsztyn, 1991

Поступила в редакцию 04.09.2002.

The article deals with evaluation of certain aspects of consideration of issues, reflecting the relations between Moscow and Grand Duchy of Litwa within the end of the 15th through the first third of the 16th century, by the leading Belarusian historical science.

Шейфер Валерий Альбертович, аспирант кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы. Научный руководитель – доктор исторических наук А.К.Кравцевич.

УДК 947.6

С.А.Піававарчык

БЕЛАРУСЬ У ПЛАНАХ ФАРТЫФІКАЦЫЙНАГА ЎМАЦАВАННЯ ЗАХОДНЯЙ МЯЖЫ САВЕЦКАГА САЮЗА (1926 – 1941 гг.)

В статье рассматриваются планы советского политического и военного руководства по фортификационному укреплению западной границы СССР в 20 – нач. 40 гг. ХХ в. Отмечается, что советские военные теоретики рассматривали Беларусь как «ключевой театр военных действий», и выделяются этапы строительства укрепленных районов в Беларуси. На основе архи-

вных источников автор приходит к заключению, что строительство УРОв на новой и старой государственных границах СССР проходило в соответствии со стратегическими планами генералиссимуса Красной Армии, уровнем экономического и технического потенциала страны, с использованием партийными и советскими органами административно-командных методов и форм руководства.

Пасля Рыжскага дагавору беларускія землі былі падзелены паміж Польшчай і Савецкім Саюзам, які ў стратэгічных планах разглядалі адзін аднага як працьунікаў у верагодным канфлікце. Беларусь зноў апнулася паміж варожымі краінамі. На тэрыторыі Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі была створана ваенная акруга, назва і межы якой змяняліся ў залежнасці ад ваенна-палітычнай сітуацыі: Мінская, Беларуская, Беларуская асобая, Заходні фронт, Заходняя асобая. Улічваючы геапалітычнае становішча, савецкая вайсковая тэарэтыкі адводзілі Беларусі ў сваіх стратэгічных планах ролю будучага тэатра ваеных дзеянняў, і канцэнтрацыя войскаў тут была вельмі высокая.

Фартыфікацыяне ўмацаванне тэрыторыі і ахова мяжы былі адной з галоўных задач кожнай дзяржавы. У розныя часы памежныя ўмацаванні, не змяняючы свайго зместу, прымалі розныя формы. З вопыту першай сусветнай і грамадзянскай войнаў вынікала, што лепшай формай ваенна-інжынернай падрыхтоўкі памежнай паласы з'яўляецца сістэма ўмацаваных раёнаў (УРаў), якія прыкрывалі важнейшыя аперацыйныя накірункі, што вялі ў глыбіню краіны. Умацаваным раёнам называўся вялікі ўчастак мясцовасці, загадзя падрыхтаваны да ўпартай абароны сродкамі доўгачасовай і палявой фартыфікацыі [1].

Трэба адзначыць, што праблема фартыфікацыі ўмацавання межаў СССР была цесна звязана з праблемай «пачатковага перыяду вайны». З вопыту першай сусветнай вайны лічылася, што гэты перыяд будзе ахопліваць прамежак часу ад абвяшчэння вайны да завяршэння разгортвання і пачатку рашаючых аперацый галоўных сіл варожых бакоў. У 20 – 30-я гг. савецкая ваенныя тэарэтыкі і военачальнікі (М.М. Тухачэўскі, Р.П. Эйдэманс, С.М. Красільнікаў, Я.А. Шылоўскі, Р.С. Цыфер і інш.) у сваіх працах разглядалі розныя аспекты пачатковага перыяду вайны. Яны прыйшлі да высьновы, што галоўнае ў пачатковым перыядзе – надзейна затрымаць агрэсара ў прыгранічных раёнах, каб мець час правесці мабілізацыю і разгарнуць войскі. Для гэтага прапаноўвалася цэлая сістэма мэрапрыемстваў ваеннага і арганізацыйнага характару, найважнейшыя з якіх – маштабнае будаўніцтва па лініі Дзяржаўнай мяжы ўмацаваных раёнаў [2, с.225].

Да распрацоўкі праблем глабальнай фартыфікацыі межаў савецкіх рэспублік у штабе Чырвонай Арміі прыступілі напачатку 20-х гг., фактычна адразу пасля завяршэння грамадзянскай вайны. З'явіўся шэраг тэарэтычных распрацовак, якія імкнуліся вызначыць канцептуальную накіраванасць ваенна-інжынернага забеспячэння СССР на выпадак магчымай вайны. У 1920 г. і 1922 г. выйшлі працы ваеннага інжынера Г.Г. Неўскага (у будучым генерал-лейтэнанта інжынерных войск) «Вопросы заблаговременной подготовки страны в инженерном отношении» і «Опыт исследования современных форм заблаговременного укрепления». Згодна з тэорыяй Неўскага, абарона краіны прапаноўвалася ў тры ўзаемазвязаныя эшалоны: 1) перадавы рубеж – 30–50 км, які аб’ядноўваў да 16 малых вузлоў; 2) «крэпасць» у складзе 30 малых вузлоў на плошчы да 200 км; 3) на плошчы да 300 км і з гарнізонам да 20000 чалавек умацаванні аб’ядноўваліся ва ўмацаваныя раёны. Г.Неўскі ў сваіх распрацоўках прытрымліваўся генеральнай лініі, што ўсе будуемыя для патрэб арміі доўгачасовыя фартыфікацыіны збудаванні (ці большасць з іх) павінны максімальна прыстасоўвацца ў мірны час для патрэб народнай гаспадаркі. Гэта зрабіла б працэс будаўніцтва і эксплуатацыі больш танным і дазволіла б надзейна замаскіраваць фартыфікацыйны аўект.

Сістэма ўмацаваных раёнаў, якія былі накіраваны на кругавую абарону і ахоплівалі буйны рэгіён дыяметрам 80 – 100 км з гарнізонам да 100 тыс. чалавек, была распрацавана начальнікам Ваенна-інжынернай акадэміі Ф.І.Галенкіным. На адлегласці 100 – 200 км ад галоўнай планавалася будаўніцтва другой абарончай лініі, якая страхавала першую ў выпадку магчымага прарыву. Ідэі Ф.Галенкіна і Г.Неўскага не атрымалі практычнай рэалізацыі, аднак яны тэарэтычна аргументавалі неабходнасць глыбокагашланіраванай абароны краіны [3].

Тэорыю глыбокай франтальнай абароны, якая складалася з асобных участкаў 60 км па фронце і 10 – 15 км у глыбіню, распрацаваў і адстойваў у сваёй працы «Узлы сопротивления современных долговременных укрепленных позиций» (1926 г.) ваенны інжынер С.А.Хмялькоў [3]. Ён прапанаваў абарончую лінію дзяліць на паласу перадовых пазіцый (да 3 км), паласу галоўнага супраціўлення (да 8 км), паласу тылавых пазіцый (да 4 км). Гарнізон мірнага часу складаўся з кулямётных батальёнаў і артылерыйскіх брыгад, а ў час вайны на яго ўзмацненне накіроўваліся часці і злучэнні палявой арміі.

У 1926 г. з тэорый будаўніцтва ўмацаваных раёнаў выступіў савецкі вайсковы тэарэтык і гісторык А.А.Свечын. У сваіх капітальных працах «Эволюция военного искусства» і «Стратегия» ён разглядаў УРы не толькі ў якасці «забора», але і ў якасці «ворот», якая дазваляюць у выпадку паспяховых тактычных дзеянняў перайсці ад абароны ў контраступленне [4, с.787 – 789].

Да практычнай рэалізацыі фартыфікацыйнага ўмацавання межаў СССР улады прыступілі ў канцы 20-х гг., калі краіна пачала набіраць эканамічную моц. Заходняя мяжа СССР мела працягласць каля 3000 км, таму пабудаваць суцэльнную лінію фартыфікацыі было нерэальна. У адпаведнасці з распрацаванымі тэарэтычнымі поглядамі асобныя доўгачасовыя ўмацаваныя раёны будаваліся на найважнейшых аперацыйных накірунках, што вялі ў глыбіню савецкай тэрыторыі, на значнай адлегласці паміж флангамі УРаў. Такая сістэма была разлічана на цеснае ўзаемадзеянне сталых ураўскіх гарнізонаў з палявымі войскамі і адпавядала харектару пачатковага перыяду вайны пры вялікай працягласці межаў СССР. Перад УРАмі ставілася задача затрымаць праціўніка на пэўны час, неабходны для правядзення мабілізацыі і нанясення контрудару ў адпаведнасці з уласнымі аперацыйнымі планамі.

Абарончае будаўніцтва на сухапутных межах СССР разгарнулася ў 1926 – 28 гг. Адным з першых пачаў будавацца Полацкі ўмацаваны раён на тэрыторыі Беларускай ваенай акругі [5, с.163]. У сакавіку 1929 г. начальнік штаба Чырвонай Арміі К.Я.Варашылаў зацвердзіў асноўныя палажэнні па інжынернай падрыхтоўцы УРаў [6, арк.126]. У перыяд 1929 – 1937 гг. былі створаны 13 умацраваны ў місіях ваеных акругах, з якіх яшчэ два ў Беларусі – Мінскі і Мазырскі. Усе яны знаходзіліся ў эксплуатацыі і ўяўлялі сабою лінію жалезабетонных збудаванняў, размешчаных на глыбіні ад аднаго да двух кіламетраў. Асноўным тыпам баявога ўзбраення была кулямётная доўгачасовая агнявая кропка – ДАК (паводле расійскай ваенна-інжынернай тэрміналогіі ДОТ – долговременная огневая точка). Доўгачасовых збудаванняў, якія маглі вытрымаць пападанне 155- і 210-міліметровых снарадаў, налічваліся адзінкі. Яны мала адпавядалі патрабаванням часу, паколькі былі разлічаны на франтальна-кулямётны агонь, мелі слабую супраціўляльнасць збудаванняў і малазфектыўнае ўнутранае абсталяванне [7, с.48]. Генерал П.Р.Грыгарэнка, які ў 1933 г. працаваў на будаўніцтве Мінскага ўмацаванага раёна, успамінаў, што пры праекцыроўцы тыповых абарончых збудаванняў не была прадугледжана фільтра-вентыляцыйная сістэма. Аб гэтым успомнілі, калі ДАКі былі ўжо пабудаваны. Прэакцыроўшчыкі прапанавалі сістэму, якая не адпавядала ўмовам вядзення баявых дзеянняў. Ваенным інжынерам

і будаўнікам прыйшлося самім шукаць магчымасць дапрацоўкі агнявых збудаванняў [8].

Аднак нягледзячы на недахопы партыйнае кіраўніцтва прызнала будаўніцтва ўмацаванняў на дзяржаўнай мяжы СССР у 1929 – 1937 гг. вялікім дасягненнем. За паспяховае будаўніцтва УРаў кіраўнік Ваенна-інжынернага ўпраўлення Чырвонай Арміі М.М.Пецін і яго намеснік А.П.Баландзін былі ўзнагароджаны ордэнамі Леніна [5, с.166]. Паводле савецкіх крыніц, у 13-ці ўмацаваных раёнах да 1937 г. было пабудавана 3196 доўгачасовых фартыфікацыйных аб'ектаў [7, с.48].

Другі этап фартыфікацыйнага ўмацавання заходніх межаў СССР непасрэдна звязаны з працэсамі, што адбываліся ў грамадстве ў цэлым і ў арміі ў прыватнасці – правядзеннем масавых рэпрэсій супраць каманднага саставу Чырвонай Арміі. У 1937 г. па загадзе наркама абароны К.Я.Варашылава была створана камісія пад кіраўніцтвам камкора К.І.Подласа, адной з мэт якой быў аналіз становішча ва ўмацаваных раёнах на заходній мяжы. Аднак сапраўдная задача была іншая – знайсці падставы для абвінавачвання ў дзяржаўнай зрадзе і шпіянажы вышэйшага каманднага саставу Чырвонай Арміі. У дачыненні да УРаў камісія знайшла шмат розных хібаў: дрэннае размяшчэнне і слабая боегатоўнасць фартыфікацыйных аб'ектаў, недасканалае ўзбраенне і абсталяванне, неадпаведная падрыхтоўка асабовага складу і г.д. Усё гэта было прызнана актам шкодніцтва і зрады, ў выніку былі рэпресаваны многія камандзіры, інжынеры і будаўнікі УРаў у Кіеўскай і Беларускай ваенных акругах. Так, напрыклад, у Мазырскім УРы было арыштавана ўсё кіраўніцтва. Ахвярамі рэпрэсій сталі таксама М.М.Пецін і А.П.Баландзін, нядаўна ўзнагароджаныя за абарончае будаўніцтва. Вынікам «ліквідацыі наступстваў шкодніцтва на ваенных будоўлях» стаў не-камплект інжынерна-тэхнічных работнікаў на канец 1937 г. ў паўтары тысячы чалавек. На працяглы тэрмін рэпрэсіі паралізавалі арганізацыйныя структуры абарончага будаўніцтва, прывялі да зрыву выканання планаў ваенна-інжынернага ўмацавання мяжы [9, с.10].

Нягледзячы на значныя страты сярод тэарэтыкаў і практикаў абарончага будаўніцтва, з 1938 г. у некаторых з умацаваных раёнаў пачалі ўстанаўліваць новае ўзбраенне і ўнутранае абсталяванне ў доўгачасовых агнявых кропках. Але хутка была зацверджана новая сістэма ўмацаванага раёна, якая ўлічвала палітычную сітуацыю ў Еўропе і эканамічныя магчымасці краіны. У 1938 і 1939 гг. на савецкай мяжы пачалося будаўніцтва яшчэ 8-мі ўмацаваных раёнаў, з якіх Слуцкі поўнасцю, а Себежскі часткова знаходзіліся на тэрыторыі Беларусі. План будаўніцтва УРаў ў 1938 г. быў выкананы на 45,5 %, а ў 1939 – на 59,2 %. За два гады ў гэтых умацаваных раёнах было пабудавана 1028 ДАКаў, але ніводны з іх не атрымаў зброі і абсталявання. З пачаткам другой сусветнай вайны і пасля падпісання пакта Рыбентропа – Молатава змянілася заходняя мяжа СССР у Беларусі і Украіне. У 1940 г. тэрыторыя СССР пашырылася за кошт анексаваных прыбалтыйскіх краін, румынскіх Бесарабіі і Букавіны, а пасля савецка-фінскай вайны – часткі Карэліі. За кароткі час межы Савецкага Саюза былі пашыраны на некалькі соцень кілометраў на заходзе, у выніку чаго сістэма абароны заходній мяжы апынулася ў глыбокім тыле. У сувязі з гэтым Галоўны Ваенны Савет Чырвонай Арміі 15 лістапада 1939 г. прыняў рашэнне спыніць будаўніцтва УРаў на старой мяжы. Камандаванне Чырвонай Арміі доўга вырашала, што з імі зрабіць, і нарэшце фартыфікацыйныя збудаванні было загадана закансерваваць, зняць з іх узбраенне, боепрыпасы, абсталяванне і перадаць на склады ў баявой гатоўнасці, каб можна была выкарыстаць пры неабходнасці [7, с.48-49].

Восенню 1939 г. у Генеральнym штабе Чырвонай Армii і памежных акругах прыступілі да распрацоўкі плана прыкрыцця новай лінii дзяржаўнай мяжы. Акрамя змены дзяржаўнай мяжы, важным фактарам будаўніцтва новых фартыфікацыйных умацаванняў стала савецка-фінская вайна і той вопыт, які атрымала Чырвоная Армія ў ходзе баёў за перадоленне лінii доўгачасовай фартыфікацыі. Шматмесячныя баі на фінскай «Лінii Манергейма» ў Карэліі, а таксама вераснёўскія падзеі ў Польшчы пацвердзілі тэзіс ваеных тэарэтыкаў пра тое, што на першапачатковым этапе вайны, асабліва ў памежных баях, значную ролю адыгрывае доўгачасовая фартыфікацыя. Было прынята рашэнне аб будаўніцтве яшчэ 23-х УРаў на новай мяжы. У Заходніяй асобай ваеннаі акрузе планавалася будаўніцтва чатырох умацаваных раёнаў – Брэсцкага №62, Замбравскага №64, Асавецкага №66 і Гродзенскага №68, якія прыкрывалі так званы «Беластоцкі выступ». Было запланавана будаўніцтва 85-ці апорных пунктаў абароны з 2130 аб'ектамі доўгачасовай фартыфікацыі. Камандаванне акругі прапанавала два варыянты ўзвядзення УРаў [10, с.7-8].

Першы варыяント прадугледжваў будаўніцтва новых умацаваных раёнаў уздоўж мяжы ў непасрэднай блізкасці ад яе. З улікам рэльефу мясцовасці гэтае рашэнне мела шэраг пераваг. Апорныя пункты УРаў размяшчаліся на высокіх берагах рэк Буг, Нараў, Бобр. Гэта ўтварала перад лініяй абароны натуральную водную перашкоду, а высокія берагі дазвалялі кантролюваць тэрыторыю праціўніка далёка ўглыб. Асабліва добрыя ўмовы для абароны былі ў паласе Гродзенскага і Асавецкага ўмацаваных раёнаў, дзе знаходзіліся вялікія комплексы балот уздоўж рэк Бобр і Валкушанка. Аднак з аператыўна-тактычнага пункта погляду гэтае рашэнне было няўдалым. Абарончыя пазіцыі замацоўвалі вельмі нязручнае для абароны палажэнне савецкіх войскаў у «Беластоцкім выступе», паколькі дакладна капіравалі абрывы мяжы. Паласа абароны ўмацаваных раёнаў амаль не мела перадполя, а будаўніцтва ўмацаванняў павінна было адбывацца (і адбывалася) у полі зроку нямецкіх наглядальных пастоў.

Больш удалым з'яўляўся другі варыянт, паводле якога пазіцыі УРаў прапаноўвалася размясціць на адлегласці 25 – 50 км ад дзяржаўнай мяжы – па правым беразе р.Нёман да Гродна, далей па р.Бобр з уключэннем старых крэпасцей Гродна і Асавец, р.Нараў – да мястэчак Лапы, Бельск, Чаромха, Жабінка, Хведкавічы. Гэта дазволіла б весці будаўніцтва апорных пунктаў нябачна для праціўніка, а пры нападзе паспесь размясціць ў паласе абароны ўраўскія і палявыя сухапутныя войскі. Нягледзячы на тое, што гэты варыяント падтрымаў Генштаб, быў прыняты першы.

З мэтай паскоранага будаўніцтва новых умацаваных раёнаў зімой 1939 – 40 гг. у Заходніяй акрузе пачаліся рэканструкцыйныя працы на мясцовасці з вызначэннем месцаў размяшчэння вузлоў і апорных пунктаў. Працы праводзіліся паспешна ва ўмовах суворай зімы, калі зямля была пакрыта вялікім пластом снегу. Аднак высветлілася, што вынікі гэтых прац нездавальнільныя. Вясной 1940 г. былі праведзены паўторныя планіровачныя працы і пачалася падрыхтоўка да ўзвядзення фартыфікацыйных аб'ектаў [10, с.10]. Праект будаўніцтва УРаў быў зацверджаны І.В.Сталіным па дакладу К.Я.Варашылава і Б.М.Шапашнікаў [11, с.241]. З 26 чэрвеня 1940 г. згодна з дырэктывай народнага камісара абароны на заходніх мяжах СССР пачалося будаўніцтва новых ўмацаваных раёнаў [12, с.183].

Аснову кожнага УРа складалі вузлы абароны і апорныя пункты з доўгачасовых і дрэваземляных інжынерных збудаванняў. Генеральным планам абарончага будаўніцтва прадугледжавалася ў 1940 – 41 гг. завяршыць будаўніцтва і ўстаноўку абсталявання першай паласы вузлоў абароны і апорных пунктаў

умацраёнаў. У наступныя гады (да 1945 г.) планавалася абсталяваць закансерваныя ўмацраёны другой лініі (на старой мяжы), якія знаходзіліся на адлегласці ў 200 – 320 км ад першай (Полацкі, Себежскі, Мінскі, Слуцкі і Мазырскі) [13, с.27-28].

Умацаваныя раёны, якія будавалі ў СССР у 1940 – 41 гг., адрозніваліся ад старых схемай пабудовы палос абароны, канструкцыяй доўгачасовых збудаванняў і значна большай удзельнай вагой збудаванняў для супрацьтанкавай абароны (гарматных ДАКАў). Павялічылася іх глыбіня. Усе збудаванні павінны былі мець больш дасканалыя сродкі супрацьхімічнай абароны, сістэмы вентыляцыі, ацяплення, вода- і электразабеспячэння.

Для будаўніцтва ўмацаваных раёнаў на заходніяй мяжы СССР планавалася выкарыстаць значную колькасць працоўнай сілы, будаўнічай тэхнікі і розных матэрыялаў. Для гэтых мэт было створана Упраўленне абарончага будаўніцтва Чырвонай Арміі. Непасрэднае кіраўніцтва працамі на месцах ажыццяўлялі Ваенныя Саветы акруг. Была ўведзена пасада памочніка камандуючага акругі па ўмацраёнах. Каменданты былі вызвалены ад кіраўніцтва будаўнічымі працамі ў сваёй паласе. Гэтыя абавязкі ўскладваліся на начальніка УНБ (Упраўленне начальніка будаўніцтва ці, у расійскай тэрміналогіі, – Управление Начальника Строительства). Распараджэннем наркама абароны былі створаны 25 Упраўленняў начальніка будаўніцтва (4 ў паласе ЗахАВА), 140 будучасткаў (22 у Заходній Беларусі), сфармаваны 84 будаўнічыя батальёны, 25 асобных будаўнічых рот і 17 аўтамабільных батальёнаў. З красавіка 1941 г. на будаўніцтве былі задзейнічаны 160 сапёрных батальёнаў стралковых карпусоў і дзівізій, у тым ліку 41 сапёрны батальён з унутраных акруг [7, с.50-51].

Для паспяховага выканання плана ў Заходній асобай ваеннай акрузе было дадаткова сфармавана 15 рот. У дапамогу ім у маі 1941 г. з іншых акруг прыбылі 13 будаўнічых і сапёрных батальёнаў, 4 аўтабаты. У ходзе будаўніцтва сапёрныя батальёны карпусоў узводзілі вузлы абароны, батальёны дывізій стваралі супрацьтанкавыя і супрацьпяхотныя перашкоды, а стралковыя батальёны займаліся абсталяваннем раёнаў абароны. На гэтыя працы за некалькі месяцаў да вайны было прыцягнута па адным батальёну-дывізіёну ад кожнага стралковага ці артылерыйскага палка і амаль увесе 33-ці асобны інжынерны полк акруговага падпарадкавання. Да спецыялістаў-будаўнікоў у ЗахАВА былі накіраваны 181 інжынер-будаўнік з вышэйшай адукцыяй. У мэтах узмацнення тэхнічнага кан тролю за якасцю працы ў акругу выехалі чатыры спецыялісты кафедры фартыфікацыі і тэхналогіі матэрыялаў Ваенна-інжынернай акадэміі імя В.Куйбышава. У чэрвені 1941 г. інспекцыйную паездку ў паласу ад Гродна да Брэста здзейсніў вядомы савецкі фартыфікатар генерал-лейтэнант Д.М.Карбышав. Акрамя вайскоўцаў, у абарончым будаўніцтве ў заходніх акругах удзельнічала вялікая колькасць грамадзянскага насельніцтва. Вясной 1941 г. у будаўніцтве УРАў у Прыбалтыйскай, Заходній і Кіеўскай асобых ваенных акругах кожны дзень удзельнічалі амаль 136 тыс. чалавек (у Беларусі – каля 35 тыс.) [13, с.186]. На пачатак вайны план абарончага будаўніцтва 1941 г. у грашовым выражэнні быў выкананы на 24,4 % [23, арк. 168].

З чатырох УРАў, якія былі запланаваны ў ЗахАВА, Гродзенскі павінен быў быць найбольш моцным. Па фронце ў 80 км ад г.Ганёндза да р.Нёман на паўночны ўсход ад м.Сапоцкін трэба было пабудаваць 28 апорных пунктаў з 606-цю доўгачасовыімі аб'ектамі. Глыбіня абароны складала 5-6 км, і аператыўна гэты УР падпарадкоўваўся камандаванию 3-й арміі са штабам у Гродне. Другім па ма гутнасці павінен быў стаць Асавецкі УР з 22-мя апорнымі пунктамі і 594-мі ДАКАмі. У Замбруйскім і Брасцкім УРАх павінна было быць адпаведна 550 и 380 фартыфікацыйных збудаванняў [14, с.75].

Для будаўніцтва на месцах былі сфармаваны чатыры Упраўленні начальніка будаўніцтва (УНБ). УНБ-71 знаходзілася ў Гродне і займалася будаўніцтвам Гродзенскага ўмацаванага раёна № 68, УНБ-72 (Ломжа) – Асавецкага № 66, УНБ-73 (Замбраў) – Замбраўскага № 64, УНБ-74 (Брэст) адпаведна ўзводзіла збудаванні Брэсцкага ўмацраёна № 62. Да Упраўленняў былі замацаваны раёны Бела-стоцкай і Брэсцкай абласцей. Партыйныя і савецкія ўлады гэтых абласцей і раёнаў павінны былі мабілізаваць усе рэсурсы для абарончага будаўніцтва на тэрыторыі сваіх адміністрацыйных адзінак [15, арк.124].

Непасрэдна будаўніцтвам і абсталяваннем доўгачасовых жалезабетонных збудаванняў займаліся вайскоўцы – сапёрныя, інжынерныя і спецыяльныя тэхнічныя часці. У падрыхтоўчых працах (капанне катлаванаў, нарыхтоўка пяску, жвіру, камення, піламатэрыялаў, іх падвозка і т.п.) шырока выкарыстоўвалася грамадзянскае насельніцтва. Першымі у маі 1940 г. да спецыяльных абарончых прац прыступілі камсамольскія батальёны, спецыяльна сфармаваныя з моладзі ўсходніх раёнаў Беларусі.

Праблема забеспечэння спецбудаўніцтва працоўнай сілай была адной з галоўных для рэспубліканскіх і мясцовых органаў улады. Спецбудаўніцтва ажыццяўлялася двумя ведамствамі – Народным Камісарыятам Унутраных Справ (НКУС) і Народным Камісарыятам Абароны (НКА). НКУС займаўся будаўніцтвам аэрадромаў і шырока выкарыстоўваў працу зняволеных. УРы ўзводзіліся па лініі НКА і, як сведчаць дакументы, грамадзянскае насельніцтва (з гужавым транспартам і без яго) прыцягвалася ў якасці вольнанаёмных і па разнарадцы партыйных і савецкіх органаў, калі раёнам неабходна было накіроўваць кожны дзень на будучасткі вызначаную колькасць рабочых і транспарту. Аднак ваеннае кіраўніцтва і мясцовыя ўлады дрэнна каардынавалі свае дзеянні: мела месца дрэннае забеспечэнне працай грамадзянскіх асоб, выкарыстанне не па прызначэнні рабочых, няякасны ўлік, а таксама невыкананне заданняў па забеспечэнні рабочымі будучасткаў. Зводкі аб колькасці прысланых на ўчасткі людзей і падвод рэгулярна паступалі камандаванню УНБ, у абкам партыі і аблвыканкам. Гэта інфармацыя сведчыць, што практычна кожны дзень на спецбудаўніцтва выходзіла рабочых менш, чым патрабавалася [15, арк.102].

Як паказалі далейшыя падзеі, з прычыны вялікага аб'ёму работ прымысловасць не паспявала ў тэрмін забяспечыць усім неабходным будаўніцтва УРаў. Паколькі не хапала будаўнічых матэрыялаў і механізмаў, узбраення і абсталявання для ДАКаў, тармазілася выкананне намечаных планаў. Нягледзячы на ўзмацненне мер па прыцягненню насельніцтва і накіраванню вайсковых часцей на спецбудаўніцтва, планы хранічна не выконваліся, і да пачатку вайны будаўніцтва нават першай паласы УРаў не было завершана. Пры наяўнасці ў новых УРах прыкладна 2500 ДАКаў, пабудаваных да вясны 1941 г., поўнасцю былі ўзброены каля 1000 збудаванняў. Каб узбройць пабудаваныя агнявыя аб'екты, ваенныя саветы акруг з дазволу ўрада былі вымушаны зняць з кансервацыі і перавезці некаторую частку гармат і кулямётаў з умацраёнаў на старой мяжы [12, с.187].

Падчас прац на спецбудаўніцтве мясцовая насельніцтва сутыкалася са з'явамі, тыповымі для савецкай камандна-адміністрацыйнай сістэмы: грубае адміністрыраванне, самавольства і парушэнне законнасці, дрэнная арганізацыя працы і быту, затрымка выплаты грошай, безгаспадарнасць, ідеалагічная апрацоўка. У дакладных запісках і данясеннях у мясцовыя партыйныя і савецкія органы факты такого рода прыводзяцца практычна па ўсіх 23-х раёнах Беластоцкай вобласці [16].

Пракуроры раёнаў пастаянна праводзілі праверкі з мэтай выяўлення парушэнняў на абарончым будаўніцтве. Парушэнні былі рознымі. У спецыялізацыйных пракурораў паведамлялася, што сельсаветы не мелі дакладнага ўліку асоб, якія выконвалі абавязкі па працоўнай павіннасці, на будучастках не рабілі адзнак у накіраваннях, меліся факты, калі ваеннаслужачыя будучасткаў затрымлівалі падводы і пешых рабочых і выкарыстоўвалі не на тых участках, на якія былі выпісаны накіраванні. Начальнікі Упраўлення ў складзе складалі, што сельсаветы прысыпалі «неподходящую рабочую силу», маючи на ўвазе каталіцкіх і іудзейскіх святароў, якія «вельі контрреволюционную пропаганду», а таксама 14-16-гадовых дзяўчат, якіх выкарыстоўвалі на цяжкіх земляных працах на глыбіні 5-6 метраў і якія, натуральна, не спраўляліся з нормамі [17].

Нельга сказаць, што негатыўныя факты заставаліся без увагі ўладаў. Прымяняліся розныя формы рэагавання. Але, як сведчаць архіўныя матэрыялы і ўспаміны ўдзельнікаў тых падзеяў, методы, якія прымянялі савецкія ўлады на спецбудаўніцтве ў Беларусі, выклікалі ў мясцовага насельніцтва незадаволенасць, пратэстныя настроі і дзеянні, што ў сваю чаргу прыводзіла да ўзмацнення рэпрэсіўных мер. Асабліва жорстка каралі за ўхіленне ад працоўнай і гужавой павіннасці і за нанясенне пабояў асобам, якія ўручалі павесткі [18]. Такія формы пратэсту былі распаўсяджены ва ўсіх раёнах Белаціцкай вобласці. У Сапоцкінскім раёне выдаваліся несапраўдныя медыцынскія даведкі аб вызваленні ад працы па стану здароўя. Распаўсядженымі былі ўцёкі за мяжу. За гэтыя парушэнні каралі ў адпаведнасці з артыкулам 94 Крымінальнага кодексу БССР. Да 1 мая 1941 г. па Белаціцкай вобласці за невыкананне заданняў на спецбудаўніцтве было асуджана на розныя тэрміны зняволення (у асноўным ад 1 да 3 гадоў) 138 чалавек [19].

Нягледзячы на прымаемыя савецкімі ўладамі меры, такія негатыўныя з'явы, як неразбіръха, нерастаропнасць, дрэннае ўзаемадзеянне ваенных, партыйных і савецкіх уладаў, парушэнне планаў выхаду рабочай сілы, паставак абсталявання і ўзбраення, ніzkая якасць работ, сабатаж, здрада мелі месца на аўтэктах будаўніцтва УРАУ ў Захадній Беларусі да самага пачатку вайны. 14 мая 1941 г. на пасяджэнні ЦК КП(б)Б з дакладам «Об обстановке на границе и состоянии войск округа» выступіў камандуючы ЗахАВА генерал арміі Д.Г. Паўлаў. Было прынята рашэнне аб паскораным будаўніцтве ўмацраёнаў і аэрадромаў. ЦК патрабаваў ад аўтакамаў і рапортамаў партыі ўзмацнення пільнасці, аператыўнага вырашэння ўсіх пытанняў, прывядзення ў стан мабілізацыйнай гатоўнасці прадпрыемстваў, устаноў, калгасаў і насельніцтва, аказанне хуткай практычнай дапамогі войскам пры першай неабходнасці [20]. У сярэдзіне мая 1941 г. памежныя акругі атрымалі загад аб фарсіраванні будаўніцтва ўмацаваных раёнаў на новай мяжы, а 4 і 16 чэрвеня ЦК УКП(б) і СНК СССР прынялі спецыяльныя пастановы «Об укрепленных районах» і «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов» [21, с. 313-314, 376-377]. За некалькі дзён да пачатку вайны, 17 чэрвеня, у Белаціцку адбыліся пленум аўтакамаў партыі і закрытая нарада сакратароў рапортамаў, старшынь рапортыканкамаў, загадчыкаў ваенных аддзелаў і начальнікаў будаўніцтва аўтектаў НКУС і НКА, дзе абліркоўваліся мерапрыемствы фарсіраванага будаўніцтва ваенных аўтектаў і ў першую чаргу ўмацаваных раёнаў [22, арк. 24-46].

Адразу з пачаткам вайны выявіўся пралік савецкага камандавання ў будаўніцтве УРАУ на новай дзяржаўнай мяжы. Адсутнасць перадполя, аддаленасць дыслакацыі паліевых войскаў, некамплект ураўскіх часцей і хуткае наступленне нямецкіх войскаў прывялі да таго, што значная частка ДАКаў засталася пустою. Тыя ж, якія савецкія салдаты паспелі заніць, немцы абышлі, блакавалі і паствуроваўнічылі.

Беларускія землі, якія ў 20 – 30 гг. ХХ ст. былі ў складзе Савецкага Саюза, разглядаліся савецкімі вайсковымі стратэгамі як «ключавы тэатр вайсковых дзеянняў». Вынікала гэта з геапалітычнага становішча Беларусі – яна межавала з краінамі, якія лічыліся верагоднымі праціўнікамі СССР у будучай вайне [2, с. 194–195]. На практыцы гэта вылілася ў буйнамаштабнае ваеннае будаўніцтва на тэрыторыі Беларусі. Можна без перабольшвання гаварыць пра тое, што беларускія вобласці, асабліва заходнія пасля 1939 г., былі «нашпігаваны» савецкімі войскамі. Зразумела, што для размяшчэння вялікай ваеннай інфраструктуры неабходна было правесці значныя працы: пабудаваць новыя фартыфікацыйныя збудаванні, аэрадромы, сховішчы, склады, казармы, масты, дарогі. У афіцыйных савецкіх документах таго часу ўсе гэтыя мерапрыемствы называліся «работы на объектах спецстроительства», «работы на оборонном строительстве». Гэтым работам улады надавалі вялікае значэнне, і для іх выканання была задзейнічана значная колькасць працоўных і матэрыяльных рэсурсаў рэспублікі. Важнае месца займала фартыфікацыйнае забеспячэнне будачага тэатра ваенных дзеянняў. Будаўніцтва ўмацаваных раёнаў на старай і новай дзяржаўных межах у Беларусі адбывалася ў адпаведнасці са стратэгічнымі распрацоўкамі камандавання Чырвонай Арміі, з узорунем эканамічнага і тэхнічнага патэнцыялу краіны, з выкарыстаннем партыйнымі і савецкімі органамі адміністрацыйна-камандных форм і метадаў кіраўніцтва.

1. Шперк В.Ф. Фортіфікаційны слоўтар. – М.: Ізданіе Военна-інженернай академіі, 1946.
2. История военной стратегии России. – М.: Кучково поле, 2000.
3. К проблеме фортификации в СССР 20-х – 30-х гг. – [www // http: base.kp.khmelnitskiy.ua](http://base.kp.khmelnitskiy.ua)
4. Свечин А. Эволюция военного искусства. – М.: Кучково поле, Академіческій проеккт, 2002; Свечин А. Стратегія. – [www // http: militera.lib.ru](http://militera.lib.ru)
5. Инженерные войска Советской Армии. – М.: Военіздат, 1985.
6. Расійскі дзяржаўны ваенны архіў. Фонд 36967. Вопіс 1. Справа 79.
7. Хор'ков А.Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. – 1987. – № 12. – С. 47 – 54.
8. Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс – [www // http: militera.lib.ru](http://militera.lib.ru)
9. Чмырев В.А. Оборонительное строительство в СССР (30-е гг – 1941) – Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1997. – 24 с.
10. Сандалов Л.М. Первые дни войны. Боевые действия 4 армии 22 июня – 10 июля 1941. – М.: Военіздат, 1989.
11. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Из-во АПН, 1986.
12. Анфілов В.А. Провал «Блицкрига». – М.: Наука, 1974.
13. Семідєтко В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941) // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 4. – С. 22 – 32.
14. Фронтовая иллюстрация. Прелюдия к «Барбароссе». Периодическое иллюстрированное издание. – № 4, 2001.
15. Дзяржавны архіў грамадскіх аб’яднанняў Гродзенскай вобласці (далей ДАГАГВ). Фонд 6195. Вопіс 1. Справа 191.
16. ДАГАГВ. Ф.6195. Воп.1. С. 457. Арк. 107, 154, 164; Ф. 8. Воп. 22, С. 11, Арк. 162; Ф.6195, Воп. 1, С. 460, Арк. 169 – 170 адв.
17. ДАГАГВ. Ф.6195. Воп. 1. С. 457. Арк. 122, 124; С. 451. Арк. 29 – 31.
18. ДАГАГВ. Ф.6195. Воп. 1. С. 191 Арк. 139 – 140; С. 187. Арк. 97 – 99.
19. ДАГАГВ. Ф.6195. Воп. 1. С. 187. Арк. 121.
20. Платонов Р.П. Белоруссия, 1941. Известное и неизвестное. По документам Национального архива Республики Беларусь. – Мн.: БелНИИДАД, 2002.
21. 1941 год. Документы. Кніга 1. – М., 1998.
22. ДАГАГВ. Ф.6195. Воп. 1. С. 451. Арк. 24 – 36.
23. Цэнтральны архіў Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі. Фонд Упраўленне будаўніцтва ўмацаваных раёнаў Генеральнага Штабу. Вопіс 170381. Справа 85.

Поступила в редакцию 26.12.2002.

The article is devoted to the plans of the Soviet political and military authorities on the fortification strengthening of the western border of the USSR in 1926 – 1941. It is marked, that the Soviet military theory specialists considered Belarus as «the key theatre of military actions» and the stages of the fortification construction in Belarus are allocated. On the basis of archival sources the author comes to the conclusion, that the fortification construction on the new and old state borders of the USSR passed according to the strategic plans of the Red Army, level of the economic and technical potential of the country, with the use of the administrative – command methods and forms of management by the Soviet authorities.

Піаварчык Сяргей Аркадьевич, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры археалогіi i этнаграфіi ГрДУ імя Я.Купалы.

УДК 930

Р.Б.Гагуа

РОССИЙСКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ

В статье производится обзор русскоязычной и белорусскоязычной исторической литературы, которая была создана на территории Российской империи, Советского Союза, а также Республики Беларусь, и каким-либо образом затрагивает проблемы Грюнвальдской битвы. Делается анализ описаний сражения, которые были предложены русскими и белорусскими историками в монографиях и статьях, опубликованных с последней четверти XIX в. по настоящее время.

Сражение при Грюнвальде состоялось 15 июля 1410 г. и являлось центральным эпизодом так называемой Великой войны, которую Польша и Великое княжество Литовское вели против Тевтонского ордена в 1409 – 1411 г. Данному событию уделено довольно много внимания в исторической литературе. Подавляющее большинство исследований, прямо или косвенно затрагивающих битву, были созданы в Польше и Германии. В то же время определённое внимание данной проблеме было уделено историками Российской империи, Советского Союза и Беларуси. Работы, касающиеся Грюнвальда, на русском и белорусском языках создавались в период с конца XIX в. по сегодняшний день, то есть более ста лет, но до сих пор не описаны в отечественной научной литературе.

Упоминание о Грюнвальдской битве мы находим уже у Н.М.Карамзина, который сообщает, что Витовт «в кровопролитной с немцами битве, где более 60 тыс. человек легло на месте, одержал победу единствено храбростью верных ему смоленских воинов» [10, с.261]. Позже многие авторы в трудах по русской истории ограничились подобными краткими упоминаниями о сражении, добавляя к некритически переданным сведениям источников свою оценку событий. Например, Д.И.Иловайский писал: «На западе борьба с Тевтонским орденом увенчалась полным успехом; литовский князь соединился с польским королем и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей битвою при Танненберге (1410). В ней участвовали полки всех западнорусских княжеств и главная часть победы принадлежала Смоленскому полку. Этую победою Жмудь была освобождена от крестоносцев» [9, с.86]. Выдающийся историк прошлого столетия С.М.Соловьев ограничился при описании Грюнвальда всего несколькими строками, добавив очень яркую и интересную оценку сражения [17, с.421]. Несколько больше внимания сражению уделяется в небольшой работе М.Линда «Литва в 14 – 15 веке» [14]. В отличие от других российских историков он не объясняет успех польско-литовской стороны особым мужеством и заслугами смоленских хоругвей, а усматривает причину поражения крестоносцев в их меньшей, чем у противника, численности [14, с.45-46].

В Российской империи было написано несколько специальных работ, посвященных Грюнвальду. Под названием «Грюнвальденская битва 1410 г.» была издана речь М.О.Кояловича, произнесенная на торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 февраля 1885 г. [11]. Историк, рассматривая сражение, считал, что оно «ясно и для неспециалиста» [11, с.9]. Весьма вольно распорядившись сообщениями источников, а некоторые из них вообще не принял во внимание, М.О.Коялович отдал всю честь победы смоленским полкам и Витовту, «который в этой битве проявил едва ли не в высшей степени свой военный талант» [11, с.13]. При этом роль Ягайлы и польской стороны всячески умалялась и открыто отодвигалась на второй план [11, с.13], а король был даже обвинен в трусости [11, с.12-13]. Очевидно, что автор при этом преследовал в первую очередь идеологические цели, и его работу трудно отнести к разряду научных исследований.

Двумя годами позже, в 1887 г. была напечатана статья А.Барбашева «Танненбергская битва» [1, с.151-193]. При ее написании использовались различные источники, а также достижения зарубежной, в первую очередь, немецкой историографии. Даже название статьи следует немецкой исторической традиции, где Грюнвальдскую битву называют Сражением при Танненберге [23, с. 329]. А.Барбашев так же, как и М.О.Коялович, рассматривал битву с позиций славянофильства. Он писал, что «Танненбергская битва имеет крупное мировое значение. Это не было столкновением двух народов; это была борьба германо-романского Запада со славянским Востоком» [1, с.151]. В результате сражение трактуется исследователем тенденциозно. В работе содержится довольно богатый фактический материал, а также отдельно, в приложениях, рассматривается вопрос о двух мечах, присланных в польский лагерь [1, с.181-186], и производится сравнительный анализ двух основных источников для изучения битвы при Грюнвальде – «Истории» Яна Длугоша и «Хроники конфликта...» [1, с.186-193].

В 1910 г., к пятидесятилетию Грюнвальдской битвы, вышла монография П.А.Гейсмана «Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию» [2]. Данная работа выгодно отличается от своих предшественниц. Если А.Барбашев в своем исследовании излишне доверял сообщениям источников, рассматривая их недостаточно критически, то П.А.Гейсман уже активно строит собственные предположения относительно тех или иных эпизодов битвы. В отличие от А.Барбашева, он уже не принимает сообщение Я.Длугоша о том, что главнокомандующим польско-литовских войск был Зиндрям из Машковиц, как не выдерживающее критики, но выдвигает версию, что таковым являлся Витовт. П.А.Гейсман разделяет мнение некоторых современных ему зарубежных историков о перестройке крестоносцев из трех линий в две для увеличения фронта боевого построения до длины польско-литовского [2, с.16-17] и т.д. Хотя работа П.А.Гейсмана носит во многом компиляционный характер, историк принимает только отдельные положения иностранных коллег, в целом не выходя за рамки концепции, принятой в российской историографии. Победа над крестоносцами представляется как победа славян над романо-германским миром, и главная заслуга в этой победе отдаётся, как и прежде, трём смоленским хоругвям. Монография П.А.Гейсмана единственная во всей российской исторической литературе, которая посвящена не только Грюнвальдской битве, а подробно описывает все события Великой войны 1409 –1411 гг.

После революции 1917 г. и вплоть до второй мировой войны исследования, посвященные Грюнвальдской битве, в СССР не проводились. В период с 1939 по 1943 гг. вышло сразу несколько русскоязычных работ о польско-литовских войнах с Тевтонским орденом. Некоторые из авторов при этом ограничивались

лишь кратким упоминанием о Грюнвальде, как это сделали В.И.Пичета и В.Н.Тихомиров. Первый из них писал, что «15 июля 1410 г. ополчения Польши, Литвы и Руси встретились с рыцарями в лощине между деревнями Грюнвальдом и Танненбергом. Рыцари были наголову разбиты, причем решающая роль в этом сражении выпала на долю трех смоленских полков, из которых один полк был полностью уничтожен» [15]. Сообщение второго историка практически ничем от первого не отличается [18, с.47]. В.Н.Тихомиров тоже пишет, что «знаменитая Грюнвальдская битва 1410 г. была выиграна благодаря мужеству русских отрядов, в особенности героического смоленского полка, принявшего на себя немецкий удар» [18, с.56].

Другие историки в своих работах уделили Грюнвальдской битве больше места – например, Н.П.Грацианский в монографии «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века» [3] и литовский филолог Ю.И.Жюгжда в статье, опубликованной в «Историческом журнале» в 1943 г. [7]. В их работах сражение описывается подробно, при этом в обоих случаях рисуется почти идентичная картина боя: при нерешительности Ягайлы, граничащей с трусостью, инициативу берет Витовт и руководит сражением. Смоленские полки спасают положение, проявив стойкость, и далее литовские и русские хоругви, сумев перестроится после бегства, производят окружение и разгром крестоносцев [7, с.32-33; 3, с.60-63]. Ю.И.Жюгжда пишет с пафосом, превознося литовцев и русских и всячески клеймя их врагов, проводя аналогии с современной автору Второй мировой войной. В заключении он выражает уверенность, «что недалек тот день, когда могучая Красная Армия, руководимая гением великого полководца товарища Сталина, поразит немецких захватчиков, устроит им последний смертоносный Грюнвальд» [7, с.33].

В данный период также было написано несколько специальных работ, посвящённых сражению. Это исторический очерк Н.Лапина и А.Турчинского «Грюнвальдская битва» [13], а так же статья латышского исследователя Я.Зутиса «Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена» [8]. В обеих работах трактовка битвы практически не отличается от представленной другими авторами указанного периода.

Следующая работа, имеющая отношение к Грюнвальдской тематике, увидела свет только в 1960 г. на страницах «Военно-исторического журнала» по случаю 550-й годовщины сражения [16]. Авторы статьи – известные советские историки В.Т.Пашуто и М.Ючас. Ими приводится краткое описание битвы, при создании которого исследователи опирались на достижения польской историографии. «Ход битвы, как следует из принятого ныне толкования источников, рисуется в таком виде, – пишут они. – Первый этап. В 9 часов утра 15 июля Ягайло двинул на левый фланг врага легкую литовско-русско-татарскую конницу, оставив другую часть войска под командованием Витовта в резерве. Вскоре в бой втянулась значительная часть немецких сил. Войско Витовта стало отступать, увлекая за собой противника по свойственной литовцам тактике. При этом огромная ответственность пала на три смоленские хоругви, стоявшие на стыке польских и литовско-русских войск. Под командованием литовского князя Семена-Лингевина Ольгердовича они героически выдержали натиск устремившихся в наступление рыцарей и прикрыли фланг польского войска» [16, с.84]. При указании на «свойственную литовцам тактику» авторы ссылаются на вышедшую в 1910 г. работу польского историка М.Прохаськи [16, с.84]. Далее В.Т.Пашуто и М.Ючас продолжили описание следующим образом: «...на втором этапе польское войско вступило в тяжелую битву с правым флангом рыцарей, куда великий магистр лично бросил еще 16 хоругвей. Был момент, когда пало боль-

шое королевское знамя. Наступавшие рыцари и те, кто присоединился к ним, по возвращении из преследования конницей Витовта, готовились торжествовать победу. Но поляки сражались стойко, а когда в битву были двинуты основные силы Витовта, то победа союзников ясно обозначилась. На последнем этапе рыцари были окружены и подверглись полному разгрому» [16, с.85]. В данной работе несколько в ином ракурсе представлена роль смоленских полков. В то же время, посвятив не слишком много места собственно Грюнвальдскому сражению, В.Т.Пашуто и М.Ючас две печатные страницы уделили своего рода историографическому очерку. Суть его сводится к тому, что старая польская историография много сделала для разработки истории борьбы Польши за независимость, но в общем была склонна недооценивать как уровень общественного развития союзного Литовского Великого княжества, так и вклад литовско-русских сил в победу [16, с.86]; что «литовские буржуазные историки, справедливо обличая агрессивность Ордена, оказались, однако, в плена националистической предубежденности относительно Польши и России, т.к. борьба России за воссоединение русских земель, высвобождаемых из-под власти Литвы, рассматривалась ими лишь как угроза последней» [16, с.86-87]; что «старая русская историография, связанная идеологией великодержавного шовинизма, стремившаяся оправдать феодально-колониальную политику России, не смогла дать правильной оценки реакционной роли Ордена в истории Восточной Европы» [16, с.87], и т.д.

После 1960 г. историки СССР обратились к сражению только спустя четверть века в книге «Русские земли в XIV–XV веке» из серии «Мир истории» [4]. Ее авторы, И.П.Греков и Ф.Ф.Шахмагонов, посвятили сражению целую главу. Следуя за польским исследователем профессором С.Кучинским, они делят сражение на 6 основных фаз: 1) удар легкой литовско-татарской конницы и разгром орденских артиллеристов, «разведка боем»; 2) вывод в поле союзных войск и построение их в три линии, атака тяжелой кавалерии; 3) «заманное бегство» литовцев и татар, введение магистром резерва, отступление второй и третьей линии литовского крыла; 4) окружение части крестоносцев, удар ордена во фланг польской кавалерии, выдвижение из леса скрытых польских хоругвей; 5) введение магистром 16 хоругвей, составлявших главный резерв Ордена, разгром крестоносцев; 6) захват рыцарского лагеря и преследование спасающегося бегством неприятеля союзниками [4, с.235-238]. И.П.Греков и Ф.Ф.Шахмагонов принимают все положения польского историка. Так же, как и С.Кучинский, они предполагают, что маневр «заманного бегства» был позаимствован Витовтом у Дмитрия Донского [4, с.236]. Проводя анализ соотношения сил польско-литовской стороны и Ордена, И.П.Греков и Ф.Ф.Шахмагонов вслед за С.Кучинским пишут, что его «нельзя рассматривать только с точки зрения численного превосходства польско-литовской армии», потому что «рыцарское войско имело значительное превосходство в вооружении и боевой выучке», а следовательно, «силы были приблизительно равны».

Борьба с Орденом продолжает рассматриваться как противостояние восточноевропейского и западноевропейского миров, как борьба за выживание. Поэтому вопрос превосходства «сводился не только к искусству полководцев, ибо Ульрих фон Юнгинген, и Ягайло, и Витовт были искусными полководцами. Польские, литовские и русские воины шли в бой с желанием покончить с агрессором, который на протяжении чуть ли не двух столетий беспощадно разорял их земли. Орденские воины шли с целями грабительскими». Поэтому «войско союзников имело нравственный перевес над рыцарским войском» [4, с.233]. Определяя значение сражения при Грюнвальде, авторы не отходят от общеприня-

того в русской и советской исторической литературе мнения, что его результатом стало окончание орденских захватов в Прибалтике и упадок Тевтонского ордена [4, с.238].

В начале 90-х гг. Беларусь стала суверенным государством. Остро вставшая необходимость национальной самоидентификации привела к появлению множества статей и исследований, посвящённых различным аспектам белорусской истории, в том числе и отношениям Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом.

На данный момент белорусские историки несколько раз обращались к теме Грюнвальдской битвы. В 1993 г. вышел научно-популярный очерк А.К.Кравцевича «Тевтонский орден: от Иерусалима до Грюнвальда» [12], а двумя годами позже, в 1995 г., в историческом альманахе «Адраджэнне» была напечатана специальная работа профессора А.П.Грицкевича о литовско-орденском конфликте: «Борьба Великого княжества Литовского и Русского (Белорусско-Литовского государства) с Тевтонским орденом в конце XIV – первой половине XV в.» [5]. Оба автора уделили битве довольно много места, при этом и тот и другой приняли ряд положений, разработанных в польской историографии. Как А.К.Кравцевич, так и А.П.Грицкевич, определяя численность участвовавших в сражении войск, принимают расчеты С.Кучинского [12, с.33; 5, с.45]. В то же время реконструкция хода битвы производится ими не совсем одинаково. В первом случае дается следующая интерпретация: крестоносцы и союзные войска построились друг против друга. Перед тевтонскими построениями были устроены замаскированные ямы-ловушки и расположена артиллерия Ордена. Чтобы вынудить противника первым начать атаку, Ульрих фон Юнгинген прислал союзникам послы, передавшее королю и великому князю два меча и приглашение к битве. «Литовское войско с кличем «Вильно!» двинулось в атаку. Затем пошли поляки, на ходу запев «Богородицу». Затем в бой вступила тяжелая конница. На правом литовском фланге и левом польском фактически происходили две отдельные битвы» [12, с.40]. Далее А.К.Кравцевич принимает версию об «обманном бегстве» литовцев. Он пишет: «Маневр с отступлением планировался заранее. Смоленские хоругви Витовта оставил на месте, чтобы прикрыть правый фланг поляков и не дать крестоносцам ударить им в спину» [12, с.40-41]. Когда магистр увидел, что «чаша весов склоняется не в пользу Ордена, он предпринял решающую попытку переменить ход битвы. Сформировав из остатков своего левого фланга и резервов ударную группу в 16 хоругвей, он стал у нее во главе и атаковал королевскую армию» [12, с.41]. Данный маневр получил у автора очень высокую оценку [12, с.41]. Причины поражения крестоносцев видятся автору в том, что хотя «отчаянная атака ударной группы в 16 хоругвей могла решить судьбу битвы, но противник был слишком многочисленный и опытный» [12, с.41].

Разгром описывается следующим образом: «Войска Витовта после ликвидации отделений крестоносцев, которые прорвались к их обозу, вернулись и напали на группу хохмейстера с тыла и фланга. Посланные в обход польские отряды начали окружать правый фланг крестоносцев с запада. Это было начало конца. Ударная группа хохмейстера и правый фланг орденской армии окружались по отдельности. Некоторое время они еще выдерживали натиск, но в конце концов были полностью окружены и разбиты» [12, с.41]. Автор также указывает на то, что во взятии немецкого обоза активное участие приняла пехота состоявшая из крестьян и горожан, высказывая при этом мысль, что «возможно, как раз от рук пехотинцев погиб хохмейстер Ульрих фон Юнгинген» [12, с.46]. Работа А.К.Кравцевича фактически полностью основана на монументальной моногра-

фии С.Кучинского «Великая Война с Орденом крестоносцев в 1409 – 1410 годах» и все основные положения заимствованы именно из неё [26].

Что касается А.П.Грицкевича, то он в своей работе допустил ряд ошибок и продемонстрировал некритическое отношение к историческим источникам. Указывая, что в начале битвы армия Ордена состояла из 51 хоругви [5, с.44], далее он приходит к выводу, что союзники в бою захватили 52 хоругви крестоносцев [5, с.49], т.е. больше, чем их было изначально. Описывая один из эпизодов битвы, А.П.Грицкевич делает следующее утверждение: «Над полем звучал радостный крик союзников: «Литва возвращается!», в то время как ни один из источников таких сведений не содержит [5, с.48]. Зато такая фраза имеется в романе Г.Сенкевича «Крестоносцы», т.е. в художественном произведении (- Litwa wraca! – Huknęły radośnie głosy polskie) [25, s.234]. Следуя за сообщением «Хроники Литовской и Жмойтской», которая указывает, что «самого магистра Прусского Ульриха простый драб ощепом пробив» [20, с.78], А.П.Грицкевич пишет: «В бою один из простых воинов Витовта, приблизившись к великому магистру Ульриху фон Юнгингену, всадил свою рогатину в шею магистра и сбросил его с коня». В то же время один из основных наших источников – Длugoш – указывает, что на трупе магистра были следующие ранения: «В лоб и в грудь», но никак не в шею [6, с.113]. При описании завершающего этапа битвы А.П.Грицкевич вообще ссылается на работу польского историка К.Шайнохи «Ядвиги и Ягелло», созданную в XIX в. [6, с. 48]. При подсчёте потерь Ордена историк вслед за С.Кучинским приводит данные, согласно которым 18000 немцев были убиты и 14000 взяты в плен, кроме того, около 1400 крестоносцев смогли спастись. Общая цифра потерь при этом составляет 33400 человек, хотя первоначально утверждалось, что в армии крестоносцев находилось 21000 конных рыцарей, 6000 пехотинцев и 5000 челяди в обозе – всего 32000 человек [6, с. 44, 49]. Таким образом, А.П.Грицкевич, принимая расчёты С.Кучинского, так же, как и польский историк, противоречит сам себе, когда цифра потерь у него превышает первоначальное количество войск. В оценку значения Грюнвальдской битвы автор не добавляет ничего нового и следует принятой в российской и советской историографии традиции. Он пишет: «Была остановлена агрессия крестоносцев на Польшу, Беларусь и Литву. Набеги немецких рыцарей на белорусские и литовские земли были фактически остановлены. Для этих народов проблема сохранения была решена. Теперь им не угрожало физическое уничтожение или онемечивание».

Помещённая в Энциклопедии истории Беларуси статья С.Терохина, посвящённая Грюнвальдской битве, содержит больше вопросов, чем ответов [21]. Автор пишет, что большинство источников определяет потери крестоносцев в 40000 человек, хотя такие сведения предоставляет только Я.Длugoш, в то время как в остальных хрониках приводится гораздо большая цифра [27]. Потери союзников С.Терохин исчисляет 60 тысячами [21, с. 159]. Написав, что в источниках упоминается только одна хоругвь с этнически литовских (летувисских) территорий – ковенская, автор не учитывает 12 жмудских хоругвей, выставленных от каждого повета по приказу Витовта. Спорным выглядит утверждение, согласно которому белорусы преобладали в виленской, трокской и медницкой хоругвях. По крайней мере Медники находятся практически в самом центре Жмуди. Непонятно, откуда берутся резервные хоругви Витовта, которые он то и дело вводит в бой и спасает положение. Ни в одном из источников не упоминается об участии в сражении оршанской и мстиславльской хоругвей, которые согласно утверждениям С.Терохина «особо отличились» в битве под Грюнвальдом [21, с. 159].

Таким образом, проблема Грюнвальдской битвы недостаточно исследована в отечественной исторической литературе. В конце XIX – начале XX в. было создано всего два научных исследования – работы А.Барбашева и П.А.Гейсмана, которые на данный момент устарели и не могут отражать современный уровень разработки проблемы. В последующие сто лет были опубликованы 3 статьи, авторы которых обратились непосредственно к сражению при Грюнвальде, что для такого огромного периода является мизерным количеством. Работы появляются, как правило, в связи с очередной юбилейной датой, будь то годовщина сражения 1410 года либо Кревская уния, заключённая в 1385 г.

В подавляющем большинстве работ, специальных или общего характера, описание Грюнвальдской битвы является компиляцией из польских и немецких исследований, дополненной тезисом об исключительной роли, которую сыграли в битве смоленские полки. Они, как правило, отличаются тенденциозностью в изложении. Деятельность Ордена рассматривается исключительно как негативная.

В русской историографии Грюнвальдская битва рассматривалась с точки зрения противостояния «германо-романского Запада со славянским Востоком», как великая победа последнего над ненавистным всему славянству агрессором, определяющая его превосходство над захватчиком. Мысль об извечном противостоянии народов, выдвинутая историками Российской империи, во многом определялась идеями панславизма, получившего широкое распространение в среде русской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. Ярким примером эффективности единения славян являлась битва при Грюнвальде, что и заставляло историков обращаться к данной проблеме. Речь М.О.Кояловича – прямое тому подтверждение.

В советское время обращение к Грюнвальдской тематике преследовало преимущественно идеологические цели. Здесь очень чётко прослеживается связь между ходом боевых действий на фронтах второй мировой войны и публикацией статей о Грюнвальдской битве. Они появляются с 1939 по 1943 г., в период наступления германской армии, и призваны развеять «миф о её непобедимости». После коренного перелома в ходе военных действий надобность в них отпадает и они перестают создаваться вплоть до 1960 г. Большинство появившихся тогда в печати статей вообще нельзя отнести к разряду научных. К дореволюционной исторической литературе они не добавляют ничего нового. Самой битве уделяется очень мало места, а при ее описании не приводятся какие-либо доказательства тем или иным утверждениям. Все основные положения заимствуются из дореволюционной историографии. Это, в первую очередь, идея извечного германо-славянского противостояния и версия об исключительной роли смоленских полков, якобы спасших положение и решивших исход боя. Советские историки почти не пользуются источниками, опираясь на уже существующие исследования. Появившаяся в 1960 г. статья В.Т.Пашуто и М.Ючаса как в методологическом, так и в идеологическом плане мало чем отличается от предыдущих работ. Можно сказать также, что она носит формальный характер – невозможно было обойти вниманием очередную юбилейную дату, тем более что в соседней Польше Грюнвальдская битва нашла отражение в литературе, искусстве и научных исследованиях и к 550–летию сражения было подготовлено юбилейное издание «Грюнвальд – 550 лет славы» [25]. Наконец, парадоксально выглядит ситуация, когда И.П.Греков и Ф.Ф.Шахмагонов в своей книге, посвящённой Руси в период высокого средневековья, отводят сражению больше места, чем большинство советских историков в специальных рабо-

так, посвящённых непосредственно Грёневальдской битве или войнам с рыцарскими орденами в Прибалтике.

Белорусская историография сражения не поднимается выше научно-популярного уровня. До настоящего момента не создано ни одного специального исследования о Великой войне или битве при Грёневальде. Такая ситуация свидетельствует о том, что средневековая история Беларуси исследуется в настоящее мнение на недостаточном уровне. Остается надеяться, что этому событию, которое, несомненно, занимает исключительное место в национальной истории, будет уделено больше внимания со стороны отечественных учёных.

1. Барбашев А. Танненбергская битва // Журнал Министерства народного просвещения. – 1887. – №12. – С. 256-287.
2. Гейслан П.А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию. – Киев, 1910.
3. Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М., 1943.
4. Греков И.П. Шахматонов Ф.Ф. Русские земли в 13-15 вв. – М., 1988.
5. Грыцкевич А. Барацьба Вялікага княства Літоўскага і Рускага (беларуска-літоўскай дзяржавы) з Тэўтонскім ордэнам у канцы XIV – першай палове XV стст. // Адраджэнне. – Мінск, 1995. – Вып.1.
6. Длугош Ян. Грёневальдская битва. – М. – Л., 1962.
7. Жюгэсда Ю.И. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XII – XV веках. // Исторический журнал. – 1942. – №8-9. – С. 23-45.
8. Зутис Я. Грёневальд – конец могущества Тевтонского ордена // Исторический журнал. – 1941. – №9. – С. 12-21.
9. Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. – Курск, 1996.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Кн. 2. – Ростов-на-Дону, 1997.
11. Коялович М.О. Грёневальденская битва 1410 года. – Санкт-Петербург, 1885.
12. Краўцэвіч А.К. Тэўтонскі ордэн: ад Ерусаліма да Грунвальда. – Мінск, 1993.
13. Лапин Н. Турчинский А. Грёневальдская битва. – М., 1939.
14. Линд М. Литва в XIV и XV веке. – М., 1910.
15. Пичета В.И. Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками // Исторический журнал. – 1941. – № 9. – С. 25-39.
16. Пащута В. Ючас М. 550-летие Грёневальдской битвы // Военно-исторический журнал. – 1960. – №. 9. – С. 87-98.
17. Соловьев С.М. История России с древнейших времён: Соч. в 18 кн. – Кн. 2. – М., 1988.
18. Тихомиров В.Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII – XV вв. – М., 1941.
19. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. – Т. 32. – М., 1975.
20. Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – Т. 32. – М., 1975.
21. Цярохін С. Грёневальдская битва 1410 г. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 3. – Мінск, 1996.
22. Biskup M. Grunwaldska bitwa. Geneza – przebieg – znaczenie. – Warszawa, 1991.
23. Boockmann H. Zakon Krzyżacki. – Warszawa, 1998.
24. Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis // Scriptores rerum Prussicarum. – B. 3. – Leipzig, 1866.
25. Grunwald – 550 lat chwały. – Warszawa, 1960.
26. Kuczyński S. Wielka Wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409-1411. – Warszawa, 1960.
27. Spieralski Z. Czy koniec sporów o Grunwald // Zapiski historyczne. – T.39. – 1974. – Z.2. – S. 76 – 92.

Поступила в редакцию 14.02.2003.

The present article makes a review of the literature in Russian and Belarusian languages, which was published on the territories of the Russian Empire, the Soviet Union, and of the Republic of Belarus. The reviewed literature describes the events of the Grunewald battle, which took place on July 15, 1410. The article analyses the descriptions of the battle made by Russian and Belarusian historians in 19 monographs and articles, having been published since the last quarter of the 19-th century to present time.

The author of the present article came to the conclusion, that both Belarusian and Russian historiography has not studied enough the problem of the Grunewald battle. The majority of descriptions are compilation from either Polish or German sources. The materials are quite tendentious. The activities of the Teutonic Order are regarded to be exclusively negative. As a rule the level of the research is popular scientific. While writing their works, the authors were influenced by ideological rather than scientific considerations.

– 22 –

Гагуа Руслан Борисович – аспирант кафедры всеобщей истории ГрГУ им. Я.Купалы.
Научный руководитель – профессор, доктор исторических наук А.Н.Нечухрин.

Філософія

УДК 316.42

Ч.С.Кирвель

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье анализируются причины и основные этапы становления новой объяснительной модели (парадигмы) социального познания, характеризующей развитие общества как открытый непредопределенный многомерный и нелинейный процесс. Показано, что в рамках данной модели (постнеклассическая картина мира) хотя полностью и не отрицается наличие в мире замкнутых систем, линейных соотношений, детерминистских связей (законов) и т.д., все же делается акцент на понятиях противоположного рода – хаосе, беспорядке, становлении, нелинейности, стохастичности и т.д. При этом в статье дается общее очертание нового стиля мышления и нового миропонимания, связанных с синергетическим сдвигом в естествознании и социальном познании, с синергетикой – еще молодым научным направлением, переживающим период становления.

Основным предметом нашего внимания здесь выступит анализ традиционных, чуть ли не «вечных» вопросов социально-философской мысли о соотношении объективного и субъективного, материального и духовного, стихийно-спонтанного и целенаправленного, закономерного и субъективно-волевого, исторически неизбежного и свободополагаемого, возможного и действительного, самоорганизующегося и организуемого начал в движении социума – вопросов, которые, в начале 3-го тысячелетия приобрели новое звучание и смысл. В целом мы видим свою задачу в том, чтобы на основе новейших достижений социогуманитарного знания уяснить, как и в каких пределах (мере, степени) люди могут влиять на ход своей истории? Могут ли они посредством целенаправленных, сознательно-волевых усилий изменить вектор общественного развития, направить его в иное русло или они обречены следовать «року истории», быть бессильными свидетелями разворачивающихся событий, их жертвами? Велика ли роль здесь идей, идеалов, иллюзий, утопий – словом, совокупности духовных факторов социально-исторического процесса или она ничтожно мала, и люди практически не в состоянии помешать истории-удаву, заглатывающей каждое новое поколение, переваривать его в соответствии с лишь ей ведомыми законами, и затем выплевывать, только для того, чтобы заглотить в свое чрево следующее? Возможно ли, в конце концов, направить движение истории в сторону гуманизации человеческой жизни или этого сделать нельзя, и мы обречены до скончания времен быть заложниками своей подлости и эгоизма, своего агресивно-потребительского, антропоцентрического отношения к миру?

В современных условиях, когда человеческая цивилизация находится в транзитном состоянии, характер и направленность которого еще далеко не ясны, эти вопросы приобретают жизненно-практическую значимость, становятся ключе-

вой проблемой стратегии социальных преобразований, поисков и осмысления новых горизонтов человеческого бытия.

Изложение всех этих проблем потребует целой серии статей. Данная статья – первая из них. В ней мы сосредоточим свое внимание на анализе процесса становления новой объяснительной модели (парадигмы) социального познания, характеризующей развитие общества как открытый непредопределенный многомерный и нелинейный процесс.

От классической к постнеклассической картине мира

Как известно, раньше большинство мыслителей полагало, что движение истории подчинено некоей надчеловеческой силе, которая педантично регулирует события социального мира. Данную силу они, в зависимости от своей мировоззренческой направленности, называли или провидением, или мировым разумом, или объективной закономерностью. Причем предполагалось, что сила эта благоприятствует людям: она, вопреки всем превратностям истории, частным деструкциям и препятствиям, в конечном итоге приводит все к единому общему благу и обеспечивает в целом прогрессивно-поступательное развитие общества.

Такой взгляд на развитие общества (если, конечно, оставить в стороне чисто провиденциалистическую* трактовку исторического процесса) был непосредственно связан с господствующей среди большинства ученых-гуманитариев научной парадигмой**, которая, начиная по меньшей мере с XVII столетия и вплоть до XX века рассматривалась как классическая во всех областях знания. В рамках данной парадигмы или, если сказать шире, классической картины мира, сложился определенный стиль мышления и понимания действительности, базирующейся на следующих основных теоретических принципах и положениях.

1. Понимание мира, его объективное описание и объяснение могут быть достигнуты только посредством устанавливаемых наукой универсальных законов бытия.

2. Предметом науки является общее, повторяющееся, наука же об индивидуальном, уникальном в принципе существовать не может. Случайность есть сугубо внешнее побочное явление, не способноеказать на динамику объекта сколь-нибудь значительное влияние и, соответственно, не имеющее самостоятельного значения.

3. Действительность выступает как поле действия универсальных причинно-следственных (каузальных) связей и отношений; видимое их отсутствие или нарушение есть результат не полноты наших знаний. Отсюда – понимание детерминизма*** как принудительной каузальности, предполагающей фактор

* Провиденциализм (от лат. providentia – провидение) – понимание истории как проявления воли внешних по отношению к ней сил, как осуществление замыслов Бога. Хорошой иллюстрацией провиденциалистического истолкования истории является, например, следующее высказывание Г.Гегеля: «Выражение той мысли, что разум господствует в мире, находится в связи с ее дальнейшим применением, которое нам хорошо известно, а именно – в форме той религиозной истины, что мир не предоставлен случаю и внешним случайным причинам, но управляемся провидением... Провидение, и притом божественное провидение, управляет мировыми событиями» [1, с. 13].

** Парадигма (от греческого *paradeigma* – пример, образец) – исходная от концептуальной схемы, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

*** Детерминизм (от лат. *determinire* – определять) – учение об объективной закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений материального и духовного мира. Противоположность детерминизма – индетерминизм.

внешней по отношению к исследуемому процессу причины, понятой в качестве его детерминанты.

4. Развитие мира носит линейно-поступательный, односторонний и безальтернативный характер; если и имеют место отдельные случайные альтернативы, то они поглощаются магистральным течением событий.

5. Линейный, детерминистский подход дает возможность исчерпывающего адекватного описания сколь угодно отдаленного прошлого и невероятного, опять же сколь угодно отдаленного, прогнозирования будущего.

6. Управляющее воздействие людей на объекты, если оно согласуется с их закономерообразной логикой развертывания и развития, рождает желаемый результат и тем самым обеспечивает свободу людей, понимаемую как осознанную необходимость. Отсюда – линейная модель управления процессами.

Таким образом, классическая наука основное внимание уделяла равновесию, устойчивости, однообразности, порядку – всем тем параметрам, которые характеризуют замкнутые системы и линейные соотношения. Мир при таком подходе мыслился как правильный, простой и однородный процесс, а природа – как мертвое пассивное начало, действующее по принципу механизма-автомата. Главное в этой схеме состояло в понимании природной и социальной среды как упорядоченной и закономерно устроенной системы, познав которую, человек способен осуществить свою власть над внешними обстоятельствами и процессами, поставив их под свой контроль. Отсюда культ рациональности в западноевропейском сознании, уверенность в возможности человека как заведомо более совершенного творения, нежели природа, целенаправленно переделать мир. Именно такого рода представлениями вольно или невольно вдохновлялись и английский философ Ф.Бэкон, стремившийся посредством «выведывания» и «вырывания» тайн (законов) окружающей природы достичь полного господства над нею, и К.Маркс, пытавшийся на основе, как ему казалось, строго научной теории коренным образом изменить жизнь общества, и многие другие.

Такого рода представления чрезвычайно глубоко укоренились в сознании многих представителей научного сообщества и имеют широкое распространение по сей день. И сегодня нетрудно заметить прямую связь между многими проблемами социогуманитарного знания и обозначенными нами элементами «классической» научной парадигмы. Это выражается прежде всего в неистребимом стремлении целого ряда обществоведов найти универсальную, всеобъемлющую и безальтернативную теорию («формулу», «таблицу», как сказал Ф.М.Достоевский) всемирно-исторического процесса, отстоять прежние или выявить новые единственно верные, непреложные законы социальной динамики.

В естественнонаучном понимании линейно-детерминистская картина мира находила в первую очередь свое непосредственное выражение в идее эволюции, а в социогуманитарном знании – в идее общественного прогресса как установке на рациональное перевоссоздание мира во имя всеобщего счастья и процветания.

Безусловно, это была величественная и красавая картина, оказавшая мощное, хотя, к сожалению, не только позитивное, воздействие на судьбы человечества.

Теперь имеет смысл выделить основные параметры классической парадигмы собственно социогуманитарного познания, которая так или иначе сформировалась под непосредственным воздействием и в связи с господствующей в то время научной картиной мира.

1. Действительным предметом социального познания и подлинным критерием его научной состоятельности выступает все то, что позволяет выявить и

охарактеризовать общие законы и закономерности социальной эволюции, смену и повторения ее стадий и этапов.

2. Развитие общества носит законосообразный, прогрессивно-поступательный, линейно-восходящий, безальтернативный характер: настоящее всецело определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Отсюда концепции не только провиденциалистского толка, но и социального прогресса, формационно-стадиального развития общества, выступающие либо в виде экономического, либо технологического детерминизма.

3. Проявление случайности в форме отдельного события или индивидуальной человеческой воли, в конечном счете, поглощается инейтрализуется общим ходом истории, законы которой при любом сочетании обстоятельств, отдельных индивидуальных воль, сил и тенденций в конечном счете неизбежно пробыют себе дорогу.

4. Развитие общества подчинено универсальной историчности, задающей общую направленность и единство всемирно-историческому процессу. То есть, на основе универсалий прогресса, равно доступного всем народам и государствам, постепенно формируется единое мировое пространство.

5. Развитие общества носит вполне предсказуемый характер. Ошибки и просчеты в прогнозировании будущего социального бытия есть результат неполного знания и понимания закономерностей его развития.

Таковы в самом общем и схематизированном виде базисные параметры классической парадигмы социального познания, которая, так или иначе, коррелировалась с классической научной картиной мира.

Но постепенно ситуация изменилась. В результате небывало резкого ускорения общественных процессов, уплотнения темпов социальных изменений, непредсказуемых сдвигов и трансформаций в человеческом бытии, а также под влиянием революционных открытий в естествознании, в частности, в связи с достижениями термодинамики в XIX веке и квантовой механики в XX веке, стала, хотя и с трудом, встречая мощное сопротивление привычных идей и взглядов, формироваться новая картина мира; получила свое развитие так называемая неклассическая наука. Позже, уже во второй половине XX века, благодаря прежде всего становлению синергетики – нового междисциплинарного научно-мировоззренческого направления, объект исследований которого – процессы самоорганизации в открытых системах, в том числе и в общественной жизни, начинает утверждаться постнеклассическая научная картина мира.

В связи с этими глубинными сдвигами в развитии общества и социального познания среди исследователей стал пробивать себе дорогу взгляд, согласно которому нет никакого предопределенного движения социума к какой-либо модели «светлого будущего», что оптимизм истории телеологически не задан. А в ситуации последних десятилетий XX века – в обстановке трагических социально-политических метаморфоз на постсоветском пространстве и на фоне глобальных кризисных явлений, охвативших современную техногенную цивилизацию, стало вполне очевидным, что будущее не только многовариантно, но и что его совсем может не быть.

Безграничность и многомерность социальной практики конца XX века, резко возросший динамизм общественной жизни в связи с непредсказуемыми процессами социальной трансформации на постсоветском пространстве и процессами перехода наиболее развитых стран к постиндустриальному обществу с его гибкими и подвижными структурами со всей очевидностью обнаружили ограниченность господствующей долгое время парадигмы линейно-поступательного развития социума. В результате на передний план выдвинулись другие харак-

теристики социальной динамики: нелинейность и вариативность развития, несводимость многообразия общественных отношений к общему знаменателю, альтернативность, релятивность всех структур, их автономность по отношению к целому и т.д.

Формирующаяся новая картина мира (новая исследовательская парадигма) существенным образом трансформировала наши представления о закономерностях развития как природного, так и социального мира.

Выделим в качестве исходных следующие основоположения новой исследовательской парадигмы, которая первоначально стала утверждаться в области естественнонаучного знания:

- исследовательское поле науки включает в себя не только познание закономерного, общего, универсального, повторяющегося, но и случайного, отдельного, неповторяющегося, индивидуально-событийного;

- трансформационные процессы интерпретируются как открытые и самоорганизующиеся, что означает отказ от принудительной каузальности, предлагающей наличие изолированных причинно-следственных цепочек и фиксацию внешнего по отношению к рассматриваемой системе объекта в качестве причины ее трансформации;

- отказ от рассмотрения случайности в качестве только внешней по отношению к исследуемому процессу помехи, которой можно пренебречь, и признания ей статуса фундаментального фактора в механизме детерминации трансформирующихся систем; отсюда – утверждение нового типа детерминизма, не отвергающего в объяснении мира случайности, а согласующегося определенным образом с ней: если в момент перехода объекта из одного состояния в другое (в точке бифуркации*) доминирует случайность, непредсказуемость, то после «выбора» системой направления развития и обретения новой формы устойчивости в действие вступают связи причинно-следственной обусловленности (детерминизм);

- развитие носит нелинейный, многомерный характер; оно многовариантно, альтернативно как в перспективном, так и ретроспективном плане, его темп и направленность не заданы однозначно и не сводимы к простой поэтапной поступательности; линейно организованные процессы, замкнутые системы, действующие как механизмы, выступают лишь как частный случай нелинейной динамики;

- новый, не линейный, тип детерминизма исключает возможность любого однозначного описания и невероятностного прогнозирования будущего состояния трансформирующихся систем.

- управление сложноорганизованными системами необходимо должно предполагать осознание и учет сущностных особенностей нелинейной динамики –неравновесность, неустойчивость, незапрограммированность и альтернативность в процессах развития, и, соответственно, допускать возможность существования сфер и ситуаций, не подвластных контролю и непредсказуемых.

Таким образом, мы видим, что в рамках неклассической (постнеклассической) картины мира имеет место различная акцентуализация понятийных доминант: детерминизм – случайность, закрытые системы – открытые системы, линейность – нелинейность, устойчивость – неустойчивость, порядок – беспорядок, предсказуемость – непредсказуемость. Постнеклассическая картина, полностью не отрицая наличие в мире замкнутых систем, линейных соотношений, детер-

* Точка бифуркации – переломный, критический момент неопределенности в процессе развития, точка «разветвления» возможных путей эволюций системы.

министских связей (законов) и т.д., – все же делает акцент на противоположных понятиях и принципах развития мира, стремится научным путем постичь то, что не было прежде предметом науки (хаос, беспорядок, становление и т.п. – явления, не имеющие до сих пор строгого определения), пытается рациональным способом объяснить нерационально устроенный мир [2, с. 29].

Современная постнеклассическая картина мира в своем приложении к социальному познанию открыла в развитии общества процессы, при которых будущее вовсе не всегда и необходимо является предопределенным итогом предшествующих событий (причин). В ее рамках, напротив, делается акцент на том, что в точках бифуркации строго детерминистское описание социальных явлений становится недостаточным или даже вообще непригодным, ибо одно и то же событие (причина) способно стать толчком развития альтернативных сценариев. «Многие роковые неудачи и трагедии XX века были связаны именно с тем, что реформаторы действовали так, будто находятся на эскалаторе гарантированной истории: с каждой новой ступенью плохие события становятся все менее вероятными, хорошие – все более вероятными» [3, с. 51]. Действительность, однако, обнаружила возможности совершенно другого рода.

Под влиянием синергетического сдвига в естествознании постепенно стало утверждаться в сознании современного человека понимание того, что в этом мире есть место и порядку и беспорядку, и равновесию и неравновесности, и предсказуемости и непредсказуемости и т.д. Правда, пока можно обозначить лишь общие очертания нового стиля мышления и нового миропонимания, связанных с синергетикой – еще молодым научным направлением, переживающим период становления. Тем не менее, уже сейчас можно говорить о некоем методологическом синтезе в рамках постнеклассической картины мира, казалось бы, не совместимых ранее понятий и принципов, приближающих нас к формированию нового целостного образа мира, «мира, сотканного из чередований и взаимопереходов, хаоса и порядка, организации и дезорганизации, равновесия и неравновесности, необходимости и случайности, динамизма и гомеостаза» [2, с. 31].

Однако не следует, как представляется, абсолютизировать достижения синергетики, преувеличивать их значимость. Было бы чрезвычайным упрощением считать, что оформление синергетики как научного направления автоматически означает полный крах предшествующей научной парадигмы и окончательное вытеснение из сознания ученых прежней картины мира. Не стоит также полагать, что открываемые синергетикой законы самоорганизации мира могут быть механически перенесены в сферу социального познания. Безусловно, в социальном познании синергетика способна стимулировать эвристический подход, дать определенную научную установку исследователю. Синергетические идеи о взаимопереходах порядка и хаоса, о нелинейности и неравновесности, открытости сложных самоорганизующихся систем, сопряженные с социальным познанием, обогащают и трансформируют наши представления о диалектике спонтанного, целеволевого и целерационального начал в движении социума, объективной детерминации и случайности, «свободной воли» в общественном развитии, об особом значении переходных эпох в истории человечества, о роли социального выбора, проблеме альтернативности и многофакторности в жизнедеятельности людей и т.д.

Синергетика, похоже, может обеспечить и общие рамки исследования, некоторую ментальную схему, но не более. Остальное – дело самой социальной науки. Конкретные приложения синергетических моделей к сложным человеческим и социальным системам отнюдь не избавляют нас от углубленного исследования специфики развертывания социальных процессов, научного исследования са-

мой социальной реальности. В познании социальных явлений явно недостаточно описывать только общесинергетические эффекты, но надо еще особо заниматься раскрытием их общественных модификаций, обусловленных спецификой социума. «Синергетические модели дают возможность прояснить тот или иной аспект социальной жизни в зависимости от конкретных задач исследования. Но вопрос об относительном весе именно этого аспекта в общей схеме детерминации остается открытой» [4, с. 107]. В целом существует потребность в осознании не только возможной пользы применения синергетики познания, но и возможных издержек этого применения, его границ и пределов.

В частности, представляется вряд ли оправданной излишняя засоренность социогуманитарного знания синергетическими терминами, которыми, по сути дела, чаще всего стали подменяться привычные, апробированные понятия современной социальной науки. На практике такое дублирование не прибавляет нового знания, так как новыми терминами, описывается прежний круг проблем.

Известный белорусский философ Ю.А.Харин, говоря о применимости синергетики как специфической отрасли знания к социальному познанию, разделяет понятия «социальная синергетика» и «социальная синергия». Он пишет: «В отличие от двузначности (теория и реальность) социальной синергетики выражение «социальная синергия» однозначно. Оно фиксирует объективную (объективно-субъектную) социальную действительность» [5, с. 23]. Термин «социальная синергия», по мнению Ю.А.Харина, выражает «важный аспект диалектики социума в ее разнообразных оппозициях: социальный хаос – развитие, спонтанность – целерациональность, деструкция – творчество, случайность – закономерность – цвешенизм (пограничная ситуация, состояние переходности – Ч.К.), объективное – субъективное, целеполагание – архетипы, идеология – общественная психология, индивид – массы, институализация – спорадичность и т.п. В отличие от известных выражений «социальная инженерия» и «социальное проектирование», а также «социальное управление», схватывающих момент регулируемости в явлениях социума, понятие социальной синергии выражает общественные процессы в единстве их целеполагающих и спонтанных характеристик» [5, с. 23]. Короче говоря, автор под социальной синергией понимает общественную реальность, возникающую как суммарный результат объективного хода событий и сознательных субъективных действий людей. Так, понимаемая социальная синергия может быть предметом изучения различных наук – экономики, истории, политологии и др. В междисциплинарном аспекте «социальная синергия» выступает как объект исследования собственно социальной синергетики, «социосинергетики», «гомосинергетики», а при социально-философском подходе – социальной диалектике. Таким образом, Ю.А.Харин не противопоставляет синергетику и диалектику, а рассматривает их как вполне совместимые и взаимодополняющие в познании действительности. Такой взгляд нам представляется вполне оправданным и плодотворным.

Обратим внимание еще на один момент. В некоторых исследованиях сегодня обосновывается идея методологической конгруэнтности (соответствия, совпадения) синергетической и постмодернистской исследовательских программ, синергетика и постмодернизм рассматриваются в качестве параллельных новейших естественнонаучной и гуманитарной версий концептуального моделирования нелинейных динамик. При этом речь идет даже о глубоких парадигмальных сдвигах в современном естественнонаучном и гуманитарном познании, вызванных, соответственно, развитием синергетики и постмодернизма, что, прежде всего, проявилось в 1) повороте как естественнонаучного, так и гуманитарного познания от классической трактовки детерминизма к новой интерпре-

тации детерминационных процессов как фундированных феноменом флуктуации (фактор случайности) и к отказу от традиционной идеи преемственности (своего рода отказ от логоцентристского стиля мышления в современной культуре), 2) в переориентации от «аналитики существующего» к «аналитике возникающего», т.е. введении в содержание исследования презумпции темпоральности (так называемый феномен «переоткрытия времени» в современном естествознании и гуманитарном познании), 3) в отказе современной науки от классического стиля мышления, основанного на традиционной субъект-объектной оппозиции, и возникновение в современной культуре ориентации на диалоговые формы взаимодействия человека с миром [6].

Соглашаясь с правомерностью, даже необходимостью, сравнительного анализа синергетической и постмодернистской исследовательских стратегий, мы, тем не менее присоединяемся к той точке зрения, согласно которой философия постмодернизма не является единственным и магистральным путем поиска целостной концепции современной социальной динамики. Постмодернистская методология анализа социальных явлений, несмотря на всю свою популярность, на деле выступает как некий вариант методологического экстремизма. Постмодернистски ориентированные мыслители демонстративно отказываются от фундаментальных гносеологических категорий (объект и субъект, например) и постулируют как единственную реальность социально-философского исследования стихию языка и «языковые игры». Конечно, постмодернизм, ставший своего рода интеллектуальной модой, есть ответная реакция на некоторые проявления социальной практики конца XX века, но реакция не адекватная, направленная не на преодоление гримас жизни нашего времени, а на их оправдание и увековечение. Картина социального мира, которую он постулирует, выступает как разорванная на «множество плохо совместимых наплывающих друг на друга фрагментов. Его олицетворяет и мелькание картинок перед взором субъекта, блуждающего по каналам телевизионных программ или компьютерных игр» [7, с. 81]. Постмодернизм внутренне двойственен, «химеричен». В нем, как в сновидении, co-существуют несоединимыми начала: с одной стороны, – осуществление фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия, с другой стороны – бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни [8, с. 5].

В современных отечественных науках об обществе перемешены и сосуществуют методологические установки классического, неклассического и отчасти постнеклассического обществознания. «Причем такое промежуточное положение, когда новая социологическая парадигма еще не утвердилась и не получила достаточного реального обоснования, а старая продолжает удерживать ключевые позиции (особенно в образовательной практике) – это положение порождает как ряд кризисных проблем, так и открывает широкие прорывные возможности в развитии социальной теории» [2, с. 202]. В сложившейся ситуации новационный методологический поиск необходимо направить не просто на освоение всего спектра современных социологических теорий, не просто на плюралистический перебор общественных моделей и концепций, а на выработку реального, рационально обоснованного мировоззренческого и методологического синтеза, базирующегося на поиске общих принципов соотношения, соизмеримости и взаимозаполнительности различных методологических и общетеоретических подходов [2, с. 202]. Потребность в такого рода синтезе нарастает и в связи с необходимостью определения оптимальной стратегии развития восточнославянских народов, что предполагает не только осмысление цивилизаци-

онной специфики, особенностей направленности исторического пути данных народов, но и обязательное изучение общемировых процессов, связанных прежде всего с транснационализацией жизни планеты, с нарастанием взаимозависимости в отношениях между государствами. Решение этих задач неизбежно возвращает исследователей, правда, уже на новом витке развития обществознания, к устойчивой традиции классической социально-философской мысли – поиску универсальных принципов движения социума, общего алгоритма социальной динамики.

Развитие общества как открытый непредопределенный многомерный процесс

Теперь предпримем попытку очертить самые общие контуры формирующейся сегодня новой модели (парадигмы) социогуманитарного знания.

Прежде всего, сегодня можно определенно утверждать, что развитие общества не имеет окончательного предопределения и осуществляется в соответствии с принципом многовариантности: оно открыто, незапрограммировано, не подчинено действию каких-либо жестких закономерностей и однозначно не детерминировано ни каким-либо одним фактором, будь то политика, экономика или еще что-нибудь, ни даже всей совокупностью факторов (детерминант), имевших место в предшествующий период развития. Оно в каждый момент истории открыто к становлению нового, в каждый момент времени его будущее носит вероятностный характер и творится здесь и теперь. Из любой конкретной точки его бытия исходит не одна, а целый веер потенциально возможных направлений развития, степень вероятности утверждения которых может изменяться в каждый последующий момент.

В конкретно исторический момент, в сложном переплетении ветвящихся дорог общественной эволюции, исторических потенций и возможностей, решающую роль играют субъективный фактор, непредсказуемый человеческий выбор и поступок, случайное стечание обстоятельств. Именно они в преимущественной степени определяют конкретную «физиономию» формирующихся новых исторических обстоятельств и уклада жизни людей. И если свершившееся конкретное событие никак не вкладывается в полосу прогрессивно-поступательного развития общества, то истории предстоит немало «потрудиться», чтобы преодолеть его последствия.

В социальной жизни характер становления нового, как правило, жестко и однозначно не предопределен содержанием старого. Новое всегда является сложным сплавом традиционных и нетрадиционных элементов, его природа зависит главным образом от современных социальных и политических условий. Даже специфика отрицания старого, т.е. сама форма негации, ее глубина, степень деструктивности, неизбежно оказывают определенное влияние на тенденции развития нового, в известной мере задают направленность последующему процессу общественных изменений. Но главное то, что новое обладает способностью к *самодетерминации*: возникающая общественная система опирается не просто на ту конфигурацию социально-политических сил, которая была характерна для предшествующей системы, но творит для себя соответствующие социальные образования, порождает адекватный для себя социальный базис, который впоследствии становится действенной ее опорой. В результате свершившийся социальный выбор в ряде случаев может привести к необратимым изменениям, на годы и даже многие десятилетия задать определенное направление развитию общества. Факторы же, повернувшие историю на этот путь, могут, с точки зрения своей общественной значимости, быть незначительными, во многом случайными. Реализовавшись, однако, они жестко определяют движение общества

в новом направлении. Причем вероятность такого развития многократно возрастает, когда тот или иной проект преобразования общества становится идеологической доктриной какой-либо общественно-политической силы, монопольно властвующей в обществе.

Историческая действительность, таким образом, является в значительной мере пластичной, способной к различным переменам. В сущности, если не к истории в целом, то к миру конкретных событий понятие «историческая закономерность» и «необходимость» надо применять весьма осторожно, с учетом игры случайностей и человеческих предпочтений. Нравится нам это или нет, история всегда будет представлять собой одну из выбранных и реализованных людьми возможностей, при этом далеко не всегда соответствующих оптимальному пути социального развития. Как свидетельствует исторический опыт, способность к самодетерминации, обретению собственной, не вытекающей прямо из природы старого, логики развития обладает и тоталитаризм, сыгравший столь драматическую роль в истории XX в.

В наши дни альтернативность истории не требует особой верификации: факт ее наличия стал непосредственно наблюдательным даже на уровне обыденного сознания. В последние полтора десятилетия XX века мы стали свидетелями, а некоторые из нас даже действующими лицами разыгрывающейся на советском (постсоветском) пространстве драмы выбора путей развития общества, столкновения и борьбы исторических альтернатив, побед одних из них и поражения других. На наших глазах зачастую рушилось за несколько дней то, что создавалось в течение длинного ряда лет. Все мы, независимо от отношения к происходящему, пережили целую серию крутых метаморфоз истории – кризисных сдвигов в политической, социально-экономической и культурной жизни общества. Скорость протекания социальных процессов вовсе не предсказуемых, нередко трагичных и всегда касающихся каждого из нас, превзошли самую буйную фантазию. На авансцене политической жизни стали неожиданно появляться, словно «черти из табакерки», множество новых лиц, сменяющих друг друга, группирующихся, нападающих один на другого и защищающихся. Невозможно этот калейдоскоп событий, лиц, обстоятельств описать с позиций жесткого детерминизма.

Все эти эмпирически наблюдаемые явления позволили исследователям сделать важный теоретический вывод: историческую свободу людей неверно, как это было ранее, рассматривать исключительно как осознанную необходимость. Современный уровень социального познания требует осмысливать историческую свободу как осознанную возможность [9, с. 215], то есть как возможность исторического выбора из имеющих место в данной ситуации альтернативных путей развития, которые, как мы уже старались показать, история всегда имеет в запасе. Это значит, что люди обладают способностью преодолевать историческую инерцию и творить собственное будущее, осуществлять выбор этого будущего, исходя из целого спектра исторических альтернатив, обладающих различной или одинаковой возможностью для реализации.

Благодаря такого рода особенностям развития социума субъект истории имеет возможность формировать, отказавшись от следования исторической инерции, привычному течению дел, новые пути истории, то есть он может либо принимать исторически сложившуюся ситуацию и действовать в рамках инерции истории, либо направить свои усилия на изменения *status quo*, преодоление (углубление, расширение) наличного уровня исторической необходимости. Такого рода возможность исторического субъекта обусловливает, как представляется, субъективную сторону существования альтернатив истории.

Но, в принципе, истории внутренне присуща альтернативность. Это обусловлено реальным существованием в жизни социума различных противоборствующих политических, экономических и социальных структур, сил и тенденций разной направленности. Последнее обстоятельство позволяет придать исторической возможности (альтернативности) онтологический статус [10, с. 60, 61], идентифицировать ее как особую сферу реальности, признать ее укоренность в каждой точке социального пространства и в каждый момент социального времени.

Рассматривая историческую свободу как осознанную возможность, мы тем самым отказываемся признать наличие жесткой предопределенности в истории: социальные закономерности реализуются не в форме фатальной неизбежности, а в форме возможности, в сфере человеческого выбора. А если это так, то субъект социального выбора несет ответственность за свои действия перед историей, перед другими людьми, перед самим собой. То есть, при таком подходе к социальной реальности отнюдь не снимается, а напротив, утверждается ответственность исторического субъекта за свои поступки и дела. По большому счету, в общественной жизни, как и в личной, нельзя мыслить свободу без ответственности.

Во избежание упрощения отметим, что тезис о свободе как осознанной необходимости не может быть отвергнут окончательно и во всех случаях. Хотя в истории, как правило, существует множество возможностей, тем не менее в отдельных случаях могут возникнуть ситуации, когда будет иметь место лишь одна возможность. Правда, единственная возможность – предельный случай, который возникает лишь тогда, когда общество находится в критическом состоянии и исчерпаны все другие возможности, кроме гибели. Такая ситуация для отдельных народов мира неоднократно имела место (не случайно некоторые исследователи рассматривают человеческую историю как «кладбище» цивилизаций и народов). В будущем (возможно недалеком) такая ситуация может стать реальностью для всего человечества, если оно не будет сообразовывать свое развитие с экологическим императивом и окажется не способным дать, «ответы» на глобальные «вызовы» современности.

Но даже в критических ситуациях, вплоть до последнего момента, как правило, имеются две возможности – одна из которых гибель, а другая – предельная концентрация сил общественного организма с целью самосохранения. Реализация этой второй возможности требует от общества пресечения всякого противостояния классов и социальных групп, подчинения деятельности элит и масс единой общенациональной цели и воли, их готовности и способности идти на сверхусилия вплоть до выхода из критической ситуации. В этом случае историческая свобода может выступить только лишь в форме осознанной необходимости.

Мы также вправе говорить об отвергнутых альтернативах и упущеных возможностях или о несостоявшихся событиях. Кроме того, у нас нет никаких оснований считать, что то, что фактически произошло, есть во что бы то ни стало проявлением «прогрессивного хода истории». А следовательно мы имеем теоретическую возможность и право выдвигать контрфактическую модель проекции исторических событий.

Можно, конечно, сказать, что выбор, выходящий за пределы спектра наличных возможностей и совсем не считающийся с логикой исторического развития, осуществляемый самонадеянным субъектом, рано или поздно отмечается историей или трансформируется до неузнаваемости. Примеров тому множество. Но это мало утешает: далекое и совсем недавнее прошлое свидетельствует, что ошибки в выборе направления общественного развития, спосо-

бов движения к субъективно избранной цели всегда оплачивались народом – бедствиями и лишениями целых поколений. А ведь жизнь у человека одна.

Вообще, когда речь идет о проблеме человеческого выбора, то обычно высказывается мысль: «история не знает сослагательного наклонения». Этот тезис твердят нам настолько часто, что пройти мимо его практически невозможно.

Нам представляется, что подход к анализу истории не только с точки зрения того, что произошло, но и с точки зрения того, что могло произойти, является оправданным, теоретически корректным и научно плодотворным. Если мы не соглашаемся с фатальной заданностью, запрограммированного будущего, то почему мы должны с тем же самым соглашаться в отношении к прошлому, утверждать, что в истории все произошло именно так, как должно было произойти. Ведь в действительности прошлое ничем не хуже и не беднее будущего. В сущности, от допущения различных, альтернативных путей движения не только применительно к будущей истории, но и к прошлой зависят глубина проникновения в эту прошлую историю, ее правильное понимание и оценка.

Следует отметить, что социальная система является весьма чувствительной к проявлению случайности. В период социальной неустойчивости, в переходном состоянии, когда осуществляется крупный сдвиг в развитии общества и рождаются новые структуры, меняется диспозиция социальных сил, даже малая случайность может возыметь радикальное значение для дальнейшей судьбы общества в целом. То есть, в «точках бифуркации» (если опять прибегнуть к синергетической терминологии) незаметные случайности могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению дальнейшей траектории ее движения. Случай, в данной ситуации означает гибкое начало, имеющее непосредственное отношение к появлению нового в процессе развития.

Именно разного рода случайности выполняли роль «спускового механизма», импульса и почвы для экономического, политического, нравственного и любого другого выбора, становились в высшей степени значимым фактором движения социума. В некоторые моменты истории роль свободной воли отдельной личности или организованной социальной группы (даже небольшой) вполне может не уравновеситься, не раствориться и ненейтрализоваться в результате стихийно-спонтанного столкновения с волями других субъектов исторического процесса, а стать доминирующим и даже системообразующим фактором в процессе разворачивающихся событий, перейти с микроуровня на макроуровень. Правда, в спокойные эпохи в период более равновестного существования социальных систем, когда преобладают детерминистские связи и отношения, способные противостоять «опасностям века», исторические случайности рельефно себя не обнаруживают.

В русле рассматриваемых вопросов весьма интересными, хотя и не во всех отношениях бесспорными, как представляется, являются суждения российского исследователя Ю.М.Лотмана о том, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, которые он весьма удачно называет «взрывами». «Настоящее – это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность... Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент системы или даже элемент другой системы, случайно втянутой взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку»

[1 1 ,
с. 30 – 33].

Будущее, таким образом, всегда есть результат синергетического эффекта множества социальных выборов, проб и ошибок, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений. Например, в общественном развитии может сыграть весьма существенную роль такой непредсказуемый по своей природе фактор («историческая случайность»), как отдельная личность. При определенных условиях политические лидеры и вожди способны влиять на макросоциальные процессы, воздействовать на общественное развитие ничуть не меньше, чем «объективные закономерности». Известно, что вернувшиеся после февральской революции из длительной эмиграции большевистские лидеры и не помышляли о скорой социалистической революции. Однако Ленин, обладая незаурядной силой внушения и убеждения, сумел их нацелить на немедленное вооруженное восстание. В результате седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б) официально провозгласила курс на социалистическую революцию. Трудно переоценить роль и значение этого субъективного по своей природе решения в последующей исторической судьбе России. Прав был известный русский философ Н.Бердяев, когда он, имея в виду Октябрьский переворот, писал, что Ленин на практике сумел доказать способность незначительного организованного меньшинства «прервать детерминизм социальной закономерности» [12, с. 88]. Очевидным сегодня представляется и то, что в крушении Советского Союза существенную, если не решающую, роль также сыграл субъективно-личностный момент [13, с. 66].

Вообще спектр случайностей, историческая самостоятельность и свобода людей особенно возрастают в переходные периоды, когда действие внутренних закономерностей предшествовавшего уклада жизни ослабело, а закономерности нового уклада еще не сложились. Именно в этот период начинает интенсивно твориться облик будущего мира, рельефно проявляется пластичность и податливость истории. Это происходит потому, что в действии социальной закономерности как бы образуется вакуум, зазор, в который бурно устремляется свободная воля людей, их устремления и предпочтения. Ярким и колоритным примером такого процесса может служить европейское Возрождение.

Что касается XX века, то он как никакой другой выявил силу и мощь субъективного фактора истории. Но, к сожалению, возросшая роль данного фактора не принесла людям гуманизации их жизни, мира и справедливости. Напротив, в нашем столетии субъективный фактор весьма часто принимал деструктивный характер, находил свое прямое выражение в приверженности к волонтиаристской тенденции.

Примером этому может служит Октябрьский переворот в России. Последний рельефно продемонстрировал миру, что человечество вступило в новую эпоху – эпоху неизвестных ранее возможностей крупномасштабного исторического произвола и насилия, связанного с резким возрастанием роли субъективного фактора истории. С этого периода, как никогда, стала бесспорной мысль о том, что «сознание не только отражает мир, но и творит его» (Ленин). Теоретическое сознание небольшой кучки вожаков смогло переплавиться в общественное бытие и насилиственно прервать естественную fazu развития великой страны. Деструктивная утопия – продукт рациональной гордыни – получила воплощение в реальность, обнаружила способность стать практикой, быть «приведенной в исполнение».

То же самое можно сказать и о «шоковой терапии», ориентированной на силовое утверждение рынка, к которой прибегли, например, в России радикаль-

ные реформаторы («бесы перестройки»). Такого рода «хирургическая операция» над сформировавшейся в течение жизни целого ряда поколений социальной материей не могла обернуться ничем иным как невиданным спадом производства, галопирующей инфляцией, перекачкой капитала за границу и в спекулятивные коммерческие структуры. При этом самое трагическое здесь состоит в том, что обоснованная критика рядом экономистов и политиков правительенной программы реформ и перехода к рынку и по сей день большей частью воспринимается враждебно, как попытка сопротивления политике реформ. В результате маxовик разрушения российской экономики продолжает раскручиваться.

XX век, стало быть, наряду с прочим стал веком само осуществления утопии, эпохой реальной жизни «места, которого нет», временем экспансии искусственно сконструированных образов и моделей «светлого будущего». А соответственно этому многие проблемы и сложности, с которыми столкнулись люди XX века, не имеют под собой объективной основы – они были порождены утилитарным прожекторством.

Идея нелинейности социальной среды как важнейшего условия ее самоорганизации позволяет по-новому понять исторический процесс как в эволюционном смысле (различие стран и народов в достигнутом уровне социальной эволюции), так и в мультикультурном (принципиальное социокультурное разнообразие стран и народов, находящихся на примерно одинаковом эволюционном уровне развития). Она также дает нам возможность осмысливать социальную динамику как устойчиво-неустойчивый, многомерный и вместе с тем целостный процесс, в рамках которого имеют место взаимопроникновение и взаимоналожение различных по своему содержанию и направленности детерминистских импульсов, сфер и начал (детерминант) человеческого бытия – от природных до идеологических, что в своей действительности обеспечивает многоуровневый, полидетерминистский подход в понимании движущих сил развития общества. Рассмотрение жизни общества как открытого, сложного и неоднородного взаимодействия («конкуренции», если хотите) основных компонентов, разных, имеющих свою специфику факторов, сил и тенденций, в ходе которого происходит чередование, взаимопередачи хаоса и порядка, бесконечное становление полифонической целостности показывает как невозможность существования единого идеального и универсального порядка «для всех времен и народов», так и несостоительность интерпретации истории как иерархии высших и низших ступеней, как непреложного движения вперед. «Весь опыт XX столетия, – пишет Г.Шахназаров, – опроверг монофакторный подход и еще раз убедительно показал, что на формирование той или иной общественной структуры и уклады жизни оказывают влияние много факторов: это прогресс науки и техники, состояние экономических отношений, устройство политической системы, вид идеологии, уровень духовной культуры, национальный характер, международная среда или существующий миропорядок. Можно назвать немало и других, но «погоду» делают перечисленные» [14, с. 16].

Не соглашаясь с монофакторным подходом к обеспечению социальных изменений, имевшим до недавнего времени широкое распространение в советской обществоведческой литературе, и в целом солидаризируясь с теми исследователями, которые исходят из принципа многофакторности в интерпретации источников и движущих сил в развитии общества, мы тем не менее считаем принципиально важным обратить внимание на следующее обстоятельство. Если в целом в интегральном процессе развития, так сказать, в общеисторическом плане, в течение длительного, охватывающего большие исторические эпохи (мегаэпохи) времени жизнь социума действительно так или иначе определяется всей

совокупностью факторов, то в конкретный период человеческой истории роль и значимость этих факторов (детерминант) отнюдь не равнозначна и не одинакова. Практически в любой период исторического движения на авансцену жизнедеятельности общества выдвигается какой-либо один (или несколько) фактор, который начинает доминировать над остальными, задавать направленность развития всему обществу в целом (как это было, например, в период средневековья с религиозным фактором). Самоорганизация общественной системы в каждый конкретный период своей истории имеет некую основу, стержень, вокруг которого начинают группироваться, «зазываться» все другие элементы данной системы. То есть, выявляется некая системообразующая идея (понятие), формируется определенное поле притяжения, которое в синергетике обозначается как аттрактор (от английского *to attract* – притяжение). Поиск и описание таких атTRACTоров – важнейшая исследовательская задача, к анализу которой мы будем еще неоднократно возвращаться.

Подход к обществу как нелинейно детерминированной, открытой системе трансформирует и обогащает наши представления о характере соотношения поступательности и возврата, прогресса и регресса в развитии общества, о чередовании фаз и стадий в динамике общественной жизни, о пульсации истории. Но главное, взгляд на движение социума под этим углом зрения позволяет сделать важный вывод: развитие общества не только нелинейно, но оно и гиперцикличично.

Чередование этапов движения социума не может быть приравнено к природным циклам, к некоему маятнику, где постоянно, как в закрытой, равновесной системе, происходит возврат в исходную точку. Социум, пройдя определенный цикл развития, никогда не может вернуться в исходную точку. И даже если та или иная социальная система распадается, пройдя свой цикл развития, она настолько трансформирует окружающую природную и социальную среду, что мы, в момент ее гибели имеем дело уже с совершенно другим социокультурным пространством, чем в период ее возникновения. При этом сходящие с исторической арены этносы и цивилизации оказывают огромное и многоплановое воздействие на процессы формирования новых этносов и цивилизаций. В результате исторический цикл оказывается незамкнутым, он не исключает поступательной составляющей в интегральном процессе развития (культурном, техническом, экономическом и т.д.) как человечества в целом, так и отдельных суперэтносов. Разомкнутость цикла обеспечивается феноменом бифуркации – непредсказуемости очередного поворота, хотя этот поворот и происходит в рамках очередного этапа, ограниченного присущим ему спектром, накопленных возможностей.

Следует отметить, что в последние годы все большее признание у исследователей завоевывает концепция циклически-волнового характера развития социальных систем, претендующая на преодоление ограниченности как чисто прогрессистских, так и чисто циклических теорий общественной эволюции. Согласно ее сторонникам, волнообразность включает в себя, с одной стороны, определенную направленность развития социальной системы, например, тенденции к ее усложнению, а с другой – наличие сменяющих друг друга волн изменений, которые соответствуют различным состояниям и уровням организации данной системы. Предполагается при этом, что волнообразность не является простой суммой, простым наложением поступательного и кругового циклического движения, а представляет собой новое более сложное качество. В частности, она дает более сложный образ социального времени, которое выступает не как прямая линия и не как круг (замкнутый цикл), а является скорее синусоид-

дальней линией или волной со своими отрезками «сгущения» и «разрежения», со своими точками «максимума» и «минимума» интенсивности социальных процессов. Она также допускает существенно больше возможностей, альтернатив и вариантов развития, чем линейно-поступательный и чисто циклический подходы [15, с. 78].

Все сказанное до сих пор, однако, это одна сторона правды. Другая ее сторона состоит в том, что многофакторность, многовариантность, стохастичность в развитии общества еще не означают, что в социальной жизни вообще отсутствуют причинно-следственные связи и что поэтому совсем нельзя предвидеть дальнейший ход общественных событий. Верно, конечно, что случайность, стихийность или сознательная концентрация усилий людей в определенном направлении могут сбить, отбросить с того или иного пути общественного развития, привести к сложным блужданиям в рамках спектра исторических альтернатив и возможностей. Но сам спектр возможностей и путей развития общества не безграничен. Ветвящиеся дороги общественной эволюции имеют конечное число, в определенной мере обусловлены прошлыми событиями и обстоятельствами, предшествующей исторической практикой.

Иначе говоря, логика истории диктуется долгосрочными факторами существования: природно-климатическими, geopolитическими, цивилизационными, экономическими и пр. Она не так принудительна, как это представлялось сторонниками «непреложных исторических закономерностей», бывает на своих разыгрышах максимально открытой для всевозможных социально-утопических экспериментов, но она, как свидетельствуют факты, вовсе небезобидна и может быть довольно мстительной [16, с. 19]. В последнем нас особенно убеждают трагические последствия радикальных рыночных реформ, развернутых в России и ряде других стран СНГ.

Под покровом так называемой событийной истории скрывается глубинное течение исторического времени, которое обычно поверхностный взгляд не замечает так же, как не замечает он движения Земли вокруг своей оси. Например, никакие усилия людей древних обществ периода рычага и лопаты не смогли бы превратить эти общества в машинные, буржуазные, поскольку для такого превращения необходим длительный ряд столетий вызревания объективных предпосылок. Короче, случайность, субъективность, различные отклонения весьма существенно влияют на социальный процесс, но влияют не произвольно, а в рамках вполне определенного спектра исторических возможностей. Кроме того, следует подчеркнуть, что когда общественная система «выбирает» определенный путь развития, дальнейшая ее эволюция происходит в рамках детерминистского поля, в соответствии с детерминистскими законами. Следовательно, случайное и необходимое в жизни социума не исключают, а дополняют друг друга.

В принципе, развитие социума может быть описано через две модели: эволюционную и бифуркационную. Первая характеризуется действием разнообразных детерминаций. Ее отличительной особенностью «является неизменность системного качества, которая определяется через системообразующий фактор» [17, с. 101 – 102]. Вторая характеризуется исчезновением прежнего системного качества, когда предшествующие детерминации уже не срабатывают, а новые еще не развернулись. «В этих условиях возникает «карта возможностей» системы, представляющая набор потенциальных путей выхода на новое системное качество. Выбор системой того или иного пути в точке бифуркации зависит от действия *флуктуации* (фактора случайности), реализуемой через деятельность конкретных людей» [17, с. 102].

Таково принципиальное решение вопроса о соотношении стихийно-спонтанного и целеволевого, объективного и субъективного, необходимого и случайного в общественной жизни.

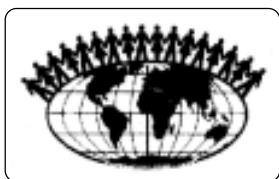
Однако, более углубленное изучение указанных проблем, которое здесь от нас и требуется, ставит нас перед необходимостью расширить исследовательское поле и включить в канву анализа вопрос о том, как сегодня, с учетом всех достижений постнеклассической науки, правильно интерпретировать понятия и социальной закономерности, статус и функции общих законов движения социума? Имеют ли они действительное место в динамике социальных изменений или «история и закономерность – суть понятия, взаимно исключающие друг друга» (Риккерт), а вера, что в основе общественного развития лежат определенные закономерности, есть не более как застаревший предрассудок, который должен быть отклонен? Но этот вопрос предмет анализа следующей статьи.

1. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. Т.8. – М. – Л., 1935.
2. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. – СПб., 1999.
3. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М., 1999.
4. Князева Е.Н. Саморефлексивная синергетика // Вопросы философии. – 2001. – №10.
5. Харин Ю.А. Гуманистика управления // Организация и управление. – 2001. – № 2.
6. Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. – Мн., 1999.
7. Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1.
8. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998.
9. Васильчек В.М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). – М., 1993.
10. Философия и историческая наука: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1998. – № 10.
11. Лотман Ю.М. Культура и взрывы. – М., 1992.
12. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
13. Мусеев Н.Н. Причины крушения и рычаги процветания // Социально-политический журнал. – 1994. – № 9 – 10.
14. Шахнозаров Г.Н. В поисках утраченной идеи // Коммунист. – 1991. – № 5.
15. Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодернизму. // Вопросы философии. – 1998. – № 7.
16. Панарин С.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим» // Вопросы философии. – 1996. – №10.
17. Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2.

Поступила в редакцию 12.05.2003.

Current article analyzes causes and main stages of formation of new explanatory system (paradigm) of social knowledge that characterizes development of the society as an open non-determined multi-variant and non-linear process. It is shown that although existence in the world of closed systems, linear relationships, deterministic connections (laws), etc. is not totally denied in frames of this model (post-non-classical picture of world), terms of another type are stressed there – i.e. chaos, disturbances, emergences, non-linearity, scholasticism, etc. At the same time, general shape of new style of thinking and new understanding of the world related to synergetic shift in natural science and social knowledge, with synergetic as a new scientific approach, is described in this article.

Кирвель Чеслав Станиславович, доктор философских наук, профессор, ГрГУ им. Я.Купалы.

Паліталогія і сацыялогія

УДК 379.81

А.К.Воднева, Т.А.Богуш

ДЕЛИНКВЕНТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОВЕДЕНИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ГОРОДСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются структура и содержание свободного времени городских подростков, определяются масштабы распространения в их досуговой деятельности социально непримлемых видов занятий, выявляются факторы, обуславливающие проникновение в подростково-молодежную среду различных форм девиаций.

Распространение среди школьников противоправного (деликвентного) поведения – характерная черта нынешнего времени. В 2001 году среди несовершеннолетних правонарушителей 40–42 % составили учащиеся общеобразовательных школ. Как правило, противоправные действия совершаются школьниками во внеучебное время. В этой связи актуальным является изучение структуры и форм проведения свободного времени подростками-школьниками, выявление масштабов распространения в их досуговой деятельности асоциальных проявлений и факторов, их обуславливающих, с тем, чтобы определить направления работы по минимизации криминогенности в данной сфере.

Объектом нашего исследования стали учащиеся 9-х и 11-х классов средних школ г.Минска. Выбор в качестве объекта учеников 9–11 классов был обусловлен, во-первых, тем, что наблюдается устойчивый рост доли 14–17 летних подростков в общем числе несовершеннолетних правонарушителей в Республике Беларусь [1], во-вторых, – именно в этом возрасте подросток проявляет наибольшую активность и самостоятельность в своей досуговой деятельности, а его действия и поступки являются осознанными и определяются уже сложившейся системой нравственных норм и ценностей.

Основной метод исследования – анкетный опрос. Всего было опрошено 922 старшеклассника (300 – одиннадцатиклассников и 622 – девятиклассников) по квотной пропорциональной выборке в 15 школах всех административно-территориальных районов г.Минска. Среди опрошенных юноши составляют 44,1 %, девушки 55,9 %. Две трети опрошенных живут в полных семьях; без отца воспитываются 20,0 %; без матери 1,3 %. По возрастным характеристикам респонденты распределились следующим образом: 14 лет – 6,8 %, 15 лет – 52,0 %, 16 лет – 15,5 %, 17 лет – 23,3 %. Преобладание в выборке пятнадцатилетних объясняется тем, что в этой группе представлены наиболее типичные черты образа жизни и проведения свободного времени подростков.

Внутрисемейные отношения большинство опрошенных подростков оценили положительно: 34,6 % – «у нас дружная сплоченная семья, нам хорошо вместе», 52,8 % – у нас случаются размолвки, но мы нужны друг другу, 2,7 % – «в нашей

семье каждый живет сам по себе, отношения сдержанно-равнодушные», 2,1 % – «отношения в семье напряженные, неприязненные», 4,6 % – «в нашей семье часто бывают ссоры и даже скандалы». В семьях наших респондентов не принято злоупотреблять спиртными напитками (98,3 %), но принято обсуждать свои проблемы (88,6 %), проводить совместно отдых (52,6 %), посещать театры, музеи (25,9 %). Таким образом, большинство опрошенных подростков воспитываются в благоприятной семейной атмосфере. Самых подростков тоже нельзя причислить к трудным: большинство из них учатся на «4» и «5» – 57,5 %; на «4» и «3» – 37,9 %; в основном на «3» – 4,4 %, состоят на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних 6 человек или 0,7 % и в комиссии по делам несовершеннолетних 14, или 1,5 %.

Свободное время школьника – это время, свободное от занятий в школе и подготовки домашних заданий, удовлетворения физических потребностей во сне, приеме пищи, личной гигиене. Свободное время, на которое не распространяются условия обязательности и которым человек может распоряжаться по собственному усмотрению, определяется понятием досуг [2]. Мы будем употреблять эти два понятия как синонимы.

Досуг школьников в основном складывается из следующих компонентов:

- социально значимая деятельность, которая предполагает устойчивые любительские занятия художественным или прикладным творчеством, коллекционирование, а также длительное участие в работе различных общественных организаций и движений;

- приобщение к ценностям культуры – чтение книг, периодических изданий, посещение выставок, музеев, театров, самообразование и учеба через дополнительные формы образования;

- занятия, связанные с обеспечением отдыха, восстановлением физических сил человека: активным – физическая культура, спорт, туризм и др. или пассивным – просмотр видео- и фильмов, сон, лежание на диване, «ничего-неделанье».

В структуре досуга могут иметь место и социально неприемлемые виды занятий: выпивки, употребление наркотиков и токсических веществ, праздное шатание по улицам, хулиганство, воровство [2].

Результаты анкетного опроса показали: опрошенные старшеклассники располагают значительным ресурсом свободного времени несмотря на то, что являются учащимися выпускных классов. Более половины из них (52,9 %) ежедневно имеют от 3-х до 5-ти и более часов свободного времени, еще 20,3 % – до 3-х часов. Проведенный опрос также показал, что количество свободного времени превышает возможности подростков проводить его с пользой для себя. Использование старшеклассниками свободного времени в основном сводится к пассивному отдыху в стенах дома и не требует особых интеллектуальных усилий. Просмотр телепередач, видеозаписей, прослушивание современной молодежной музыки, компьютерные игры – едва ли не единственны виды проведения досуга для 2/3 наших респондентов. Эти формы времяпрепровождения значительно превышают распространенность других досуговых занятий – чтение художественной литературы, занятие любимым делом, художественным творчеством. Внедомашние формы проведения свободного времени – участие в работе кружков, студий, секций, посещение театров, музеев – также не получили должного развития. Около 10 % подростков вообще не знают, чем себя занять, и предаются лежанию на диване, праздности, «ничегонеделанию». В зависимости от класса и пола структура занятий опрошенных старшеклассников выглядит так (см. табл.1).

Таблица 1

Структура свободного времени старшеклассников в зависимости от класса и пола (в % к числу опрошенных)

Формы проведения свободного времени	Распределение по полу и классу			
	юноши		девушки	
	9 кл.	11 кл.	9 кл.	11 кл.
Чтение художественной и научно-популярной литературы	23,0	29,5	32,3	48,0
Просмотр телепередач, видеозаписей	68,3	71,3	74,4	70,2
Прослушивание музыки	64,0	78,3	79,9	89,5
Помочь родителям по дому	45,7	48,1	59,0	63,7
Занятия спортом	48,2	58,1	16,6	22,2
Посещение кружков, секций, студий	18,3	12,4	23,3	15,8
Занятия любимым делом	15,8	15,5	16,0	17,0
Занятия художественным творчеством (музыкой, рисованием)	12,2	11,6	18,3	12,9
Посещение концертов, выставок,	16,2	22,5	36,6	53,8
Компьютерные игры	52,2	49,6	16,3	13,5
Дополнительные занятия по школьным предметам	10,1	26,4	16,3	40,9
Подработки	6,1	14,0	2,3	5,8
Занятия «бизнесом»	4,3	6,2	1,2	1,2
Посещение молодежных «гусовоек»	27,3	31,8	28,8	23,4
Иное времяпрепровождение	5,8	9,3	14,0	19,3
Ничегонедланье, сидение (лежание) на диване.	12,6	10,9	9,6	7,0

В целом содержательный анализ свободного времени старшеклассников показал: освоение культуры через художественную литературу, театр, самодеятельное творчество носит ситуативный, фрагментарный характер, что порождает дефицит духовности.

Нынешние старшеклассники в своем большинстве не подготовлены к восприятию подлинно художественных произведений, а отсюда следует их увлечение примитивными «духовными» ценностями, культурными шлягерами. Боевики, детективы, фильмы ужасов, мелодрамы, кинороманы, мистика, – таков круг зрительских и читательских интересов современных школьников [3]. Сцены насилия, жестокости, изобилующие в этих произведениях псевдокультуры, романтизация образа жизни преступного мира,екскульная распущенность, засоренность печатной и устной речи нецензурными выражениями ведут к деформации эстетического вкуса, ценностных ориентаций подростков, вестернизации их сознания и размытию нормативных установок, что создает предпосылки для девиантного поведения, утверждения вседозволенности и права сильного в отношениях между людьми. Более того, молодежная музыка, которой так увлечены современные подростки, порой напрямую пропагандирует употребление легких наркотиков, тем самым подталкивая их испытать на себе действие наркотических препаратов.

Таким образом, не способные самостоятельно сформировать многообразные осознанные интересы школьники-подростки попадают под влияние непосредственной молодежной социокультурной среды, в которой присутствуют мо-

менты духовного саморазрушения личности. Об этом свидетельствуют широко распространявшиеся среди молодежи социально неприемлемые виды занятий. Так, по ответам старшеклассников, 71,6 % из них неоднократно употребляли спиртные напитки, 56,6 % – испытали алкогольное опьянение. Среди девушек принятие алкоголя происходит с той же интенсивностью и регулярностью, что и среди юношей. Столь широкое распространение «питейных» привычек среди несовершеннолетних привело к значительному росту числа подростков, совершивших правонарушение в состоянии алкогольного опьянения – 1503 человек в 2001 г.

Весьма тревожными выглядят цифры, отражающие употребление старшеклассниками наркотических и токсических веществ. Испытывали на себе действие наркотиков, по собственному признанию, 5,5 % юношей и 3,3 % девушек. Нетрудно заметить, что к 11 классу число молодых людей, попробовавших наркотики, возрастает, особенно среди девушек, – более чем в 3 раза (с 1,8 % до 6,4 %); увеличивается практически в 2 раза число тех, кто неоднократно принимал наркотики: с 1,6 % в 9-х классах до 3,0 % – в 11-х. Более 5,0 % юношей и почти 3,0 % девушек хотя бы один раз попробовали то или иное токсическое вещество. Такие же результаты были получены белорусским исследователем Н.А.Залыгиной [4] и российскими – В.А.Поповым и О.Ю.Кондратьевой [5].

Следует отметить, что 7,2 % юношей 9-классников и 9,3 % юношей 11-классников уклонились от ответа на вопрос об употреблении психоактивных наркотических и токсических веществ, а на вопрос об употреблении спиртных напитков соответственно 1,8 % и 0,8 %. У девушек проигнорировали вопрос об употреблении психоактивных веществ 3,2 % девятиклассниц и 1,5 % одиннадцатиклассниц. Это дает основание предположить, что число учащихся, употребляющих психоактивные вещества, значительно выше. Некоторые старшеклассники (5 человек), по их собственному признанию, причастны к распространению наркотиков. Прямыми следствием нарастающей наркотизации молодежи является рост числа осужденных подростков, совершивших правонарушения в состоянии наркотического или токсического опьянения (с 13 в 1999 г. до 24 в 2001 г.), и рост числа несовершеннолетних осужденных за преступления, связанные с хищением, изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой наркотических средств (с 46 в 1999 г. до 77 в 2001 г.).

Среди опрошенных подростков имели место случаи воровства и вымогательства денег, вещей у своих сверстников и младших ребят. За кражи государственного и личного имущества только в 2001 г. были привлечены к уголовной ответственности 4385 несовершеннолетних.

Отдельной задачей исследования было выяснение факторов, детерминирующих социально неприемлемые формы времяпрепровождения нашими респондентами. Полученная в ходе опроса информация не зафиксировала криминогенное влияние семейной среды у подавляющего большинства подростков. По ответам старшеклассников, 87,4 % из них живут в дружной сплоченной семье, 71,4 % отцов и 79,3 % матерей имеют высшее или среднее специальное образование, употребление ими спиртных напитков довольно умеренное: 84,0 % отцов употребляют спиртное лишь по праздникам, а 83,3 % матерей вообще не употребляют алкоголь, никто из них не лечился от алкоголизма или наркомании. Проведенный корреляционный анализ не выявил сколь-нибудь существенной связи между теми или иными отклонениями в поведении старшеклассников и такими показателями, как неполнота семьи, успеваемость школьника. Но довольно тесная корреляционная зависимость была установлена между девиантными проявлениями у подростка и количеством у него свободного времени. Наиболее ярко эта связь проявляется в поведении мальчиков, так как они распо-

лагают значительно большим запасом свободного времени, чем девочки. Для сравнения мы взяли две группы ребят: в первую вошли мальчики-старшеклассники, располагающие свободным временем в 5 часов, во вторую – не более 1 часа. В результате анализа были получены следующие данные: многократно употребляли спиртные напитки, испытав при этом алкогольное опьянение, 31,7 % мальчиков-старшеклассников, располагающих 5-ю часами свободного времени, и 18,1 % имеющих свободного времени не более 1 часа; пробовали наркотики соответственно 10,5 % и никто из тех, у кого количество свободного времени составляет 1 час; употребляли токсические вещества – 12,3 % и 2,2 %; и т.д.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о влиянии ближайшего неформального окружения подростка на формирование у него вредных привычек, асоциальных видов занятий в свободное время. По данным опроса, 56,5 % старшеклассников имеют друзей, которые употребляют спиртное, у трети (33,7 %) друзья занимаются воровством, вымогательством, у 9,6 % – употребляют токсические или наркотические вещества (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Распространяемость негативных проявлений в структуре досуга девятиклассников и их друзей. (в % от числа опрошенных)

Негативные проявления	9-классники-юноши		9-классники-девушки	
	имеют отклонения в поведении	имеют друзей с отклоняющим- ся поведением	имеют отклонения в поведении	имеют друзей с отклоняю- щимся поведением
Табакокурение	74,1	87,1	75,4	78,5
Сквернословие	70,3	72,7	43,2	48,5
Употребление спиртных	84,2	63,7	86,6	48,5
Употребление токсических	6,4	7,9	2,6	1,2
Употребление наркотиков	4,8	7,2	1,8	3,8
Вымогательство (рэкет),	8,6	27,0	2,1	3,8
Распространение наркотиков	1,5	1,8	-	0,6

Таблица 3

Распространенность негативных проявлений в структуре досуга одиннадцатиклассников и их друзей (в % от числа опрошенных)

Негативные проявления	11-классники-юноши		11-классники-девушки	
	имеют отклонения в поведении	имеют друзей с отклоняющим- ся поведением	имеют отклонения в поведении	имеют друзей с отклоняю- щимся поведением
Табакокурение	83,7	89,1	84,8	84,8
Сквернословие	65,5	66,7	40,1	39,2
Употребление спиртных	94,6	76,0	92,5	46,2
Употребление токсических	3,2	3,9	3,0	1,8
Употребление наркотиков	6,2	7,8	6,4	7,6
Вымогательство (рэкет),	4,7	12,4	2,9	5,2
Распространение наркотиков	0,8	4,7	-	1,2

К приведенным в таблицах 2, 3 данным следует добавить: около 30 % опрошенных школьников считают своими друзьями ребят, у которых серьезные проблемы с законом. Например, 31,3 % мальчиков – 9-классников имеют друзей, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, 13,3 % – друзей, осужденных к условной мере наказания, у 9,4 % друзья находятся в местах лишения свободы, еще у 9,0 % – вернулись из мест лишения свободы. У 17–20 % опрошенных девочек также есть друзья с подобными негативными характеристиками.

В кругу сверстников с отклоняющимся поведением отрицательные черты личности подростка, встречая одобрение со стороны группы, закрепляются и приобретают характер устойчивых установок и ценностных ориентаций. По результатам анализа число респондентов – мальчиков с теми или иными формами девиаций в 3–5 раз выше среди тех, чьи друзья имеют подобные негативные проявления. Подростково-молодежные группы с негативной направленностью при определенных обстоятельствах могут превратиться в общественно опасные группировки, о чем свидетельствуют данные уголовной статистики. Доля осужденных подростков, совершивших преступление в группе, составляет 71,8 % от всех осужденных несовершеннолетних.

Ориентация на группы сверстников, а также стремление к независимости от взрослых – характерная особенность проведения свободного времени современными подростками. Ребята встречаются чаще всего во дворе, на улице (65,6 % опрошенных указали это место встреч), в своей квартире или квартире друзей, но в отсутствие родителей (60,0 %), в подъезде дома, подвале, на чердаке (7,3 %); в общественных местах – на дискотеке, в кафе, во Дворце молодежи, соответственно 37,4 %, 12,4 % и 4,6 % опрошенных. Представленные сами себе и улице, подростки становятся не только субъектами, но и объектами противоправных действий, подвергаясь оскорблению и унижению со стороны таких же безнадзорных сверстников или незнакомых взрослых. Судя по ответам опрошенных подростков, 70,6 % из них приходилось сталкиваться на улице со словесными оскорблением, бранью, 30,8 % – подвергались запугиванию, угрозам, 24,2 % – физическому насилию, 6,7 % – сексуальным домогательствам. Снижение степени безопасности подростков на улице, в общественных местах, на транспорте, безусловно, усиливает их предрасположенность к девиациям. Можно предположить, что объединение подростков в группы с асоциальной направленностью, их агрессивность являются ответной реакцией на агрессивность окружающей социальной среды. С помощью совместного потребления алкоголя, наркотических и токсических веществ, противоправных действий достигается, хотя и мнимая, но групповая сплоченность и удовлетворяется потребность подростка в психологической защите со стороны группы. Только у себя дома (72,5 % опрошенных) да в компании друзей (47,5 %) они чувствуют себя защищенными и в полной безопасности; в школе – 12,5 % респондентов. Таким образом, изучение структуры свободного времени и духовных интересов старшеклассников свидетельствует о падении их духовной культуры и усилении процессов маргинализации. Сквернословие, табакокурение, алкоголь стали постоянной составляющей досуговых занятий молодежи. Все чаще в качестве компонента общения в подростково-молодежной среде выступают наркотики. При отсутствии социально значимых интересов и целей эти виды социальных отклонений выполняют объединяющую роль, являясь необходимым условием вхождения подростка в группу. Попадая под влияние неформальных молодежных группировок, молодежь теряет контакт с миром взрослых и, по существу, оказывается предоставленной самой себе. Одновозрастное общение становится

преобладающим и, соответственно, предпочтения определенных форм досуга зависят прежде всего от образцов, принятых в их дружеской компании. Все сказанное свидетельствует о необходимости осуществления экстренных мер по преодолению кризиса в духовной сфере молодых, вовлечения их в социально значимые виды досуговой деятельности.

Среди способов и методов предупреждения отклоняющегося поведения подростков и юношества ведущее место должна занимать трудовая деятельность, которая сократила бы количество без пользы проводимого свободного своего времени и предоставила бы молодым возможность улучшить свое материальное положение. Мы обратились к старшеклассникам с вопросом: «Хотел бы ты поработать в свободное от учебы время?» Из всех опрошенных только 20 % дали отрицательный ответ; 57,4 % юношей и девушек изъявили желание подработать, но не знают как это сделать, 4,2 % – пытались устроиться на работу, но потерпели неудачу, а 6,9 % – уже работают. Очевидно, проблема трудоустройства школьников сегодня одна из самых сложных. Игнорировать ее нельзя, но и полное ее разрешение вряд ли возможно.

Положительную роль в решении вопроса досуговой занятости молодежи и подростков, несомненно, сыграло бы расширение системы общественно организованных форм проведения свободного времени. Одной из таких форм является кружковая работа во дворцах культуры молодежи, домах технического творчества, школах. Занятия подростка творчеством в кружках, студиях развивает у него духовные потребности, эстетический вкус и тем самым защищает его духовный мир от проникновения элементов псевдокультуры. На основе общих интересов и увлечений у членов кружка, студии, спортивной секции формируются устойчивые связи единомышленников, складываются отношения творческого сотрудничества, удовлетворяется столь острая в подростковом возрасте потребность в самореализации и отпадает необходимость самоутверждаться в неформальных группировках через различные виды девиаций. Польза от участия в работе кружков определяется еще и тем, что в течение продолжительного времени за подростками осуществляется социальный контроль, а следовательно, снижаются число безнадзорных детей и криминогенный фон вокруг них. В настоящее время сокращение базы по организации детского и молодежного творчества, расширение сети платных услуг на дополнительные виды образования молодежи заметно снизили число ребят, включенных в деятельность внешкольных учреждений. По данным нашего исследования, посещают кружки, секции, студии всего 18,9 % старшеклассников. Свое неучастие в работе кружков 29,0 % опрошенных ребят объясняют отсутствием времени, 14,0 % – нежеланиемходить в кружки, 10,5 % – необходимостью оплачивать занятия, 5,9 % – удаленностью от дома интересующих его секций, студий, кружков, 31,0 % – не смогли дать определенный ответ на этот вопрос. Вовлекая подростков в кружки по интересам, необходимо помнить: в юном возрасте люди активно ищут неформальные контакты друг с другом, пытаются привлечь и себе внимание, понравиться. Следовательно, приобретение навыков и умений в определенных видах деятельности должно сочетаться с удовлетворением юношеской потребности в духовно-эмоциональном общении, отдыхом, развлечениями.

Важное место в организации свободного времени школьников должны занять детские и молодежные общественные организации. Объединения детей и подростков на основе социально значимой совместной деятельности способствовали бы снижению уровня криминогенности и одновременно повышали бы степень их защищенности от уличной стихии, негативных влияний среды с асоциальными проявлениями. Около половины опрошенных старшеклассников от-

мечают наличие в школе молодежных организаций. Самой многочисленной является БРСМ, в некоторых школах созданы клубы ЮНЕСКО, пионерские и скаутские организации. По инициативе этих общественных объединений проходят вечера отдыха, тематические вечера, благотворительные акции, благоустройство школьной территории, ремонт кабинетов и т.д.

Работа в общественных организациях помогает развитию у ребят инициативы, самостоятельности, ответственности за свои поступки. Поскольку общение со сверстниками в этот возрастной период находится в центре жизни подростка, то отношения, складывающиеся в молодежном общественном объединении, во многом определяют все остальные стороны его поведения и деятельности, в том числе и в свободное время. В кругу сверстников дети и подростки учатся подчинять свои интересы коллективным интересам, согласовывать и отстаивать свое собственное мнение. В процессе совместной деятельности у ребят возникают дружеские привязанности, они учатся сочувствовать и сопереживать, применять на практике нравственные нормы поведения, принятые в данной формальной группе, у них возникают чувство принадлежности к данной общности, групповая сплоченность и солидарность.

К сожалению, следует признать: молодежные организации не являются массовыми, они охватывают своей деятельностью не более 20–25 % школьников. К тому же, как показал опрос, для большинства старшеклассников (65,3 %) формальные школьные лидеры – руководитель молодежной организации, староста класса, другие ребята, занимающие выборные должности, – не являются таковыми. Только 2,2 % опрошенных называли авторитетным для себя человеком руководителя молодежной организации, 3,5 % – президента школы, 11,1 % – старосту класса. У 22,2 % ребят авторитетом пользуется неформальный лидер.

Благоприятное влияние на характер времяпрепровождения школьников могло бы оказать их участие в деятельности благотворительных организаций и фондов, рост которых наблюдается в последние годы в нашей стране. Ценность и полезность благотворительной деятельности определяется предоставленной подростку возможностью участвовать в реальной жизни, испытать чувство со-причастности к настоящему взрослому делу, пережить моменты благодарности от тех, кому ты помог. В кругу людей, объединенных общими благородными целями, подросток приобретает опыт социального общения, учится понимать себя и других людей, быть чутким, внимательным и терпеливым. У него формируется чувство собственной значимости и уважения к себе, повышается самооценка.

По результатам опроса, от 20 % до 30 % старшеклассников участвовали в благотворительных акциях, организованных в школе по инициативе учителей. Оказание помощи одиноким людям, инвалидам, посещение детских домов и школ-интернатов с концертами, сбор средств, вещей, книг, игрушек для пострадавших – таковы основные виды благотворительной деятельности.

Несмотря на притягательность общения со сверстниками, у подростка существует потребность в личностном общении со взрослым, стремлении помочь им, сотрудничать с ними. Кружковая работа, работа в студиях, секциях, благотворительных организациях позволяет объединить усилия детей и взрослых и преодолеть взаимное духовное отчуждение. Совместная деятельность старшего и младшего поколений расширяет возможности передачи жизненного опыта от «отцов» к «детям», создает благоприятные условия для сближения и тесного сотрудничества людей самых разных возрастов и профессий. Работая вместе с молодыми, старшее поколение укрепляет свой авторитет, а дети, связанные общими интересами со взрослыми, в свою очередь, начинают видеть в них единого

мышленников и добрых советчиков, ведущих с ними диалог на равных. Но главное – совместная деятельность взрослых и детей, подростков, молодежи способствует предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, так как обеспечивает социальный контроль и за теми из них, кому не достает внимания в собственной семье.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующий вывод: современный подросток в своем поведении и досуговых предпочтениях находится под влиянием молодежной псевдосубкультуры, которая воспроизводит и усиливает различные формы девиаций. Становление личности, устойчивой к воздействию асоциальных проявлений, осложняется духовным отчуждением от мира взрослых, слабой включенностью в социальные виды деятельности, отсутствием массовых молодежных организаций.

Среди превентивных мер деликатного поведения подростков и молодежи ведущее место должна занять общественно полезная и в то же время лично-стно значимая творческая деятельность, удовлетворяющая потребность подростка в самореализации, общении и способствующая освоению им нравственного отношения к другим людям.

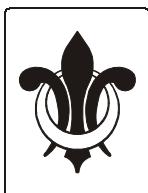
1. Республика Беларусь в цифрах: Краткий статистический сборник. – Мин.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2001.– С. 135.
2. Социология: Учебник / Отв. ред. П.Д.Павленок.–2-е изд., переработанное и дополненное.–М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2002.–С.634.
3. Красавцева И.Н. Детское чтение в современном социокультурном пространстве // Социология.–1998. – № 2.– С.83.
4. Залыгина Н.А. Социальные факторы – детерминанты немедицинского потребления старшеклассниками наркотических и токсических веществ // Причины преступности несовершеннолетних и пути ее предупреждения: Сб. науч. тр. / Под науч. ред. канд. пед. наук Н.Н.Яковлевой; канд. юрид. наук О.И.Бажанова. – Мин.: НИО, 2000.– С.98.
5. Попов В.А. Кандратьева О.Ю. Изменение мотивационно-ценостных ориентации учащейся молодежи // Социологические исследования.– 1999.– № 6.– С.97.

Поступила в редакцию 24.01.2003.

The article deals with the structure and content of city teenagers, take up factors of deviant behaviour in this social group.

Воднева Александра Константиновна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь.

Богуш Татьяна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ГрГУ им. Я.Купалы.

Культурология

УДК 008.001

Н.А.Волкович

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА

В представленной статье предпринята попытка осмыслиения проблем цивилизационного развития через анализ культурфилософских дискуссий России первой половины XIX века. Исследование показывает, что все представленные линии («официальная народность», «западничество» и «славянофильство») не являются исключительно самостоятельными, противоположными явлениями, их объединяет единое стремление найти оптимальный путь развития России, ее национального самоопределения. Поэтому совсем не случайно обращение к одним и тем же универсалиям: «государство» (самодержавие, демократия, соборность), «духовность» (материализм, православие, вера) «народность» (зависимость, свобода, нравственность). Однако наличие схожих понятий не является показателем одинаковых представлений. Вопрос заключается в сочетаемости понятий, их связях и противопоставлениях, логике развития и структурной позиции. Понимание данного феномена позволяет не только по-новому взглянуть на наследие конкретных авторов, ставших символом русской культуры XIX века, но и сформировать концептуальный подход комплексного понимания русского историко-культурного феномена «Золотого века».

История дает нам ориентиры, на которые человечество опирается, преобразуя мир и создавая ценности футуристической направленности. Но для того, чтобы максимально раскрыться в будущем, необходимо найти определяющие акценты и сформулировать сущностные характеристики историко-культурной динамики. Таким «акцентом», «золотым веком» в отечественной истории, бесспорно, является XIX век, когда Российская империя начала приобретать мировую значимость и, как сформулировал К.Леонтьев, могла считаться воплощением «цветущей сложности» [1].

Особенное значение XIX века определяется еще и тем, что в это время культура наиболее ярко выразила себя в слове и мысли: противоречиво, свободно, эмоционально, напряженно. Это время подъема национального самосознания, время П.Чаадаева, А.Герцена, В.Белинского, И.Киреевского, А.Хомякова, Ф.Достоевского, Л.Толстого и других. Представленные личности имели различные взгляды на жизнь, разные представления об истине, непохожие ценностные ориентации. Тем не менее их объединял поиск идеальной модели мироустройства, сформировавший русскую культурфилософию, которая во многом определяла историко-культурное пространство XIX века.

В рамках данного периода сформировались три основные тенденции, которые и сегодня во многом определяют продуктивные направления национально-культурного развития общества: позиция «официальной народности», «западничество» и «славянофильство». При одинаково искреннем стремлении раскрыть генетически значимые принципы развития национальной культуры, их приоритеты, казалось, были различны. Позиция «официальной народности» выдвигала

ла в качестве основного приоритета государственные интересы и им подчиняла все компоненты цивилизационного конструкта, «западничество» обратило взгляд на «европейские» культурные ценности, а «славянофильство» сосредоточило свое основное внимание на понимании и объяснении черт и представлений, составляющих национальную специфику культуры.

На первый взгляд, эта четко сформулированная методология предоставила нам возможность рассмотреть историю культуры, философской и общественной мысли XIX века в рамках идеальной цивилизационной модели, своеобразной схемы. Однако любая схема, при всех положительных качествах простоты восприятия, отрывает возможность «вольной» трактовки. В результате формируется достаточно странное «герменевтическое пространство», в котором сохраняется внешняя паритетность, но исчезает «собственно понимание» феномена. Отсюда возникает потребность в более глубоком анализе, выявляется необходимость подвергнуть переоценке представленную концепцию не только в контексте духовного наследия, но и в попытках осмысления причин формирования данных идей.

Профессор М.А.Маслин во вступительной статье к книге «Русская идея», в которую вошли произведения русских мыслителей, рассматривающих проблему своеобразия русской истории и культуры, особенно подчеркивает: «В кotle отечественной культуры первой половины XIX столетия были переварены или начинали вариться крупнейшие достижения европейской мысли – от французского социализма до новейшей немецкой философии...» [2, с.4]. Более того, культурная традиция России представленного периода гармонично сочетала в себе национальные особенности и ориентацию на «западный» мир: язык, этикет, моду, моральные ценности. Поэтому вполне закономерно, что представители «официальной» позиции и «западнического» направления в русской культуре обратили свой взгляд к достижениям «европейской мысли», которая, по их мнению, могла способствовать развитию цивилизации, а значит, и формированию самодостаточности русской нации.

Однако идеологии «славянофильского» движения не проигнорировали «европейские ценности». Парадоксально, но идеи «русского просвещения», «народного духа» также складывались под влиянием широкого потока «западных» идеологем, к которым можно отнести философию Ф.Шеллинга, Г.Гегеля, К.Вольфа, У.Оккама и других.

Симптоматично, но именно «переполненность» русского бытия «западными текстами», направила «русское сознание» на осмысление собственного цивилизационного поля и позволила не только реконструировать прошлое, но и подготовить культурный взрыв национального самосознания.

Понимание представленного феномена заставляет нас по-новому подойти к осмысливанию влияния «запада» на русскую культуру и «востока» как самобытно русского явления. Становится ясно, что история формирования государства Российского, начиная с крещения Руси, представляла собой bipolarную систему сакрального «верха» и профанного «низа», полностью переориентирующую представления о привнесении «извне» культурных слоев бытия русского народа. Сама религия, «основа основ» русской культуры, рассматривалась как своя только в контексте перевернутой интерпретации святынь религиозного догмата в языческой схеме. Поэтому истинно русское имело ориентацию на традиционный быт, а всякое иное рассматривалось как «западное». При этом европеизм для России – лишь ступень к самобытному развитию, более высокой стадии эволюции, вынужденное зло, которое может и должно быть, использовано во благо национальному развитию.

Наиболее прозрачно указанные взгляды просматриваются в позиции так называемой «официальной народности», провозглашенной министром народного просвещения графом С.С.Уваровым, основанной на трех дефинициях: православии, самодержавии и народности. При этом цивилизационную парадигму для России он видел в превращении страны из «молодой» в «зрелую» посредством единообразной всеобщей системы образования, способной сформировать элиту и подготовить новое поколение знающих свое дело чиновников, юристов, врачей и ученых.

Изначально С.С.Уваров полагал, что «зрелый» Запад уже проложил дорогу для России, младшей в «многочисленном европейском семействе», достаточно благополучную и оправдавшую себя [3, с.46]. Поэтому в основу своей системы закладывал «западные» идеологемы. Однако революции тридцатых годов, начавшиеся во Франции и прокатившиеся почти по всей Европе, изменили его представления. Уваров, опасаясь революционных потрясений, прилагает все усилия, чтобы не допустить их в России.

Именно с этого времени С.С.Уваров обращает особое внимание на уникальность России и высказывает сомнения в универсальности западноевропейской цивилизационной модели развития. Не случайно министр стремится выделить и укрепить те «опоры», которые составляют неповторимость России и принадлежат только ей. Так, ведущее место в его цивилизационной концепции закрепляется за религией, в ее православном варианте.

Вечный сторонник «золотой середины», Уваров превозносил православие как религию умеренности. И хотя он не обладал глубоким пониманием теологических основ, но смотрел на веру как на необходимый источник культурного, этического и политического государственного единства России. Причина такого суждения заключалась в том, что, по мнению С.С.Уварова, западная христианская традиция к XIX веку уже потеряла внутреннее единство. Это внесло раскол в общественное сознание, в то время как православье, по-прежнему, обеспечивает консолидацию русского народа, утверждает начала внутренней гармонии как личности, так и всей нации. Поэтому, считает министр, если христианская мораль должна стать основой цивилизационной динамики российского государства, то принципы православия более всего отвечают своей провиденциальной роли и составляют идеальную базу национального развития [3, с.53-54].

Кроме того, подходя к вопросу цивилизационного развития России с практической стороны, как государственный деятель, Уваров полагал, что столь значительная и многоликая империя требует сильной центральной власти. Со свойственным ему оптимизмом Уваров верил, что именно самодержавное правление как наиболее динамичное и ответственное позволит России избежать экономических и общественных проблем, сопровождавших индустриализацию в Европе. «Самодержавие составляет главное условие политического существования России», – писал он. Царь правит ради всеобщего блага и стоит выше классовых интересов, тем обеспечивая прочность, силу и единство общества [3, с.3, 107]. «Как же иначе, – удивлялся он, – можно править страной одновременно столь юной и столь старой, столь дикой и столь цивилизованной?».

При этом главными элементами системы управления Уваров видел в «полной доверенности между монархом и его подданными». Но для того, чтобы создать такую общую платформу и объединить государство в лице монарха, просвещенную элиту и народ в поисках самобытных и, возможно, более действенных, чем в Европе, решений современных проблем, Уваров провозгласил идею «народности». Причем и она была всецело подчинена государствен-

ности: не народ определяет сущностные основы «народности», а всевидящее «прозорливое» государство само обозначает «истинные» национальные ценности среди пассивного и уступчивого населения и создает условия для их «приживания» на национальной почве.

Одним словом, в концепции «народности» С.С.Уварова не нашлось места созидающему участию самого народа, хотя в целом уваровская идея «народности», при всех ее консервативных чертах, была достаточно «конструктивной» и динамичной. Так, как министр просвещения и президент Академии наук он неустанно поддерживал преподавание и изучение истории России и ее культуры, поощрял интерес к культурам «малых» народов. Более того, С.С.Уваров намеревался использовать систему образования в целях формирования самосознания молодого поколения и, таким образом, постепенно ассимилировать пестрое население страны, а идеей народности «цементировать» империю, поставить ее на службу государству и сделать синонимом преданности трону и алтарю.

Таким образом, «теория официальной народности», выдвинутая графом С.С.Уваровым, представляет собой очень жесткую цивилизационную конструкцию, своеобразную перевернутую пирамиду, в которой две составляющие, «православие» и «народность», призваны поддерживать и обеспечивать стабильность третьей – «самодержавия». Представленная схема предельно ясна и конкретна в своем целеполагании, в ней высшее положение занимает самодержавие, ему подчинены как внешние, так и внутренние признаки нации (православие и народность). Вместе с тем данный конструкт изначально неустойчив, поскольку в нем государство не развивается в соответствии с интересами нации. Баланс легко может быть нарушен исторической реальностью, что, наверное, и предрешило несостоятельность указанной цивилизационной схемы.

Противоположную и более устойчивую концепцию предложили «западники». Вообще западническая линия развития русской культуры воплощала в себе критическое, «отрицательное», некое разрушительное начало по отношению к «официальной» позиции. Ориентируясь на отвлеченные представления о критериях цивилизации, «западники» стремились разрушить границы, отделявшие русскую культуру от культуры Запада и влиться в общеевропейское пространство. Поэтому задача России, по их мнению, заключается в том, чтобы «изжить свою косность и азиатчину». С этой точки зрения «западники» достаточно своеобразно трактуют специфику народности, национального характера, обращая внимание прежде всего на то, что мешает России стать «цивилизованной» страной и что требует коррекции.

Один из виднейших представителей западнического крыла К.Д.Кавелин пишет: «Прислушайтесь к толкам мыслящих и просвещенных людей всевозможных направлений и оттенков и везде вы услышите одну и ту же жалобу: мало у нас производительности, слишком мало труда, энергии, выдержки. В уме, таланте, способностях – нет недостатка, но они пропадают даром, вырождаются в пустоцвет...» [4, с.307]. По мнению Кавелина, нельзя «считать пороки русского общества прирожденными и на этом основании отчаиваться в возможности их искоренения. Мы страдали и страдаем нравственной и духовной неразвитостью; наши пороки – признак грубого, недозрелого ... общества» [4, с.226]. Последовательное же формирование в «молодом» народе лучших качеств допустимо исключительно при создании условий для развития личности, «ревнивом охранении» ее прав и независимости, что реально возможно обеспечить только при демократической форме государственного управления.

Поэтому совсем не случайно демократия воспринимается как высшее достижение революции, форма государственного устройства, при которой целью

проводятся благо и власть народа на принципах равенства и свободы. Именно демократия в представлении «западников» становится базой, опорой для всех остальных составляющих, которые наиболее последовательно сформулировал Н.Г.Чернышевский.

Вообще взгляды Н.Г.Чернышевского носят материалистический характер и связаны с философией Фейербаха. Однако писатель сделал решительный шаг вперед по сравнению с созерцательным материализмом Фейербаха. Он сформулировал революционную роль диалектики в развитии цивилизации. Работой, отразившей основные представления Н.Г.Чернышевского о духовных основах общества, стала его диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой автор полемизирует с идеалистической эстетикой последователей Гегеля. Отстаивая материалистическую точку зрения, Чернышевский доказывает, что прекрасное заключено не в высших, теологических сферах, а в самой жизни, с ее pragmatизмом.

Задача искусства поэтому состоит в том, чтобы изображать жизнь во всех ее проявлениях без идеализации. Чернышевский связывает искусство с борьбой против реакционной действительности, видит главную его цель в служении идее революционного демократического преобразования общества, на основе которого и формируется народность.

Следовательно, «западническое» крыло, как и «официальное», определило три компонента цивилизационного развития России, в основе которых также лежит принцип государственного управления – демократия, духовная составляющая – материализм, и внешние признаки нации – народность. Причем здесь именно демократия становится опорой, нижней частью пирамиды, над которой соединяются, поддерживая друг друга, материализм и, стремящаяся к коррекции на основе рационалистического восприятия мира, народность. Такая конструкция чрезвычайно устойчива, поскольку здесь государственная система определяется интересами общества, народа, и эти интересы легко «читаемы», так как в них отсутствует иррациональное, метафизическое начало.

Еще одна модель цивилизационного развития русской культуры XIX века – культурно-самобытная в широком смысле. Это особая система, трансформированная во времени. Она активизировала поиск приоритетов в понимании мессианской роли русской культуры в славянском мире. В разное время такие представления получали различное наименование: «русское просвещение» (И.Киреевский), «русская мысль» (А.Хомяков), «русское воззрение» (К.Аксаков), «русский ум» (А.Григорьев), «русский народный дух» (В.Соловьев, Н.Бердяев), «русское мировоззрение» (С.Франк) и другие. Но все эти оригинальные взгляды были связаны общим духом «славянофильства».

Современный исследователь русской культуры, автор фундаментальной работы по ее истории И.Кондаков достаточно метко назвал славянофильские установки «центростремительной линией», поскольку они, по его мнению, характеризуют направленность всего миросозерцания, всех ценностно-смысловых ориентаций тех глубинных механизмов и тяготений, которые и образуют целое национальной культуры [5, с.245]. Вместе с тем исследователь замечает, что «известная марксистская установка на революционизацию всей прошлой культуры», которую необходимо было «поставить на службу пролетариату и его борьбе за социализм», нашла свое наиболее характерное выражение в ленинской формулировке: «Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы». Поэтому, «сделав главный упор на сохранение и развитие «наследства 60-х годов», русские марксисты (прежде всего Плеханов и Ленин) «взяли» (точнее – «изъяли», «выбрали») из всей рус-

ской культуры линию революционных демократов как наиболее близкое себе содержание русской культуры, бесспорно включающее и демократические, и социалистические элементы». В результате революционно-демократическое наследие как единственная в своем роде предпосылка русского марксизма было канонизировано, а учение славянофилов как несоответствующее этой установке – «мягко удалено». По отношению к славянофильству десятилетиями господствовали интеллектуальные штампы, основанные исключительно на таких дефинициях, как «общинность» и «православие». При этом советская культура в целом приобретала однолинейный, одномерный характер, лишаясь своей значительной, оригинальной и органической части. Думается, что создавшееся положение позволяет автору статьи поставить особенный акцент на анализе именно «славянофильской» концепции цивилизационного развития.

Однако прежде всего следует заметить, что «славянофилов» нельзя нивелировать в некоем суммарном нерасчлененном единстве. Е.Маймин в этой связи отмечает: «...славянофилы очень разные и ни в коей мере не несут друг за друга коллективной ответственности» [6, с.104-105]. При этом он мог бы сослаться на авторитет Д.И.Писарева, который еще в 1862 году упрекал М.А.Антоновича за преимущественное внимание к «славянофильским теориям» в ущерб интересу к отдельным «славянофилам» [7, с.336-337]. Предпочитает не говорить о славянофильском «учении» и В.В.Зеньковский. Его поддерживает современный американский исследователь П.Христофф: «Чем больше ученый углубляется в изучение отдельных славянофилов, тем больше он убеждается в том, что не существует славянофильства как единого направления, а существует целый ряд отдельных славянофилов» [8, р.8].

Действительно, каждый из славянофилов представлял собой живую индивидуальность, у каждого из них была своя мера одаренности, свои склонности, свой круг интересов. Каждый из них мог относительно успешно представлять соответствующие стороны многогранного комплекса славянофильских конструкций. В этой связи позволим себе не представлять некий обобщенный образ «славянофила», а обратиться к мировоззренческим установкам одного из представителей данного направления.

Особенный интерес при этом представляет признанный глава славянофилов – известный русский философ, богослов, историк, поэт, публицист, иконописец и портретист А.С.Хомяков. Симптоматично, что представления А.С. Хомякова являются своеобразным продолжением философского мировосприятия И.Канта, где главным системообразующим началом становится область свободы. Именно здесь, в его понимании, формируется религиозная основа общества. Причем ведущей мировоззренческой идеей становится не собственно религия, а «вера». Сопрягаясь с понятиями «религия» и «церковь», она определяет внутренний строй философского мышления А.С.Хомякова, принципиально основанного на свободе, поскольку «вера есть дело духовной свободы и не терпит принуждения» [9, с.348].

«Вера» лежит в основе общественного существования человека, «ибо само общество есть не что иное как видимое проявление наших внутренних отношений к другим людям и нашего союза с ними» [9, с.318], а потому определяет моральные, нравственные и мировоззренческие установки существования общества и личности.

А.С.Хомяков постоянно ищет и находит аргументы в ее пользу, в том числе эвристического, гносеологического плана: вера «не есть веренье», вера, «использующая тайны Божие», есть скорее «ведение». Здесь философ развивает посылку, представленную Кантом, естественно переводя ее в понятие «церковь», по-

скольку данное «ведение» отнюдь не тождественно познанию в общепринятом смысле этого слова. «Ведение» есть «познание внутреннее..., оно знаменует присутствие духа истины в нас самих. Но единение земного человека с его Спасителем всегда несовершенно: оно становится совершенным только в той области, где человек слагает свое личное несовершенство в совершенство взаимной любви, объединяющей христиан».

Отсюда следует, что сила церкви – не в личности людей, ее возглавляющих, не в количестве самих верующих, а исключительно в «духовной связи», их объединяющей. «И если я смог хоть что-то вразумительное сказать о истине, – замечает сам автор цитируемых строк, – то обязан этому не какой-то своей личной силе, а счастью быть сыном Церкви» [10, с.206].

Таким образом, мы видим, что А.С.Хомяков указывает не на внешнее соединение людей в рамках общества, а на их внутреннее единство на основе «веры», которое не закреплено каким-либо общественным образованием. При этом Церковь видится ему не «организацией», а «союзом свободных». Понятия «вера» и «свободное мышление» в сознании А.С.Хомякова нисколько не вступают в противоречие, ибо понятие «вера» у него служит для обозначения как объекта, то есть поведанной нам полной и безусловной истины, так и субъективной способности или органа ее усвоения. «Закон свободы» и «закон единства», соединенные подлинной верой и «духовной любовью» – вот те краеугольные камни, без которых невозможны ни личное спасение человека, ни существование народа. Неразрывная связь всех этих понятий, их взаимная обусловленность и составляют идею «соборности», которую выдвигает А.С.Хомяков.

Причем здесь, в представлении Хомякова, идея соборности является ключевой. Ибо нация, в отличие от государства, «соборна» по своей сути, она определяется «не писанными законами, не мертвым обычаем, не хитростью политического устройства... но единством мысли, воли и быта». А «собор, – в свою очередь, – выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-то месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею ЕДИНСТВА ВО МНОЖЕСТВЕ» [10, с.69]. Именно такое «...могущество односторонней энергии, одушевлявшей миллионы людей», считает философ, и позволило еще на заре своего развития создать культуру, поражающую даже современное воображение грандиозностью замыслов и их реализацией, имеющую свое индивидуальное лицо и национальную окрашенность. «Одностихийность (единство, соборность – Н.В.) народов – вот разгадка древности и ее чудес», – констатирует А.С.Хомяков [10, с.71]. Следовательно, и единственный путь развития цивилизации.

Подчеркивая, что «общество так же, как и человек, осознает себя не по логическим путям», Хомяков выдвигает оригинальную соборную концепцию, в которой, рефлексируя первоначальное христианство, осознанно вырабатывает соборную феноменологию, согласно которой духовная реальность вездесуща и всегда целостна. Именно она соединяет продукты человеческой деятельности. При этом причинно-следственное понимание мира распространяется только на природу и утилитарную жизнь человека, а духовный мир возвышается над причинно-следственными зависимостями. Так, Хомяков формулирует единство, и даже своеобразное тождество всецелой (надчеловеческой) общественной и личностной (человеческой) аксиологичности, а «церковное сознание» становится систематизирующим звеном его взглядов.

Однако необходимо на наш взгляд, сделать еще одно существенное уточнение. «Целостность человека», в понимании Хомякова, постулирует в ходе свое-

го самораскрытия и развития системы иерархических ценностей не некий абстрактный космический миропорядок, а идею «народности», которая, по существу, является ведущим компонентом его построения. Причем народность, в понимании русского философа, выступает как безусловный существенный результат культурной деятельности человека. Хомяков в этой связи замечал, что «лицо всегда находится в связи со своим народом и вне этой связи бесплодно. Такова тайна исторической судьбы, еще не вполне разгаданная, но несомненная в своем проявлении. Общечеловеческое дело разделено не по лицам, а по народам...» [9, с.270]. В другом случае, прибегая к антропологическим параллелям, он замечает, что «народ растет как человек, подвигаясь не вдруг по всем направлениям духа, но находясь всегда под преобладанием одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли» [11, с.114].

Подобного рода диалектика, по мнению русского мыслителя, есть не абстрактная «игра» ума (что в большей степени свойственно гегельянству), а, опять же, отражение «народности»: мифологии, обрядных традиций, реальности духовной жизни. Поэтому очевидно, что, рассматривая диалектику личного (индивидуального) и общественного (народного), А.С.Хомяков всегда отдавал предпочтение последней. Например, опера Глинки «Жизнь за царя» привлекла внимание А.С.Хомякова главным образом благодаря талантливому выражению исконно народных традиций, основанных на семье и общине. Причем эти понятия вырастают в понимании мыслителя до глубоких методологических конструкций. В частности, «семья не заканчивается в одних пределах вещественного родства; она расширяется чувством любви и принимает в недра свои тех, которых судьба лишила естественного и родного покрова» [9, с.68].

Интересна в этой связи и трактовка мыслителем подвига Сусанина: в поступке простого крестьянина проявилась не личная сила, решительность, мужество (подобного рода личные проявления Хомяков называет «вспышками» характера, несущественными для социума). Главное в том, что поступок Сусанина был следствием, внутренним движением «общественного тела», «народа». Афористический вывод Хомякова из размышлений об опере звучит так: «Нет человечески истинного, без истинно народного!» [9, с.70].

Отсюда вытекает и еще один важный аспект данной проблемы – осознание того, что же есть народ и общество. Хомяков замечает, что нравственное достоинство человека выявляется только в обществе, однако «общество есть не то собрание людей, которое нас случайно окружает, но то, с которым мы живем заодно» [9, с.85], соединенное соборно, на основе подлинной духовной любви. А поэтому логика в данном случае не является помощницей исследователю, полагает он: «Общество, так же, как человек, сознает себя не по логическим путям. Его сознание есть сама его жизнь; оно лежит в единстве обычаем, в тождестве нравственных или умственных побуждений...» [9, с.96].

Таким образом, философская антропология Хомякова взаимно увязывается с нравственной проблематикой как основой «народного», «общественного», «человеческого». Более того, он считает, что и категория «общество», и понятие «человек» являются «предметом науки чисто опытной, человекознания (культурной антропологии – Н.В.)», которая, по сути, и есть знание о «самопризнаваемых пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях» [9, с.92]. Причем осознать эти «нравственные обязанности» может не каждый, «жизненное сознание человека принадлежит только собственной его личности», оно, говоря современным языком, самотождественно и не может стать достоянием человека иной народной ориентации, «иностраница» – по терминологии Хомякова.

Так философ формулирует проблему национальной идентификации. Мы видим, что мыслитель постоянно возвращается к умозрительной схеме, согласно которой фундаментом общества является личность, а последняя опирается исключительно на нравственность в своем существовании и исходит из нравственности как методологического принципа. Источник же нравственности нам уже известен – вера и жизнь народа. Поэтому чрезвычайно важно, по мнению А.С.Хомякова, то, что истинным предметом познания является не индивидуум и даже не отдельные страны, а народы и «жизнь всего человечества». Аргументация данного тезиса, опять же, восходит к идее соборности: общее всегда превалирует над частным, вера имеет несомненный приоритет перед знанием в силу своего высшего, духовного, источника, история каждого отдельного человека достойна внимания и изучения лишь во взаимосвязи с народным началом – общим, объединяющим, консолидирующим.

Безусловно, культурфилософские воззрения А.С.Хомякова не просты, но их сложность – признак «живого организма», не сопоставимого с «мертвой» логикой и рациональным построением. Это своеобразный круг, в котором бесконечно движутся и переплетаются понятия «вера», «народность» и «соборность», где «вера» – духовная основа общества, «народность» – его ментальность, а «соборность» – специфическая форма государственности. Именно «круг», при всей его неустойчивости, является наиболее динамичной и гармоничной фигурой, где все составляющие выступают в полифоническом единстве, взаимно обогащая друг друга. Такой фигурой сложно управлять, но, одновременно, ее невозможно зафиксировать. А поэтому обществу, основанному на модели «круга» не грозит статика, его перспективы гарантированы основаниями высокой нравственности и многоуровневым самоконтролем всех составляющих. Это экологически чистая среда, имеющая грандиозные потенции для развития.

Вместе с тем осознать представленные мысли достаточно сложно. Наверное, поэтому идеи «славянофилов» не имели широкой поддержки в свое время и не стали основой цивилизационного развития России. Однако сегодня назрела потребность в их анализе и понимании места в отечественной культуре. Более того, исследование показывает, что все представленные модели не являются противоположными явлениями, их объединяет единое стремление найти оптимальный путь развития общества, его национального самоопределения. Поэтому совсем не случайно обращение к одним и тем же универсалиям: «государство», выраженное в форме самодержавия, демократии или соборности; «духовность», представленная православием, материализмом и верой; «народность» как принцип необходимости, свободы или ментальности. Однако наличие общих понятий не является показателем аксиологического единства. Философия с момента своего рождения оперирует, практически, единым понятийным аппаратом и при этом предлагает человечеству радикально противоположные системы. Вопрос заключается в наполнении и сочетаемости понятий, их связях и противопоставлениях, логике развития и структурной позиции.

1. Леонтьев К. Наш современник. – СПб.: Издательство Чернышева, 1993. – 464 с.
2. Русская идея / Сост. И автор вступ. Статьи М.А.Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
3. Уваров С.С. / Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843. – СПб., 1864. – 134 с.
4. Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: ТЕРРА, 1989. – 243 с.
5. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 687 с.
6. Маймин Е.А. Русская философская поэзия. – М.: Мысль, 1976. – 246 с.

7. Писарев Д.И. Литературно-критические статьи. – Минск: Изд-во. БГУ, 1976. – 255 с.
8. Christoff P. An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism: A Study in Ideas: In 2 vol. – Mownton: San-Francisco state college, 1970. – Vol. 1: A. S. Khomiakov. – 1970. – 276 p.
9. Хомяков А.С. О старом и новом. – М.: Современник, 1988. – 462 с.
10. Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900-1907. – Т.5. – 1900. – 588 с.
11. Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1990-1907. – Т.1. – 1990. – 408 с.

Поступила в редакцию 30.08.2002.

In this article the author attempts to evaluate problems of civilization development through analysis of culturological and philosophical debates of Russian philosophers in the first half XIX age.

This article explain that all presented in Russian philosophy lines ("official national identification", «westernism» and «slavianofilism») are not independent and opposite phenomenas. Also their unites an united longing to find an optimum way of development of Russia, its national self-determination.

Understanding of the given phenomenon allows not only to take a new look at the heritage of concrete russian authors that become an idals of XIX age culture as well as forming an original conceptual approach of complex understanding of russian's «Golden age» historian-cultural phenomenon.

Волкович Наталья Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии ГрГУ им. Я.Купалы.

Псіхологія

УДК 159.923

К. В. Карпинский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА

В статье затрагиваются актуальные аспекты «вершинной» психологии личности – психологии субъекта. Подробно анализируются проблемы соотношения: субъекта с системными качествами человека, произвольной активности и субъектной активности, саморегуляции деятельности и саморегуляции личности, психической саморегуляции и самодетерминации личности. На основе теоретических представлений об уровнях саморегулирования в человеческой психике обсуждается вопрос о функциональной структуре непроизвольного, произвольного, волевого действия и поступка.

В настоящее время роль человеческого фактора во многих сферах производственной деятельности и социальной жизни интенсивно возрастает, что связано с реформированием общественных отношений и переходом государства к устойчивому развитию. Успех социальных инноваций во многом зависит от активности каждого конкретного члена общества, что выдвигает актуальную для психологической науки задачу исследования психических феноменов, механизмов и закономерностей формирования личности в качестве активного субъекта - автора и творца собственной деятельности, индивидуального жизненного пути и, конечно же, исторической судьбы социума. Актуальность и значимость проблемы субъекта в психологии обусловлены не только социальным заказом, но и внутренними тенденциями развития психологической науки, которая, накопив огромный массив концептуально разобщенных теорий, учений и идей, как никогда остро нуждается в едином интегрирующем основании. Преодоление аналитической абстрактности, мозаичности, разрозненности психологического знания сегодня реально возможно на основе субъектного подхода. Это продиктовано тем, что, по мнению ряда исследователей, субъект является изначальным, единым и неделимым носителем аппарата психического отражения и системы психической регуляции. Следовательно, познание психологии целостного субъекта позволяет синтезировать представления об отдельных психических процессах, состояниях и свойствах в виде недизьюнктивной картины душевной жизни человека [1]. Несмотря на оживление исследовательского интереса и появление в последние годы десятка тематических монографий, проблема субъекта остается в психологической науке изученной совершенно недостаточно. Необходимо рассмотреть несколько серьезных проблем, стоящих на пути полноаспектного исследования психологии субъекта.

Самая общая проблема заключается в том, что до конца не выяснен вопрос методологической важности о соотношении с субъектом таких системных качеств, ипостасей человека, как биологический индивид, социальный индивид, личность, индивидуальность. Суть этой проблемы можно сформулировать следу-

ющим образом: является ли субъект самостоятельным уровнем организации и функционирования человека или же он выступает в качестве интегрального проявления, модуса существования или системного способа реализации других уровней – биологического индивида, социального индивида, личности? Как нам представляется, сколько-нибудь глубокое проникновение в проблему субъекта немыслимо без содержательного представления о сущности личности в силу того обстоятельства, что человек обретает субъектность только как личность. Соотношение личности и субъекта можно приравнять к соотношению сущности и проявления. Личность при этом совпадает с сущностью, поскольку ее конституирует целый пласт психических структур и процессов, образующих собственно личностный уровень психического отражения и собственно личностные инстанции психической регуляции. Как отмечает С.Л.Рубинштейн, «сущность» – это внутреннее основание, через которое преломляются все внешние воздействия на явление и которым закономерно обусловлен их эффект» [2, с. 131]. Субъект не обладает свойством субстанциональности, то есть он не является особой психической инстанцией, сконструированной из психических структур и процессов определенного рода. Субъектность является функциональной проекцией личности в различных видах и формах сугубо человеческой активности; личность участвует в регуляции этих форм и видов активности в качестве их субъекта, но при этом по своей психологической сущности остается личностью. «Личность определяется жизнью. Она и есть не что иное, как сгусток жизни, продукт ее кристаллизации в форме субъекта – субъекта, всегда несущего в себе свою историю, свою реальную биографию» [3, с. 200].

Можно утверждать, что субъект представляет собой качественно своеобразный способ или модус существования личности. Вследствие данного обстоятельства личность следует признать интегративной основой, на которой выстраиваются множественные проявления субъектности. Субъект «множится» пропорционально количеству видов и форм произвольной активности, которые осуществляет человек. Личность же во всех этих видах активности едина и целостна. Соотношение личности и субъекта удачно «схватывает» формула о том, что «субъект деятельности в каждый конкретный момент – преходящее явление; фактически, сколько видов деятельности, столько и субъектов деятельности. Но за этим преходящим субъектом стоит относительно устойчивое и перманентное образование, именуемое личностью. Личность как относительно устойчивая и перманентная система имеет множество своих преходящих проявлений в виде субъекта деятельности» [4, с. 199]. Субъект, таким образом, анализируется как частное «камплюа» личности в определенном виде произвольной человеческой активности, обеспечиваемое личностной регуляцией этой активности. Однако если субъект всегда с неизбежностью фигурирует как личность, то личность не всегда занимает позицию субъекта. Она вольна в выборе своей личностной позиции по отношению к актуально выполняемому виду произвольной активности: быть или не быть ее субъектом.

С одной стороны, субъект определяется как носитель, исполнитель, реализатор деятельности, с другой стороны, подчеркивается, что субъект – это не просто деятель, но и автор, творец, создатель деятельности. Кем же с собственно психологической точки зрения является субъект? С целью ответа на данный вопрос первоначально следует развести две принципиально нетождественные формы активности субъекта. Речь идет о «произвольной активности» и «субъектной активности», которые нередко смешивают между собой. Между тем, их смешение в теоретическом плане нежелательно, поскольку оно влечет за собой смешение двух уровней функционирования личности как субъекта – уровня реализации и уровня проектирования деятельности.

Произвольная активность – это осмысленная, осознанная, целенаправленная и опосредствованная культурными орудиями активность, непосредственно реализующая познавательное и деятельно-преобразующее отношение человека к миру, в процессе которой происходит воплощение его смысловых необходимостей как личности, достижение сознательно поставленных и субъективно принятых целей. Понятие произвольной активности объемлет все виды и формы активного – гностического и практического – отношения человека к окружающей действительности. Традиционно постулируемой и достаточно универсальной разновидностью произвольной осознанной активности является человеческая деятельность. Субъект осуществляет «ношение» и «исполнение» произвольной активности – поведения, деятельности и жизнедеятельности, но этим, думается, не исчерпывается психологическая специфика субъектности. Субъекту присуща особая «субъектная активность» (А.К.Осницкий), с помощью которой он проектирует деятельность, выступая не только в роли человеческого придатка и технического исполнителя, но и в качестве ее автономного творца. *Субъектная активность* – это активность, непосредственно реализующая отношение субъекта к собственной деятельности, направленная на ее построение, изменение, оптимизацию для того, чтобы она могла служить в качестве эффективного «средства» и «способа» осуществления смысловых необходимостей человека как личности. Субъектная активность надстраивается над деятельностью и обеспечивает сообразность ее протекания смысловой необходимости личности; ее сущность – в организации, координации, преобразовании, совершенствовании любых видов произвольной активности человека. Понятию субъектной активности синонимичны термины «активность личности» (К.А.Абульханова-Славская), «внутренняя активность» (В.Э.Чудновский), «самодеятельность» (С.Л.Рубинштейн, В.И.Слободчиков), «метадеятельность» (В.А.Петровский) и другие.

Легко заметить, что произвольная активность и субъектная активность личности являются тесно взаимосвязанными, но несовпадающими формами человеческой активности. При помощи произвольной активности (деятельности) человек воздействует на окружающую действительность, а посредством субъектной активности – на собственную деятельность. В этой связи предметом деятельности служат объект или явление действительности, взятые в соответствии со своим жизненным смыслом для личности, а предметом субъектной активности – деятельность, осмысленная личностью как «инструмент» самореализации и взятая в единстве со своим функционально-инструментальным смыслом. Следующее отличие состоит в том, что элементарными единицами в структуре деятельности являются предметные действия, а поток субъектной активности структурирован на особые «субъектные действия» (В.В.Давыдов, В.Т.Кудрявцев). Еще одно принципиальное отличие субъектной активности и деятельности заключается в том, что деятельность побуждается и направляется потребностью в определенном предмете, а субъектная активность мотивируется потребностью личности в деятельности. Деятельность прямым образом ориентирована на достижение pragматического результата в процессе преобразования действительности, а субъектная активность – на обеспечение средствами психического отражения и регуляции самого процесса его получения.

По времени субъектная активность может предварять деятельность. Это связано с главной функцией субъектной активности – подготовкой внешних и внутренних условий для беспрепятственного и бесперебойного протекания деятельности. Субъектная активность становится наиболее выраженной в моменты инициации, запуска, остановки и возобновления деятельности, а также в мо-

менты «поломки» деятельности. «Но активность не только «предшествует» деятельности, но и «сопровождает» ее в течение всего процесса осуществления. Нельзя представить оптимальную деятельность, лишенную активности, происходящую по инерции, по жесткому плану; активность «строит» варианты по ходу деятельности» [5, с. 78]. Кроме того, субъектная активность может «подытожить» деятельность: ликвидировать всплывшие по ходу осуществления деятельности неполадки в ее структуре, нормализовать деятельность для практического приложения в будущем. Таким образом, произвольная активность, в условиях человеческого бытия чаще всего облечена в форму деятельности, и субъектная активность значительно различаются по предмету, структуре, источникам побуждения и функциям.

Важно заострить внимание на том, что субъектная активность как таковая в чистом виде не может быть подвергнута психологическому исследованию. Психологическому анализу подлежит форма субъектной активности, а именно системно организованный психический процесс саморегуляции. В самом широком понимании психическая саморегуляция есть механизм реализации субъектной активности, опирающийся в своем функционировании на определенные психические феномены, функции, структуры. В более конкретном понимании *психическая саморегуляция* – это системно организованный, произвольно инициированный субъектом психический процесс, направленный на оптимизацию произвольной активности и, тем самым, содействующий эффективному осуществлению смысловых необходимостей человека как личности и успешному достижению субъективно принятых целей. Важными свойствами психической саморегуляции являются: процессуальность (саморегуляция есть динамический процесс функционирования психического отражения); системная организация (в процесс саморегуляции психика включается системно, целостно, интегративно); вызванность субъектом (саморегуляция вызывается и организуется субъектом как распорядителем психического отражения и является интегральным проявлением его субъектной активности). Назначение психической саморегуляции, как следует из предложенной выше формулировки, заключается в оптимизации произвольной активности (поведения, деятельности, жизнедеятельности) и повышении ее результативности. Эта задача решается путем воздействия субъекта в ходе психической саморегуляции на всевозможные элементы, свойства, детерминанты, факторы и сопутствующие условия произвольной активности.

Множество факторов, влияющих на эффективность произвольной активности человека и так или иначе вклинивающихся в нее, можно сгруппировать в три условные категории: внешние (имеющие отношение к внешней, исполнительской стороне произвольной активности человека); внутренние (имеющие отношение к внутренней, субъективной стороне произвольной активности человека); ситуационные (имеющие отношение к обстановке, в которой разворачивается и протекает произвольная активность человека). Субъектная активность личности также весьма многогранна. В полном соответствии с выделенными группами факторов, могут быть классифицированы направления субъектной активности, а, значит, формы психической саморегуляции. Можно условно выделить три достаточно обособленных направления:

1. Субъектная активность, направленная на внешние составляющие деятельности, на отдельные действия и операции, входящие в ее состав. Эта активность в большинстве случаев не поддается внешней регистрации, но иногда внешне оформляется как тренировка, репетиция, шлифовка, отработка навыков, самообучение, повышение умелости и исполнительского мастерства. Для обозначения механизмов такой субъектной активности привлекают термин «само-

регуляция деятельности». *Саморегуляция деятельности* – это форма психической саморегуляции, направленная на инициацию, поддержание, видоизменение и прекращение деятельности, а также на контроль соответствия ее операционно-технической стороны объективным условиям действительности.

2. Субъектная активность, направленная на личность как внутренний момент деятельности, на внутриличностные механизмы психической регуляции деятельности. Каждая личность, будучи субъектом, определенным образом принарывает свои личностные качества для оптимальной реализации собственных жизненных отношений. Для этого требуется не просто приспособление субъектом своих личностных качеств к деятельности, а реорганизация старых качеств и обзаведение новыми качествами. Как правильно отмечает К.А. Абульханова-Славская, «субъект типичным и удобным для себя образом актуализирует, преобразует, направляет систему тех качеств, которыми он обладает как личность» [5, с. 156]. Это направление субъектной активности обычно принимает форму внутренней работы личности по самовоспитанию и самосовершенствованию и поэтому определяется как «саморегуляция личности». Личностная саморегуляция и саморегуляция деятельности дополняют друг друга, «но в саморегуляции деятельности преобладает регуляция действий, а в саморегуляции личности – регуляция отношений» [6, с. 26]. *Саморегуляция личности* – это форма психической саморегуляции, направленная на формирование, закрепление, преобразование, совершенствование и искоренение человеком своих индивидуально-психологических качеств, объективно небезразличных в контексте регулирования деятельности и существенно влияющих на успешность ее выполнения. Иначе говоря, саморегуляция личности – это осознанная регламентация личностью регуляторных механизмов в себе, внутренний процесс детерминации детерминант, то есть *самодетерминация личности*.

3. Субъектная активность, направленная на внешнее окружение, в котором разворачивается деятельность. Эта активность имеет целью подготовку внешних условий, не входящих собственно в функциональную структуру деятельности и психологическое строение личности, но могущих значительно влиять на успешность реализации деятельности. Для такой ситуационно-ориентированной субъектной активности невозможно подобрать соответствующую форму психической саморегуляции, поскольку саморегуляция здесь носит опосредованный характер. Практически изменения ситуация, субъект детерминирует характер воздействия ситуации на свою психику и, косвенно, через психику – на реализуемую деятельность. Так, например, субъектом могут моделироваться или подыскиваться ситуации, гарантирующие психическую стабильность или нестабильность и, следовательно, успех или неуспех в деятельности.

Все указанные условия – факторы ситуации, исполнительские компоненты деятельности, внутриличностные механизмы их регуляции – интегрируются в целостный комплекс, условием формирования которого выступает субъектная активность. «Этот комплекс формируется человеком как динамическая целостная система деятельности, способная изменяться, а не как раз и навсегда заданная» [5, с. 151]. Качество осуществления деятельности является производным от непрерывного совершенствования субъектом всех составляющих вышеупомянутого комплекса, что отражает системный характер субъектной активности.

Еще одна существенная проблема выражается в том, что в специальных исследованиях зачастую не различаются разные по своей функциональной структуре действия субъекта – произвольное действие, волевое действие и, наконец, поступок. Как правило, это обусловлено путаницей в представлениях о сущности механизмов их психической регуляции. Изложенные выше представления о

функциональном соотнесении психической саморегуляции и самодетерминации личности помогут дифференцировать психологические разновидности действований субъекта.

Условимся, что далее речь пойдет исключительно о психологических механизмах произвольности в психике человека; от так называемого «произвольного поведения животных» в рамках настоящего анализа можно отрешиться. Это обосновано тем, что субъектность – сугубо человеческий феномен, предопределенный развитием культурных по происхождению и высших по регуляторному рангу психических функций – сознания и личности. Произвольные движения животных обслуживаются психологическими механизмами, которые, несомненно, можно считать зачаточными формами регуляторных механизмов произвольности в человеческой психике, но, несмотря на эволюционную преемственность в развитии, психика человека является качественно иной по сравнению с психикой животных. Между произвольными движениями животных и произвольными действиями человека прослеживается внешнее подобие, создающее поверхность впечатление, что не только человек, но и животное фигурирует в роли полноправного субъекта своей активности. Однако произвольные действия человека и движения животных надлежит рассматривать как гомологи, но не полные аналоги по качественному составу обеспечивающих их психических регуляторов. Произвольность и соответствующие ей механизмы психической регуляции достигают у человека высшего уровня развития, недоступного для животных, на котором можно судить о подлинной субъектности.

С психологической точки зрения произвольность выступает аналогом управляемости, а непроизвольность – эквивалентом неуправляемости. В этом смысле произвольным является действие, которое инициируется, изменяется, приостанавливается, возобновляется, прекращается в каждый момент времени по желанию и усмотрению действующего субъекта. Произвольность собственно и состоит в том, что субъект способен управлять и распоряжаться действием по своему замыслу. Непроизвольное действие, напротив, не подчинено субъекту, разворачивается помимо его воли и не контролируется его сознанием. Субъект не способен руководить непроизвольным действием в любой точке его протекания, равно как и решить его исход в целом в зависимости от своего намерения.

В рамках психологического анализа важно выделить собственно психологические признаки произвольного и непроизвольного поведения, вскрыть их функциональную структуру и особенности психического регулирования. Произвольность действия прочно ассоциировалась с таким важным психологическим признаком, как осознанность; осознанность, в свою очередь, отождествляется с группой признаков: целенаправленностью, планомерностью, прогнозируемостью, запрограммированностью, подконтрольностью, корректируемостью. Это закономерно, поскольку осознание действия предполагает, прежде всего, постановку релевантной цели, конкретизацию задач, выработку плана и программы, построение модели условий и прогноза последствий, сравнение действия с субъективно принятыми критериями успеха-неуспеха и т.д. В совокупности психологические признаки, приписываемые произвольному поведению, недвусмысленно указывают на то, что оно опосредовано системой осознанной саморегуляции, объединяющей регуляторные функции целеполагания, моделирования, прогнозирования, планирования, программирования, принятия решений, оценивания и контроля, корректирования. Посредством перечисленных регуляторных процессов субъект не только сознает действие и удерживает его под контролем сознания, но к тому же, осознавая действие, овладевает и владеет им. По этому поводу С.Л.Рубинштейн указывает, что переход от непро-

извольного к произвольному действию «опосредован осознанием цели и предвидением последствий» [7, с. 18]. Следует особо подчеркнуть, что психологические признаки осознанности и произвольности фактически нерасторжимы: осознанное действие – всегда произвольное, поскольку осознание есть опосредование действия «психологическими средствами» его произвольной сознательной саморегуляции.

Таким образом, произвольное действие – это действие, которое исполняется под руководством и контролем системы осознанной саморегуляции, вследствие чего оно характеризуется как сознательное, целенаправленное, спланированное, запрограммированное, сознательно контролируемое, оцениваемое, выбираемое, критикуемое и корректируемое субъектом. Другими словами, произвольное действие – это действие, опосредованное системой осознанного саморегулирования. Как полагает Х.Хекхаузен, «произвольной активность можно назвать, когда известно, что отдельные ее стадии согласуются с меняющимися условиями ситуации и продолжаются ровно столько, сколько необходимо для достижения определенного результата. Это активность, при которой осознаны преследуемая цель, возможность контроля за ходом разворачивающихся процессов» [8, с. 13].

Тогда оппозицией произвольному действию будет действие непроизвольное, минущее сознание и не отслеживаемое субъектом по ходу реализации. Кардинальное психологическое различие между действием произвольным и непроизвольным заключается в том, что детерминация первого обеспечивается системой осознанного саморегулирования, а второе выполняется без включения данной системы. Непроизвольное действие на разный манер называют бессознательным, импульсивным, автоматическим, рефлекторным, инстинктивным и т.п., что отражает всевозможные причины и факторы непроизвольности. Действие может совершаться как непроизвольное в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, ввиду принципиальной недоступности для рационализации и неподвластности сознательному саморегулированию. Это имеет место в случае бессознательных, инстинктивных рефлексов и автоматизмов, которые никогда напрямую не осознаются, и, следовательно, фактически не поддаются рациональному контролю и управлению. Во-вторых, непроизвольность действия может быть вызвана тем, что его психическая регуляция низведена на фоновый подсознательный уровень. Это в основном касается приобретенных автоматизированных навыков – выученных, привычных действий, которые автоматически исполняются в стандартных ситуациях. Такого рода непроизвольные действия в принципе подлежат осознанию: субъект способен извлекать их на уровень сознания и произвольно регулировать. В-третьих, действие может быть непроизвольным потому, что система осознанного саморегулирования несформирована или недоформирована, а, значит, у субъекта отсутствует потенциальная способность сделать его произвольным. Такой вариант непроизвольного поведения можно наблюдать на ранних этапах онтогенеза. В-четвертых, действие взрослого человека может стать непроизвольным под воздействием определенных психических состояний, расстраивающих актуальную способность субъекта к осознанному саморегулированию поведения. Причем речь идет не только о патологически измененных состояниях сознания психически больного человека. В этом отношении не менее показательно дезрегулирующее влияние алкогольного и наркотического опьянения, одурманивания токсическими психотропными веществами, гипнотических и иных измененных состояний сознания, а также аффекта и субаффективных состояний. Несмотря на различия в генезисе и этиологии, указанные состояния между собой сближают деструктивное – де-

з организующее или блокирующее – воздействие на механизмы осознанной саморегуляции. Наконец, действие может осуществляться как непроизвольное по причине того, что функции осознанной саморегуляции вовремя не использовались для построения внутреннего плана действия и его оперативного обеспечения, хотя субъект мог «пропустить» действие через сознание. В таких случаях можно констатировать сохранность потенциальной способности к осознанной саморегуляции, которой субъект актуально не пользуется по тем или иным соображениям. Чаще всего это случается вследствие неосторожности, небрежности, легкомыслия или самопопустительства. Такие действия в психологии обозначаются как собственно импульсивные. Б.М. Теплов по этому поводу пишет: «Мы можем различать с одной стороны действия вполне сознательные, разумные и с другой – действия импульсивные, характеризующиеся малой степенью сознательности. Импульсивные действия – это действия необдуманные, поэтому их противопоставляют обдуманным, разумным» [9].

Таким образом, принципиальное отличие произвольного и непроизвольного действия коренится в их психологической (функциональной) структуре. Непроизвольное действие осуществляется путем непосредственного выхода возбужденной потребности или актуализированного мотива в двигательный акт как, например, при аффективном отреагировании. В случае произвольного действия между активированным побуждением и исполнительским движением вклинивается промежуточное функциональное звено – система осознанного саморегулирования, благодаря которой происходит «ситуативное развитие мотивации» (В.К. Вилюнас, Е.А. Патяева), «опосредствование» (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Б.В. Зейгарник, Е.С. Мазур), «когнитивная разработка побуждения» (Ж. Ньюттен). Произвольные и непроизвольные действия представляют собой полярные варианты человеческой активности, между которыми в генетическом и функциональном аспектах можно выделить переходные (полупроизвольные) формы действия и отследить динамические переходы: с одной стороны, непроизвольные действия поднимаются на уровень сознательной саморегуляции, с другой стороны, произвольные действия постоянно автоматизируются, превращаясь в непроизвольные. Всем вышесказанным не исключается то, что произвольные действия в своем развитии строятся на более примитивно организованных актах и вбирают в себя операции, которые в прошлом тоже формировались как произвольные, а в настоящем реализуются как послепроизвольные звенья произвольной деятельности.

Более тонким, а поэтому сложным и неоднозначным, представляется вопрос о соотношении произвольного и волевого действия. Проблема психологических критериев и особенностей волевого поведения остается остро дискуссионной, тем более что в научных исследованиях сохраняется тенденция к уравниванию произвольного и волевого действия. Разбирая функциональную структуру непроизвольного и произвольного действия, мы умышленно вынесли за скобки вопрос о том, как при этом взаимодействуют подсистемы побудительной и исполнительской регуляции. Обычно предполагается, что побуждение к произвольному действию является окончательно сформированным еще до начала действия, а субъекту остается только конкретизировать его в целях, планах и программах действования, чтобы потом реализовать практически. В реальности действие субъекта часто оказывается полимотивированным, причем его мотивы взаимно конкурируют, конфликтуют, активно вступают в коллизии, либо исходно обладающим не оптимумом, а дефицитом или излишком мотивации. Это значит, что подсистема побудительной регуляции нуждается в оптимизации и координации со стороны субъекта, что является важным условием запуска

произвольного действия. Как правило, до старта и по ходу осуществления действия субъекту приходится предпринимать специальные меры и прилагать особые усилия для того, чтобы задать оптимум мотивации, поддержать побуждение и оградить его от вторгающихся мотивационных помех.

Всякое волевое действие необходимо рассматривать как произвольное, но не всякое произвольное действие может быть квалифицировано с психологической стороны как волевое. Волевые действия представляют собой, пожалуй, одну из наиболее энергозатратных и психологически трудных в плане регуляции категорий произвольного поведения; за них субъект «платит» высокой психологической «ценой». Психологическая особенность волевого действия обусловлена именно тем, что к моменту начала действия его мотивационная основа, побудительная регуляция остается неопределенной, окончательно несформированной или же противоречивой. Следует выделить, по меньшей мере, три типичные ситуации, в которых произвольное действие может перерастти в собственно волевое: недостаток внутренней мотивации к действию, когда существует заданная извне и субъективно принятая необходимость действовать; избыток внутренней мотивации к действию, когда существует исходящий извне и осознанный субъектом запрет на действие; борьба мотивов к действию, которое содействует осуществлению одних мотивов, но противодействует воплощению других. Волевая регуляция собственно и предназначена для того, чтобы субъект могнести определенность в мотивационную основу действия, доформировать побуждение или разрешить конфликт разнонаправленных побуждений к действию. В этой связи теоретически оправданным представляется понимание волевой регуляции как механизма сознательного и намеренного изменения субъектом смысла действия, побуждение к которому необходимо усилить, восполнить или ослабить, подавить [10].

Включение в детерминацию волевого действия механизмов осознанной саморегуляции, базирующихся на более или менее осознанной цели, представляется функционально необходимым, но недостаточным. В отличие от произвольного действия, сознательный, целенаправленный характер не является специфической чертой волевого поведения. При подготовке и выполнении волевого действия объективно требуются психологические механизмы, позволяющие субъекту осознанно и произвольно управлять не только самим действием, но и его внутренними регуляторами, в первую очередь, структурами и процессом побудительной регуляции. Но это уже механизмы более высокого функционального порядка, нежели осознанная саморегуляция и мотивация. Это механизмы, служащие для осознанного произвольного запуска, оптимизации, настройки и коррекции личностью регуляторных структур и механизмов в себе, то есть *механизмы самодетерминации личности или регуляции регуляторов*. С такой позиции волю целесообразно трактовать как частную разновидность психологического механизма самодетерминации, специализированную на осознанном произвольном самоуправлении мотивационно-смысловыми структурами и процессами. Другими словами, воля - это психологический механизм произвольной мотивации, мотивационно-смысовой саморегуляции личности. С этой же позиции *волевое действие* можно определить как психологическую разновидность произвольного действия, опосредованного не только системой осознанной саморегуляции, но и механизмами самодетерминации личности. Для волевого действия специфическим является не столько осознанное саморегулирование, основанное на более или менее четко сформулированной цели, сколько вмешательство психологических механизмов самодетерминации личности.

Рассмотрим теперь психологическую сущность поступка. Несмотря на множество психологических интерпретаций поступка (содержательно проанализи-

рованных в работе Е.Е.Соколовой [11]), до сих пор отсутствует необходимая ясность в вопросе о соотношении поступка с волевым и произвольным действиями. Состояние проблемы усугубляется тем, что в психологической науке доминирует формальное понимание поступка, сводящее психологическую сущность данной разновидности действия субъекта к его социальному значению, общественному резонансу. В предельно концентрированном виде это понимание выражено в определении С.Л.Рубинштейна: «Поступок – это действие, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как общественный акт, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям» [7, с. 17]. В таком определении основное «психологическое» отличие поступка от действия усматривается в том, что действие – это акт, в котором экстериоризируется *субъект-объектное отношение* человека к предметной действительности, а поступок – это деятельная объективизация *субъект-субъектного отношения* человека к другому человеку, социальной группе, обществу или человечеству в целом. Главный недостаток данного подхода заключается в том, что «размывается» психологическая специфика поступка: поступок как общественный акт и действие как предметный акт фактически уравниваются по своей психологической стороне и функциональной структуре. В результате понимание поступка в психологии получается, во-первых, чрезвычайно затехнологизированным, поскольку по объему «вложенной» личностной работы и по психологической «стоимости» героический поступок-подвиг оказывается равноценным, например, покупке мороженого в ближайшем ларьке; во-вторых, искусственным, поскольку в действительности едва ли возможно разорвать единство субъект-объектных и субъект-субъектных отношений человека к миру, отказать даже элементарному предметному действию в каком бы то ни было социальном значении.

Однако можно предложить и другой подход к раскрытию психологической сущности поступка, в корне отличный от проанализированного выше. Он истекает из работ А.Н.Леонтьева и продолжается В.В.Столиным, который предлагает четкую психологическую дефиницию: поступок – это «действие, объективно связанное с двумя мотивами так, что служит шагом в направлении к одному из них и одновременно шагом в направлении от другого, в силу этого обладающее конфликтным смыслом» [12, с. 107]. Иначе говоря, *поступок* – это действие на «перекрестке» нескольких деятельности, подразумевающее обязательный бескомпромиссный выбор между ними и скрывающимися за ними смысловыми структурами. Или: *поступок* – это действие в ситуации с несколькими непременно взаимоисключающими смысловыми альтернативами; действие с конфликтной, противоречивой мотивационно-смысловой основой, объективно требующее предпочтения одной из рядоположенных смысловых необходимости; действие на пересечении борющихся мотивов. В такой интерпретации становится очевидным, что поступок выступает частной психологической разновидностью волевого действия и, являясь волевым действием в условиях борьбы мотивов или прочих смысловых необходимостей личности, к тому же остается и действием произвольным.

В то же время поступок нельзя расценивать только лишь как особенный вариант действия; по сложности своей функциональной структуры и по масштабу влияния на психологическую судьбу личности поступок является уже *не просто действием, но деянием субъекта*. В регуляторном аспекте поступок несоизмеримо сложнее, а в личностном аспекте – несопоставимо драматичнее всякого действия: своим поступком личности приходиться что-то в себе утверждать, и от чего-то в себе отказываться. «Первые активные и сознательные

поступки, – пишет А.Н.Леонтьев, – вот начало личности. Становление ее происходит в напряженной внутренней работе, когда человек как бы постоянно решает задачу – «чему быть во мне?» – и, случается, отторгает от себя то, что обнаружилось» [13, с. 382]. Совершая поступок, субъект обязательно должен отвергнуть, перечеркнуть, отодвинуть одну смысловую необходимость ради другой смысловой необходимости. Посему поступок – это всегда возвышение одной деятельности и низвержение другой, выбор одних ценностей и крушение других, причем в масштабе человеческой жизни. Весьма красноречиво психологическую сущность поступка выразил П.Я.Гальперин: «Поступок - изменение судьбы; возвеличивание или гибель наших ценностей, переосмысление жизненно значимого» [цит. по: 14, с. 102]. В своих поступках личность не только проявляется, но и формируется в качестве истинного субъекта и, в силу данной закономерности, поступок можно полагать не только результатом самодетерминации, но и средством саморазвития личности. Изучение поступка - это ключ к психологии субъекта.

В заключение следует подчеркнуть, что поступок может быть концептуализирован как единица такого психологического анализа, который приближает исследователей к постижению «вершинной психологии» (Л.С.Выготский) личности. «Вершинная психология» личности и есть психология субъекта, так как субъект – это высшее проявление личности, которая своими поступками свободно творит саму себя и вершит индивидуальный жизненный путь. И это неслучайно, поскольку психология поступка - это в чистом виде психология самодетерминации личности, где на передний план выдвигается вопрос о феноменах, механизмах и закономерностях осознанной произвольной детерминации - построения, изменения, подкрепления, устранения – субъектом собственных личностных свойств, регуляторных структур и механизмов в себе.

1. Брушилинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М.: ИП РАН, 1994. – 109 с.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: АН СССР, 1957. – 328 с.
3. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 287 с.
4. Сарджевеладзе Н.И. Динамическая структура личности и социогенные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей. – Тбилиси, 1981. – С. 191 – 201.
5. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
6. Осницкий А.К. Саморегуляция деятельности школьника и формирование активной личности. – М.: Знание, 1986. – 80 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.
8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с.
9. Теплов Б.М. Психология. – М.: Учпедгиз, 1946. – С. 168 – 169.
10. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 140 с.
11. Соколова Е.Е. Идеи А. Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 80 – 117.
12. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 285 с.
13. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 318 с.
14. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.

Поступила в редакцию 14.04.2003.

The paper presents an attempt to put forward some current aspects of psychology of a subject. Special attention is paid to the problems of correlation between subject and other system qualities of a man, voluntary activity and subject's activity, self-regulation of voluntary activity and self-regulation of personality, self-regulation and self-determination. On the basis of theoretical conception issue of correlation between involuntary, voluntary, volitional action and personality's act is considered.

Карпинский Константин Викторович, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я.Купалы.

Правознаўства

УДК 343.9

В.В. Хилюта

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматриваются криминалистические особенности стадии возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере банковской деятельности. Основное внимание уделено анализу поводов и оснований к возбуждению уголовного дела, предварительной проверке материалов. На конкретных примерах из судебно-следственной практики показаны проблемы мошенничества в банковской системе и предложены пути выхода из создавшейся ситуации.

Быстрое раскрытие и качественное проведение расследования совершенного преступления в первую очередь зависит от правильного и обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела. Традиционно принято считать возбуждение уголовного дела первой и одной из самых важных стадий уголовного процесса. Только после принятия в установленном законом порядке решения о возбуждении уголовного дела можно проводить комплекс следственных действий, направленных на своевременное установление события преступления и причастных к нему лиц [1, с.110; 2, с.38].

Стадия возбуждения уголовного дела при расследовании мошенничества в сфере банковской деятельности имеет особенно важное значение, о чем и свидетельствует практика. От того, как правильно будет проведена оценка первичных материалов, зависит успех дальнейшего расследования. Необоснованное возбуждение уголовных дел, а равно и отказ в их вынесении приводят к напрасной трате сил, средств и времени оперативного и следственного аппарата, отвлекают от расследования действительно совершенных преступлений. Подобных недостатков можно избежать при более критическом анализе первичных материалов о фактах нарушения банковского законодательства, на основе которых и принимается решение.

В 1999 г. директор МП «Максервис» А. не вернул банку кредит в размере 192 тыс. немецких марок. Оперуполномоченный ОБЭП Советского РОВД г. Минска С. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивировав свое решение наличием гражданско-правовых отношений. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено Прокуратурой Республики Беларусь.

Сущность стадии возбуждения уголовного дела не сводится лишь к вынесению соответствующего процессуального акта. Она включает в себя процессуальную деятельность по разрешению вопросов, связанных с рассмотрением первичных материалов о преступлениях [3, с.6-8].

Согласно ст. 166 и 167 УПК РБ орган дознания или следователь вправе возбудить уголовное дело при наличии к тому достаточных поводов и основа-

ний. Изучение судебно-следственной практики показывает, что типичными повородами для возбуждения уголовных дел о мошенничестве в банковской системе могут являться: заявления и сообщения граждан; заявление собственника (банка) или иного уполномоченного лица о посягательстве на его имущество; сообщения средств массовой информации о соответствующих правонарушениях в кредитно-денежной сфере; материалы дознания подразделений по борьбе с экономической преступностью криминальной милиции; материалы оперативных разработок правоохранительных органов, результаты совместных рейдов работников милиции, налоговых инспекторов и других контролирующих органов; материалы проверок, поступающие из таможенных, налоговых органов; материалы ревизии, аудиторских проверок; материалы оперативно-розыскных мероприятий, дознания, предварительного следствия органов КГБ Республики Беларусь; материалы, выделенные из других уголовных дел; материалы, поступившие из хозяйственных судов; явка с повинной.

Из указанных обстоятельств складывается следственная ситуация на первоначальном этапе расследования, и они же предопределяют содержание проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что уголовные о мошенничестве в сфере банковской деятельности возбуждаются по различным поводам с учетом особенностей вида конкретного преступления. При использовании в преступных целях чеков, векселей, пластиковых карточек и платежных поручений такими основаниями могут быть данные, свидетельствующие о том, что эти платежные инструменты, поступившие в банк, являются подложными [4, с.3-17]. В случае мошенничества в сфере банковского кредитования исходным материалом для возбуждения уголовного дела служит информация банка о том, что в поведении заемщика имеются признаки, указывающие на нежелание возвратить взятый кредит и подпадающие под действие данной уголовно-правовой нормы (ст.209 УК).

Так, в конце 1998 г. по указанию бывшего управляющего Скидельским филиалом АКБ «Приорбанк» Р. был выдан кредит в сумме 300 миллионов рублей малому предприятию «Элевра» на закупку чая. Согласно договору деньги были перечислены на счет поставщика – ООО «Котры», хотя документов, подтверждающих наличие товара, у ссудозаемщика не было. В результате «Элевра» от «Котры» чай не получила, а кредит не был погашен. Руководители данных коммерческих структур намеревались покинуть территорию республики. После получения соответствующей информации правоохранительными органами сразу же было возбуждено уголовное дело, в том числе и в отношении управляющего филиалом АКБ «Приорбанк».

Если нелегальные банковские операции совершаются организованными группами, то в качестве источника для возбуждения уголовного дела чаще всего фигурирует информация оперативно-разведывательного характера оперативно-розыскных органов о том, что данное преступление совершено или известной им, или неизвестной организованной группой.

Данное обстоятельство позволяет еще до возбуждения уголовного дела установить способ совершения мошенничества, выявить лиц, причастных к его совершению, и дает возможность использовать после возбуждения уголовного дела фактор внезапности проведения следственных действий. По мнению И.А.Моисеевой, следователь или органы дознания, принимая решение в такой ситуации о возбуждении уголовного дела, в первую очередь должны немедленно произвести выемку подложных документов и поручить соответствующим специалистам производство инвентаризации и документальной ревизии [5, с.21].

Допускается возбуждение органами дознания уголовных дел, по которым обязательно предварительное следствие, однако лишь с целью производства

неотложных следственных действий для установления и закрепления следов преступлений, после чего дело (в срок, не превышающий 10 суток) должно быть передано следователю [6, с.192].

Обнаружение признаков мошенничества органами дознания осуществляется в ходе проведения ими оперативно-розыскных мер. Как и при возбуждении дела по другим поводам, основанием здесь будут фактические данные, зафиксированные в том или ином источнике. Результаты оперативно-розыскной деятельности органов дознания могут быть реализованы путем задержания участников мошеннической операции с поличным, что и является непосредственным поводом к возбуждению уголовного дела. Признаками преступления в этом случае служат факты попыток снятия задержанными с расчетных счетов денег, якобы пришедших по фальшивому платежному поручению, аккредитиву, или наличие у задержанных подложных документов на их получение.

В случае, если задержание подозреваемых с поличным по какой-то причине не может быть осуществлено, то сведения, полученные оперативно-розыскными лицами, могут явиться основанием для возбуждения дела лишь тогда, когда они содержат конкретные данные о фактах мошенничества в банковской сфере. По мнению Ю.А.Егорова, эти данные должны быть проверены процессуальным путем и использованы в доказывании [7, с.11].

Поводом к возбуждению дела о мошенничестве в сфере банковской деятельности также могут служить заявления граждан, сообщения средств массовой информации и т.д. Эти сведения подлежат предварительной проверке, характер которой зависит от того, содержатся ли в заявлениях и сообщениях конкретные факты либо они в общей форме говорят о хищении, совершаемых определенными лицами. В первом случае проверяется достоверность сведений о конкретных фактах и выясняется их истинный характер – действительно ли они являются признаками совершенного мошенничества. Во втором случае проверка поступивших сведений, как правило, осуществляется органами дознания. Если вопрос о возбуждении уголовного дела невозможно решить без предварительного производства документальной ревизии, прокурор вправе потребовать ее проведения.

В то же время практика прокуратуры свидетельствует о том, что в ряде случаев заявления, жалобы и иные сообщения граждан о нарушении прав позволяют вскрывать факты преступных деяний должностных лиц отдельных организаций. То есть, кроме прямого заявления граждан о мошенничестве, факт преступного завладения имуществом может быть установлен в результате разрешения прокуратурой жалоб граждан, в которых речь о хищении не идет вообще [8, с.104]. В таком случае поводом для возбуждения уголовного дела станут материалы работы прокуратуры в области надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Несомненно также, что и общегражданская работа прокуратуры может дать материалы для возбуждения дел по данному виду преступлений.

Известны случаи получения оснований для возбуждения уголовного дела в результате проверки деятельности коммерческого банка сотрудниками Национального банка. Анализ содержания источников первичной информации, послужившей поводом к возбуждению уголовных дел, свидетельствует о том, что в 70 % случаев сведения в органы внутренних дел поступают непосредственно от руководителей банковских учреждений. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на правильность оформления документов и материалов для передачи их в правоохранительные органы с целью возбуждения уголовного дела.

Материалы о незаконном получении кредита для их передачи в правоохранительные органы целесообразно готовить сотруднику службы экономической

безопасности совместно с юристом банка. Прежде всего они должны составить заявление в правоохранительные органы с просьбой провести проверочные действия и решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Подобное заявление является лишь сигналом для проверки и установления соответствия данного события всем признакам преступления [9, с.51]. Поэтому очень важно представлять в дальнейшем полноценные доказательства преступных намерений заемщика похитить кредитные средства.

По мнению В.Д.Ларичева, сотруднику службы безопасности банка целесообразно вначале проконсультироваться у работника органов внутренних дел о том, как лучше собрать и представить необходимые материалы. При этом может оказаться, что субъект хозяйственной деятельности причинил ущерб не только банку, но и другим лицам, в связи с чем представляет оперативный интерес для правоохранительных органов. В этом случае оперативный работник и сотрудник СББ, каждый в пределах своей компетенции, могут провести скоординированные мероприятия по установлению доказательств преступной деятельности, месту нахождения конкретного лица. Возможны также консультации с работниками подразделений дознания и следователями, после того, как материалы собраны [10, с.173-174].

Материалы для проведения доследственной проверки передаются в подразделения по борьбе с экономической преступностью, а лишь затем в органы дознания или следствия для производства расследования. Согласно требованиям УПК, решение по представленным материалам должно быть принято в срок не более 10 суток с момента их поступления. В случае, когда заявителю чинятся искусственные препятствия при обращению в милицию, следует направлять собранные материалы в прокуратуру, которая может обязать орган внутренних дел провести проверку изложенных фактов, либо самостоятельно возбудить уголовное дело и направить его по подследственности для проведения предварительного расследования [11, с.92-93].

Явка с повинной – еще один повод к возбуждению уголовного дела. В связи с тем, что подобных случаев в отечественной практике практически не встречается, представляется весьма интересным рассмотреть один из примеров явки с повинной, связанный с мошенничеством в кредитно-финансовой организации и описанный в зарубежной литературе. *Один такой финансовый мошенник сам добровольно явился в полицию и во всем сознался. Он заявил, что ситуация стала настолько сложной, что ему приходилось в течение ряда лет трудиться очень много сверхурочно, чтобы скрывать свои хищения, потому как ранее он никогда так много в жизни не работал [12, с.6-7].*

Под основанием для возбуждения уголовного дела о мошенничестве понимается наличие в фактах, о которых поступает сообщение, признаков состава преступления и наличие данных, указывающих, что эти факты имели место в действительности. Из этого следует, что не требуется полной информации о преступлении. По утверждению С.В.Борико, достаточно указания на объект и объективную сторону преступления [13, с.159].

Вместе с тем правоохранительной практике известны случаи, когда в первичных материалах, сигнализирующих о совершении преступления, имеются указания на наличие признаков состава преступления, но отсутствуют данные, подтверждающие факт совершения мошенничества.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела в первую очередь необходимо выяснить следующие обстоятельства: является ли информация о преступном деянии поводом к возбуждению уголовного дела; содержит ли эта информация (заявления, сообщения и т.д.) признаки мошенничества; на основа-

нии каких данных признается, что факты, о которых получены сведения, действительно имели место; возникает ли необходимость проведения предварительной проверки, и если такая необходимость имеется, то какие проверочные действия должны быть проведены; не установлены ли обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела; какие меры должны быть приняты для предупреждения или пресечения мошенничества, а равно для закрепления и сохранения следов преступления.

В этой связи большое значение имеет проверка поступивших заявлений и сообщений. Как справедливо отмечают специалисты, большинство ситуаций, складывающихся на момент обнаружения признаков возможного совершения преступлений в банковской системе, характеризуются крайним дефицитом информации, необходимой для принятия правильного решения о возбуждении уголовного дела [2, с.38]. В зависимости от содержания и полноты этих сведений определяется перечень и последовательность первоначальных проверочных и следственных действий, круг лиц, среди которых надлежит искать виновного, иные процессуальные и тактические решения.

При рассмотрении поступивших в правоохранительные органы материалов прежде всего надлежит выяснить, есть ли признаки уголовно наказуемого деяния, достаточные для возбуждения уголовного дела. Чаще всего суть всей доследственной проверки, проводимой до возбуждения уголовного дела, сводится в основном к получению копий учредительных документов и договоров фирм, истребованию банковских и других финансовых документов, содержание которых не влияет на решение вопроса о возбуждении дела. При этом проверка по поступившим сведениям иногда осуществляется в течение трех-четырех и более месяцев, допускаются волокита [14, с.57; 15, с.14-19] при расследовании, незаконное прекращение и приостановление производства по уголовным делам.

Например, в управлении по борьбе с экономической преступностью УВД Мингорисполкома более 4 месяцев проводилась проверка по заявлению «Беларусбанка» о невозврате ООО «БВА» двух кредитов на 1 млн. долларов США и 5 млн. марок ФРГ, выданных в 1994-1997 годах, что способствовало утрате существенных доказательств по делу.

Во время прокурорской проверки в 2000 г. АКБ «Беларусбанк» было установлено, что на неоднократные обращения банка в РОВД Центрального района г. Минска милиция никак не реагировала. В частности, еще в 1996 г. банк обратился в указанное РОВД с просьбой возбудить уголовное дело против недобросовестного заемщика – ООО «Матвеев и К». Через год банк повторил свою просьбу. И только в мае 1998 г. с РОВД пришел ответ, согласно которому оснований для возбуждения уголовного дела не усматривалось. Такая же волокита была допущена и по заявлению «Белбизнесбанка» в отношении ОАО «Риндер-Сервис». Пока сотрудники РОВД разрешали указанное заявление банка, директор ОАО выехал на постоянное место жительства в США [16, с.4].

Как видно из вышеописанных примеров, основная задача следователя и оперативных работников на стадии доследственной проверки заключается в установлении достоверности первичной информации о признаках преступной деятельности, а также сборе дополнительных сведений, необходимых для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела.

Специфическими методами сбора недостающих сведений могут быть осмотры помещений и транспортных средств, изъятие документов, их ревизионная проверка и экспертное исследование, получение объяснений лиц, причастных к проведению незаконных мошеннических операций с денежными

средствами, составлению фиктивных договоров и других подложных документов.

Поскольку подложные документы являются, как правило, составной частью способа незаконного завладения денежными средствами, их обнаружение уже на стадии возбуждения уголовного дела весьма важно. В поисках этих документов существенную помощь следователю может оказать специалист. Его роль особенна важна при определении видов документов, изымаемых в банках, поскольку движение, например, кредитных ресурсов от их выдачи до использования проходит через банк и отражается в банковских документах (расчетных счетах коммерческих структур, платежных поручениях, банковских проводках и перечислениях) [17, с.10-16].

Если в рассматриваемом материале содержатся признаки уголовно наказуемого деяния, совершенного организованной группой, но их недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, уже на этой стадии может быть назначена предварительная проверка финансово-экономической деятельности, имущественного и финансового положения предпринимательской структуры, учрежденной для прикрытия совершения мошенничества, а также назначены экспертизы. Проведение таких действий возможно только при наличии достоверных оперативных и иных материалов по постановлению, санкционированному прокурором.

Как правило, неблагополучными для расследования дел, возбуждению которых не предшествовала оперативно-розыскная деятельность, являются ситуации, когда на момент возбуждения уголовного дела в распоряжении следствия имеются достаточные данные о событии или деянии, содержащем признаки мошенничества, а информация о лице, его совершившем, отсутствует (например, мошенничество с использованием пластиковых карточек, платежных поручений).

В таком случае для решения вопроса о возбуждении уголовного дела важные фактические данные могут быть получены с помощью оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст.11 Закона РБ «Об оперативно-розыскной деятельности». С помощью такого рода мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, наведение справок и т.д.) могут быть установлены лица, совершившие мошенничество, получены данные о размерах вознаграждения банковских работников, о способах завладения имуществом и денежными средствами, о коммерческих структурах, через которые можно обналичить и изъять кредитные средства, о связях между соучастниками.

Потребность в получении информации оперативным путем может возникнуть не только при возбуждении уголовного дела, но и на последующих стадиях расследования. Это позволит в свою очередь более правильно оценить собранный оперативно-розыскным органам материал о деятельности мошенников с точки зрения его получения и возможности использования для своевременного возбуждения уголовного дела и начала расследования. Поэтому очень важно, чтобы оперативное сопровождение осуществлялось на протяжение всего следствия.

Констатируя изложенное, можно заметить, что ситуации, когда производилась доследственная проверка первичной информации оперативными аппаратами (в основном сотрудниками подразделений по борьбе с экономической преступностью), отличаются более высокой степенью информационной определенности для принятия решения о возбуждении уголовного дела. К моменту принятия такого решения в материалах проверки уже содержатся объяс-

нения соответствующих должностных лиц кредитно-финансовых организаций, необходимые финансовые документы, документы проверки финансово-хозяйственной деятельности предприятия и т.д.

Немаловажную роль в проверочных действиях и решении вопроса о возбуждении уголовного дела играет знание лицом, производящим проверку, способов совершения и сокрытия преступлений, признаков этих способов мошенничества, следов, которые они оставляют в документах [18, с.677]. Профессионально подготовленный прокурор, следователь, работник дознания легко обнаруживают признаки мошенничества и своевременно возбуждают уголовное дело, не давая возможности заинтересованным лицам уничтожить ценные доказательства. При этом если проявляется безынициативность и халатное отношение к работе со стороны некоторых сотрудников правоохранительных органов, то это обстоятельство непременно оказывается на результатах следствия в целом.

Но вернемся к доследственной проверке материалов. Оценивая поступившие материалы с точки зрения их полноты, надо иметь в виду, что в них должны содержаться примерно следующие сведения, характеризующие фактическую сторону нарушения: наименование кредитно-финансового учреждения, где выявлено нарушение; акт проверки, выявивший нарушение (акт документальной ревизии, аудиторской проверки, проверки, проведенной налоговой инспекцией), – с приложением необходимых документов или их копий, подтверждающих нарушение; объяснения лиц, причастных к выявленному мошенничеству; выписки из нормативных актов; сведения о лицах, допустивших нарушение закона, или результаты проведенных финансово-экономических проверок, ревизий (если они проводились до возбуждения уголовного дела или по другому уголовному делу) и т.д. [19]

Вместе с тем следователи уже на стадии анализа поступившей информации должны обратить внимание на то, нет ли в ней каких-нибудь сведений о признаках организованной преступной деятельности в банковской системе (невозможность осуществления действия одним лицом без наличия и функционирования организованной структуры; сведения о вероятной криминальной связи между коммерческими, государственными и банковскими структурами в рамках преступной акции; изощренные и быстрые способы реализации преступно полученных денежных сумм и материальных ценностей) [4, с.6-7]. Вот поэтому очень важно на стадии возбуждения уголовного дела наладить тесное взаимодействие следователя с сотрудниками подразделения ЭП, т.к. на этом этапе использование оперативно-розыскных мероприятий дает наибольший эффект, и ряд подготовительных, организационных мероприятий можно провести в условиях конфиденциальности.

Если представленные материалы содержат существенные пробелы, не позволяющие вынести решение о возбуждении уголовного дела, а данные о совершении преступления организованной группой отсутствуют, целесообразно запросить недостающие материалы. Вот здесь и могут возникнуть определенные трудности, особенно если необходимо запросить недостающие сведения из банковских структур.

Все дело в том, что к компетенции некоторых органов государственной власти и управления отнесено право требовать информацию у разных хозяйствующих субъектов, в том числе и банков. Но информация о деятельности банка по счетам клиентов имеет дополнительную защиту в виде банковской тайны (ст.122 Банковского кодекса), что означает, что такие сведения могут передаваться правоохранительным органам только при наличии возбужденного уголовного дела,

вынесении приговора или судебного решения, либо ином решении, свидетельствующем о нахождении дела в производстве данного органа.

В целом обязанность предоставить какую-либо информацию о банковских операциях и состоянии дел банка может возникнуть только в тех случаях, как отмечает О.М.Олейник, когда соблюдены следующие условия: а) характер информации имеет прямое отношение к осуществлению функций данного органа; б) требование предъявлено уполномоченным должностным лицом, а не любым работником данного органа; в) для предъявления требования существуют установленные законом материально-правовые основания; г) соблюдены процедура и процессуально-правовые нормы реализации такого требования [20, с.230-231].

Казалось бы, в чем здесь дело? На первый взгляд, никаких вопросов не должно возникнуть по поводу сказанного. До недавнего времени достаточно было на запросе любого правоохранительного органа в банк поставить гербовую печать соответствующего учреждения (регламентировано совместным письмом МВД от 27.04.1995 №19, Прокуратуры от 27.04.1995 №08/20, КГБ от 28.04.1995 №12/419 «Указание о дополнительных мерах по соблюдению законности при производстве выемки документов и наложении ареста на счета, денежные средства и другие ценности, хранящиеся в банках и учреждениях, производящих финансовые операции») [21]. К тому же редакция ст.122 Банковского кодекса позволяет прокурору, а с его санкции – органам дознания и предварительного следствия по находящимся в их производстве уголовным делам, КГК РБ и другим органам получать сведения, составляющие банковскую тайну юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. А как же в отношении физических лиц?

Например, в правоохранительные органы поступили материалы, свидетельствующие о том, что гражданин Иванов занимается мошенничеством в сфере банковской деятельности посредством незаконного использования банковских пластиковых карточек и платежных поручений. Для возбуждения уголовного дела, работнику дознания (ЭП) необходимо проверить данные сведения и запросить банк предоставить соответствующую информацию о движении денежных средств по расчетному счету Иванова и их использовании. Оперативный работник в рамках ст.173 УПК РБ направил запрос в данное кредитно-финансовое учреждение, однако получил отказ. Банк мотивировал свое решение тем, что согласно ст.122 Банковского кодекса сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц, предоставляются органам дознания и предварительного следствия по находящимся в их производстве уголовным делам, по которым в соответствии с законом может быть применена конфискация имущества. То есть необходимо наличие возбужденного уголовного дела для получения соответствующей информации.

Таким образом, ст.122 Банковского кодекса существенно ограничивает возможности получения правоохранительными органами информации об операциях по счетам и вкладам физических лиц, без чего в ряде случаев невозможно сделать обоснованный вывод о законности или незаконности их действий и решить вопрос о возбуждении уголовного дела [22]. Даже при наличии обоснованных данных о совершении мошеннических операций в сфере банковской деятельности правоохранительные органы при действующей формулировке указанной статьи не наделены полномочиями на вмешательство в банковскую деятельность и не могут решить вопрос об изъятии необходимой документации и получении данных об операциях по счетам и вкладам физических лиц.

Учитывая, что для возбуждения любого уголовного дела необходимы соответствующие поводы и основания, а применительно к преступлениям в банков-

ской сфере они обычно связаны с получением сведений о счетах и вкладах физических и юридических лиц, следственные органы оказались в замкнутом круге: для возбуждения уголовного дела требуются данные о незаконных операциях, получить которые можно лишь после возбуждения уголовного дела. В итоге институт банковской тайны стал серьезным препятствием на пути выявления преступлений и привлечения виновных к ответственности.

По нашему мнению, выход из такой ситуации может быть следующим. В настоящее время правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений состоит в установлении достаточности оснований для разных правовых действий. Законодательство и практика последовательно реализуют принцип, состоящий в постепенном увеличении доказательственной базы применительно к разным этапам уголовного процесса. Совершенно понятно, что на этапе возбуждения уголовного дела совокупность имеющихся в распоряжении правоохранительных органов доказательств совершено иная, чем на этапе предъявления обвинения, не говоря уже о вынесении приговора. Следовательно, постановка вопроса о возбуждении уголовного дела не означает, что в распоряжении лица, принимающего решение, должны быть все необходимые доказательства факта совершения преступления. Иными словами, банковскую информацию нельзя использовать как оперативные или иные данные, служащие основанием для уголовного преследования [23].

Безусловно, полностью избежать ошибок при установлении наличия признаков банковского мошенничества довольно затруднительно, т.к. материалы проверок, как правило, несут информацию лишь об объективной стороне, т.е. о механизме совершения мошенничества в банковской системе, и не позволяют получить необходимое представление о субъективной стороне. Поэтому в большинстве случаев уголовные дела по фактам нарушения банковского законодательства возбуждаются лишь на основе предположительных выводов о наличии в действиях определенных лиц всех признаков преступления. Снизить вероятность необоснованного принятия решения можно лишь путем тщательного изучения всех первичных материалов, углубленного анализа и оценки всех фактических данных, содержащихся в представленных сведениях и материалах.

Таким образом, при наличии в поступивших первичных материалах достоверных признаков мошенничества в кредитно-банковской системе, и особенно совершенных организованной группой, необходимо немедленно возбудить уголовное дело и начать расследование.

1. См.: Кучеров И.И. Налоговые преступления. – М.: Юринфор, 1997. – 224 с.
2. Вишневский А.А., Шиенок В.П. Расследование уголовных дел, связанных с незаконным получением кредитов или дотаций. – Мин.: Тесей, 2000. – 80 с.
3. Расследование преступлений в сфере экономики. Руководство для следователей. – М.: Спарт, 1999. – С.6-8.
4. См.: Яблоков Н.П. Основы методики расследования финансовых преступлений // Вестник МГУ. Серия 11, Право. – 1999. – № 2. – С. 3-17.
5. Моисеева И.А. Расследование банковских преступлений. – Гродно: ГрГУ, 1999. – 130 с.
6. Басецкий И.И., Егоров Ю.А., Шиенок В.П. Преступления в банковской системе: теория и практика расследования. – Мин.: Академия МВД РБ, 2000. – 308 с.
7. См.: Егоров Ю.А. Теория и практика расследования преступлений в банковской сфере: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Академия МВД РБ. – Мин., 2000. – 24 с.
8. Комисаров В.И., Латин Е.С. Расследование хищений, совершенных с использованием товарных кредитов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 192 с.
9. Плещаков А.М. Незаконное получение кредита: уголовная ответственность, меры предупреждения и возмещения ущерба // Деньги и кредит. – 1997. – №3. – С. 47-52.
10. Ларичев В.Д. Злоупотребления в сфере банковского кредитования. Методика их предупреждения. – М.: Юринфор, 1997. – 224 с.

11. См.: Ривкин К.Е. Уголовный кодекс и кредиты // Финансы и кредит. – 1997. – № 4. – С. 88-93.
12. См.: Хайден А. Преступность в среде сотрудников фирм: причины и обстоятельства // Бизнес и банки. – 1999. – № 23. – С.6-7.
13. Борико С.В. Уголовный процесс: Учеб. пособие. – Мин.: Амалфея, 2000. – 384 с.
14. Гамко В. О проблемах расследования преступлений в сфере предпринимательства // Судовы весник. – 2000. – № 4. – С. 57.
15. Кривенко Т., Куранова Э. Расследование преступлений в сфере экономики // Законность. – 1995. – № 8. – С. 14-19.
16. См.: Прокуратура кредитных даагуо не даруе // Звезды. – 2001. – 20 лютага. – С. 4.
17. См.: Кривенко Т., Куранова Э. Расследование посягательств на целевые бюджетные кредиты // Законность. – 1996. – № 8. – С. 10-16;
18. Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А.Седовой, А.А.Эксархопуло. – СПб.: Лань, 2001. – 928 с.
19. См.: Криминалистика: Учебник / Под ред. Р.С.Белкина, Т.В.Аверьяновой. – М., 1999. – С.753-754; Руководство для следователей / Под ред. Н.А.Селиванова, В.А.Снеткова. – М., 1998. – С.528-532; Скобликов П.А. Проверка и разрешение заявлений о привлечении к ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: практические аспекты // Хозяйство и право. – 2000. – № 3. – С.61-72.
20. Олейник О.М. Банковское право. – М.: Юристъ, 1997. – 424 с.
21. См. также: Портной А. Банковская тайна: фикция, реальность, реальная фикция? // БНПИ. – 2000. – № 34. – С.129; Литовко С. Доступ с санкции прокурора // Белорусский рынок. – 2001. – №5. – С.7.
22. См.: Ларичев В.Д., Спирин Г.М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. – М.: Экзамен, 2001. – С. 251; Ларичев В.Д. Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им. – М.: ИНФРА-М, 1996. С. 200-205; Сильнов А.М. Некоторые проблемы рассмотрения в порядке ст.109 УПК материалов о преступлениях, совершенных в банковской сфере // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 157-161.
23. См. также: Плещаков А.М. Банковская тайна: запрет, обязанность и порядок предоставления сведений // Деньги и кредит. – 1997. – № 10. – С. 64-71; Козина С. Банковская тайна и прокурорский надзор // Законность. – 2000. – № 9. – С.45-46; Карчевский С. Банковская тайна: проблемы правового регулирования // Хозяйство и право. – 2000. – № 4. – С. 46-56; Ларичев В. Банковская тайна и преступность // Бизнес и банки. – 1992. – № 52. – С. 8; Викулин А.Ю. Банковская тайна как объект правового регулирования // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 66-72; Ахидова И. Банковская тайна и аналогия закона // Хозяйство и право. – 1999. – № 10. – С. 97-98.

Поступила в редакцию 04.11.2002.

The article deals with the criminalistic features of a stage of lodging of criminal cases about swindle in sphere of bank activity. Basic attention is paid to analysis of occasions and bases for lodging a criminal case, preliminary verification of materials. Concrete examples from investigatory practice the problems of swindle in bank system are exhibited and the ways of an output(exit) from the created situation are proposed.

Хилюта Вадим Владимирович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ГрГУ им. Я.Купалы.

Научный руководитель – профессор, доктор юридических наук Г.А.Зорин.

УДК 12.00.10

Е.Ф. Довгань

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ТРАКТОВКА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННЮЮ КОМПЕТЕНЦИЮ ГОСУДАРСТВА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье автор рассматривает основные понятия принципа невмешательства во внутренние дела государств, раскрывает их содержание и соотношение. Автор исследует объем термина вмешательство как наиболее общего понятия, определяет его виды, признаки и квалифицирующие элементы. Автором рассматривается соотношение понятий интервенция, вмешательство, давление, влияние, проводится сравнительный анализ русско- и англоязычных документов и ли-

тературы. Предлагается классификация актов, представляющих собой нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государств по различным основаниям.

Поддержание международной безопасности тесно связано с соблюдением принципа невмешательства во внутренние дела государств. При этом безопасность в современном мире не может трактоваться только как отсутствие вооруженных столкновений между государствами. Стабильность международных отношений зависит также от степени решенности глобальных проблем, таких, как соблюдение прав человека, демократия, охрана окружающей среды, борьба с международной преступностью, торговлей оружием и наркотиками, терроризмом. Каждый из этих аспектов может стать причиной или вызвать необходимость воздействия со стороны мирового сообщества.

Соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела государств уменьшает возможность конфликта между странами. В то же время, признается возможность позитивного политического вмешательства. Как указывается в Докладе Группы по операциям ООН в пользу мира 2001 года: «Нельзя добиться мира исключительно путем применения силы, сила только может создать пространство, в котором можно построить мир» [1]. По словам Генерального секретаря ООН Кофи А. Аннана, вмешательство является одним из методов деятельности Организации Объединенных Наций. Этим заявлением Генеральный секретарь отнюдь не хотел провозгласить право ООН произвольно вмешиваться во внутренние дела государств. Целью вмешательства Организации Объединенных Наций является предотвращение возможного или прекращение уже существующего конфликта [2, с.4]. Вмешательство мирового сообщества может стать необходимым, если какое-либо государство отказывается подчиниться основополагающим принципам и нормам современного международного права [3, с.6]. Таким образом, нельзя однозначно квалифицировать любые деяния, воздействующие на устройство, политику и деятельность страны на международной арене, как неправомерные.

При использовании одинаковых терминов, таких, как интервенция, вмешательство, принуждение, сами действия могут являться и нарушением, и соблюдением предписаний международного права, поэтому важно провести разделяющую черту между правомерными и неправомерными способами воздействия на государства, определить содержание и объем используемых терминов. Рассмотрим содержание и правомерность использования понятия вмешательство.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств в современном международном праве подразумевает запрет государствам и международным организациям вмешиваться во внутренние дела государств и народов в любых формах, открыто или косвенно, со стороны одного государства или нескольких государств или под прикрытием международной организации [4, с.180]. К сожалению, государства не всегда придерживаются предписаний данного принципа. По данным центра исторических исследований при Департаменте военно-морских сил США, за период с 1798 по 1993 годы вооруженные силы Соединенных Штатов 234 раза участвовали в операциях за границей для защиты граждан и национальных интересов США [5]. Поэтому заявления Генерального Секретаря ООН о завершении эры главенства на международной арене национальных интересов отдельных государств [6, с.30] кажутся несколько оптимистичными. Нужно, конечно, признать, что знаменитое высказывание Генри Пальмстона, государственного секретаря Великобритании (1830-1841): «Не стоит говорить о вечном союзе. Вечных союзников и вечных противников не бывает. Вечными могут быть только интересы страны», несколько трансформировалось ввиду возрастающей взаимозависимости государств и все большего

числа глобальных проблем, которые могут быть решены только Международным сообществом как единым целым. В то же время следует согласиться с мнением российского автора В.Н.Трофимова в том, что идея о готовности большинства стран терпеть даже определенную несправедливость ради сохранения мира, является неоправданной [7, с.52].

Рассмотрим понятие вмешательства в современном международном праве. Авторы учебника «Международное право» под редакцией Ю.М.Колосова и В.И.Кузнецова полагают, что «Вмешательством должны считаться любые меры государств или международных организаций, представляющие собой попытку воспрепятствовать субъекту международного права решать свои внутренние дела самостоятельно» [8, с.32]. По мнению российского профессора Н.А.Ушакова, «Вмешательство – это использование государством или группой государств против другого государства любого рода мер, экономических, политических, дипломатических или других, с целью заставить его отказаться от свободного и беспрепятственного осуществления своих прав» [9, с.144].

Приведенные определения тем или иным образом характеризуют неправомерный характер вмешательства. Эту позицию разделяют, например, российский профессор С.В.Черниченко [10, с.192], болгарский юрист Ян Томко [11, с.210]. Российские ученые А.С.Пирадов и Г.Б.Старушенко выделяют следующие характеристики вмешательства: осуществляется принудительно, осуществляется извне, угрожает международному миру и безопасности [12, с.248]. Наличие согласия государств снимает вопрос о вмешательстве. Следует также отметить, что мировое сообщество старается не прибегать к военным методам воздействия. Вооруженные меры должны применяться только по решению Совета Безопасности ООН в случаях, когда исчерпаны все другие методы, как то экономические, политические, дипломатические. В то же время не следует забывать, что правомерное вмешательство не является вмешательством в юридическом смысле.

Насильственный характер вмешательства признавался еще в классическом международном праве такими авторами, как Бернер, Блюнчли, Мартенс. В то же время понятие интервенция, предложенное немецким юристом XIX века Карлом Роттеком как опирающееся на право и даже поддерживаемое силой вмешательство одного государства во внутренние дела другого [13, с.12], в современном международном праве могло бы быть отнесено скорее к проблеме применения санкций или мер принуждения.

Согласно Декларации о принципах международного права 1970 года, все принципы являются взаимно связанными и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов. В то же время необходимо отметить особую связь между принципом невмешательства во внутренние дела государств и принципом неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях. В доктрине выделяют три основных подхода к содержанию понятия вмешательство. Согласно наиболее узкой концепции, вмешательство подразумевает применение или угрозу применения вооруженной силы. Вторая концепция определяет вмешательство как использование силы для оказания давления на государство. Согласно наиболее широкому подходу вмешательство во внутренние дела государств может носить как насильственный, так и ненасильственный характер.

Рассмотрим взгляды отдельных авторов. Российский профессор Н.А.Ушаков утверждает, что термин «вмешательство» по Уставу ООН имеет широкое значение – «любые меры государств и организаций, препятствующие государствам свободно и беспрепятственно решать дела по существу входящие во внут-

реннюю компетенцию». Данный подход характерен и для западной доктрины международного права. Он поддерживается Ессупом, Р.Фридманом, Г.фон Гланом, Венигером, Дамом, И.Блюнчли. Другая группа авторов, как, например, Ф.Мартенс, Ривиер, Л.Оппенгейм, Дж.Брайерли, Ч.Хайд, А.Фердресс определяли вмешательство как диктаторский акт с элементами использования силы или угрозы силой [14, с.4]. Российский профессор Э.И.Скакунов также отмечает, что вмешательство представляет собой «вторжение с применением силы или угрозы силой» [15, с.156]. Уругвайский юрист Х. де Аречага полагает, что «вмешательством являются действия, представляющие собой применение вооруженной силы или угрозу ее применения». В то же время он признает, что меры экономического и политического давления также представляют собой нарушение принципа невмешательства [16, с.138-139]. Следует отметить, что существует множество путей оказания воздействия на государство. Ввиду этого следует согласиться с более широкой трактовкой института вмешательства. Как отмечают российский профессор С.В.Черниченко и американский юрист Карен Хульме, границы принципа невмешательства шире принципа неиспользования силы [10, с.234].

Появление различных концепций вмешательства, опирающихся на применение или угрозу применения силы, связано с неоднозначностью подходов к понятию «сила» в международном праве. Ряд авторов, например, американский юрист Н.Кельзен, выступают за запрет применения лишь вооруженной силы [17, с.149]. В то же время большинство авторов склоняются к более широкому определению данного института, включая в него не только вооруженный, но и политический, экономический и другие аспекты. Советскими авторами даже провозглашалось существование экономической и идеологической агрессии. Данный подход нашел свое отражение и в международных соглашениях. Так, например, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 09.12.1981 закрепляет обязанность государств воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения в какой бы то ни было форме.

Как можно заметить, в международном праве признается существование различных форм и видов вмешательства. Согласно Хельсинкскому акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 запрещается любое вмешательство, прямое и косвенное, индивидуальное или коллективное. Прямое вмешательство во внутренние дела государства констатируют, когда действия, квалифицируемые как вмешательство, осуществляются напрямую от имени субъектов международного права. О косвенном вмешательстве говорят в случае организации и поддержки государствами подрывной и террористической деятельности, организации, подготовки, финансирования вооруженных банд, оказания поддержки мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах [11, с.208].

Выделяют военное, политическое, экономическое и иные формы вмешательства. Изучение положений Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г. позволяет сделать вывод о признании неправомерности идеологического и психологического давления [18, с.101]. Следует, однако, отметить, что международные отношения периода холодной войны характеризовались высокой степенью идеологизированности, что и повлекло включение положений о запрете проведения клеветнических, дифамационных кампаний в международные соглашения. Современный мир характеризуется направленностью на деидеологизацию международных отношений, и, таким образом, говорить о существовании идеологического вмешательства в данный момент времени политически некорректно. В то же время нельзя отри-

цать тот факт, что государства на международном уровне проводят кампании, направленные на формирование мирового общественного мнения. Ввиду того, что подобные действия осуществляются с целью оказания давления на политику государства, их следует относить к политическому вмешательству.

В литературе признается существование различных видов вмешательства. Так, например, российский профессор А.Н.Талалаев выделяет: вооруженную, экономическую, дипломатическую, тайную и идеологическую интервенцию. При этом под дипломатической интервенцией он понимает отказ в признании вновь появившихся государств, протесты дипломатического корпуса, влияние дипломатов на правительство страны пребывания [19, с.125-128]. Следует отметить, что правомерность выделения некоторых из вышеприведенных форм вмешательства неоднозначна. Ряд цитируемых автором действий, как, например, такие дипломатические методы воздействия, как отказ в признании нового государства, протесты дипломатического корпуса признаются правомерными в современном международном праве. Подобные действия не являются нарушением международного права, и, таким образом, в них отсутствует основной квалифицирующий признак вмешательства – его неправомерность. Российский автор Г.М.Вельяминов отмечает, что «исполнение диспозитивных норм международного права, в частности, решение вопроса о признании вновь появившегося государства, не является строгим» [20, с.135], и следовательно, не представляет собой нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государств. Некоторые виды оказания поддержки оппозиции, угроза негативными последствиями, засылка шпионов и диверсантов поглощаются другими видами вмешательства. Если гипертрофировать значение неприкосновенности государственных интересов, то даже заявление государства о том, что вопрос принадлежит к внутренней компетенции другого государства, является вмешательством. Однако, как отмечает болгарский ученый Ян Томко, на практике этого не происходит [11, с.106]. Таким образом, в настоящий момент представляется возможным констатировать существование следующих форм вмешательства: военная, политическая, экономическая. Как уже отмечалось выше, выделение идеологического и дипломатического вмешательства на современном этапе развития международных отношений представляется нецелесообразным.

Помимо рассмотрения содержания термина «вмешательство», важно также определить соотношение понятий вмешательство, интервенция, влияние. Необходимо отметить, что практика применения данных терминов далека от единобразия. Достаточно часто они используются произвольно или выступают в качестве синонимов. Так, например, согласно юридической энциклопедии «Интервенция (от лат. *interventio* – вторжение, вмешательство) – в международном праве насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства, являющееся нарушением его независимости и суверенитета» [21, с.372]. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, от 09.12.1981 г. также не содержит определения данных понятий. В то же время, представляется возможным выявить некоторые общие критерии.

Анализируя Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года, можно сделать вывод, что под интервенцией понимаются наиболее серьезные нарушения принципа невмешательства. На государства возлагается обязанность «воздерживаться от вооруженной интервенции, подрывной деятельности, военной оккупации или какой-либо иной формы интервенции и вмешательства, явной или скрытой, направленной против одного государства или группы государств или от любого акта военного,

политического или экономического вмешательства во внутренние дела другого государства» [22, с.100].

Следует, однако, отметить, что в русскоязычной литературе не существует единого мнения относительно содержания понятия «интервенция». Ряд российских авторов, например, Э.И.Скакунов, Д.Б.Рюриков, С.В.Черниченко полагают, что интервенция представляет собой исключительно вооруженную форму вмешательства [15, с.158]. В то же время, профессор А.Н.Талалаев распространяет термин интервенция на все виды воздействия государств друг на друга. Как уже отмечалось выше, в Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года признается существование не только вооруженной, но и иных форм интервенции, равно как закрепляется запрет военного, политического, экономического и иного вмешательства во внутренние дела государств.

Нужно отметить, что в англоязычной литературе использование терминов Intervention и Interference несколько отличается. В английском тексте Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 года, равно как Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях 1987 года, используются оба термина (Intervention, Interference), причем Intervention представляет собой наиболее грубые нарушения принципа невмешательства во внутренние дела государств как военного, так и невоенного характера. Казалось бы, не существует какого-либо коренного противоречия между использованием и соотношением терминов интервенция, вмешательство и Intervention, interference в русскоязычной и англоязычной литературе соответственно. В то же время необходимо отметить, что вне текстов документов в английском языке употребляется преимущественно термин intervention как аналог вмешательства в русском языке [23]. Поэтому следует согласиться, что понятие интервенция, используемое в текстах некоторых международных соглашений и русскоязычной литературе, представляет собой наиболее серьезные формы вмешательства, преимущественно военного характера. В то же время в англоязычной литературе широко используется термин intervention как аналог русского «вмешательство». Следует также отметить, что ввиду отсутствия четкого нормативного регулирования понятий «интервенция» и «вмешательство», русскоязычными авторами зачастую неоправданно заимствуется понятие «интервенция» из англоязычных источников. Как уже отмечалось выше, в некоторых международных соглашениях, интервенция выступает как наиболее грубая форма вмешательства. В то же время в актах, не посвященных специально урегулированию проблемы невмешательства, провозглашается принцип запрета любых форм вмешательства во внутренние дела государств в русскоязычном варианте, или intervention – в английском, как более общего понятия.

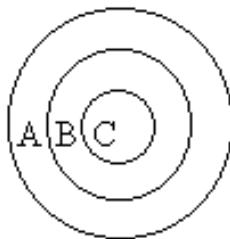
Представляется важным также выяснение вопроса о взаимном соотношении понятий интервенция, вмешательство, давление и влияние. Любые формы воздействия осуществляются в первую очередь с целью оказания давления на политику государства – объекта вмешательства. Американский юрист Л.Фенслер Дамрош в своей работе «Политика через границы: невмешательство и ненасильственное влияние на внутренние дела» рассматривает правомерность так называемого политического влияния. Подчеркивается, что в отличие от вмешательства и интервенции, которые всегда неправомерны, влияние может и не нарушать международных норм. Международные соглашения обычно предписывают государствам воздерживаться от любой формы давления в целях, противоречащих общепризнанным принципам международного права. В этом

случае давление может выступать как синоним влияния. Признается тот факт, что все государства пытаются воздействовать на иные страны и подвергаются их воздействию в той или иной форме [14, с.12-13]. При этом в качестве примера рассматривается поддержка и финансирование политических партий, кандидатов в иных государствах. Возможность такого рода вмешательства ставится в зависимость от положений национального законодательства. В то же время допускаются отклонения из этого правила в целях совершенствования политической системы страны. Необходимо, однако, помнить, что подобные действия противоречат нормам международных соглашений, запрещающих вмешательство во внутренние дела всех государств, независимо от их политической, экономической и социальной систем. Для того чтобы предотвратить произвольное вмешательство в международных отношениях, государства должны воздерживаться от совершения действий, хотя и правомерных, но которые имеют негативные последствия для других государств или ставят под угрозу их безопасность [24, с.110-111].

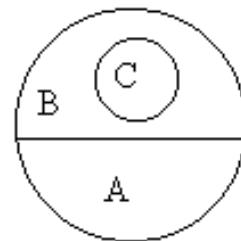
Американский юрист Л.Фенслер рассматривает также такие виды воздействия, как предоставление межправительственной помощи на определенных условиях или использование негативных мер, как то отмена системы преференций или введение экономического эмбарго [14, с.28-31]. Упомянутые действия могут являться правомерными постольку, поскольку они соответствуют требованиям международного права. При заключении государством международного соглашения, не носящего явно неравноправного характера, говорить о вмешательстве во внутренние дела не представляется возможным, хотя заключение подобного договора может существенно изменить политику страны.

Таким образом, когда говорят о воздействии на государственную политику, могут подразумевать два вида деятельности: влияние в целом, включающее в себя вмешательство во внутренние дела государства, или же исключительно правомерные методы воздействия, которые, как, например, требования международной этики и морали, могут иметь большое значение. Действия, не нарушающие нормы международного права, не являются вмешательством. Соотношение понятий интервенция, вмешательство и воздействие можно графически изобразить с помощью круговых диаграмм.

Вариант 1

Вариант 2

- А – 1 – любая форма воздействия
- А – 2 – правомерное воздействие
- В – вмешательство
- С – интервенция

Анализируя содержание принципа невмешательства во внутренние дела государств, следует отметить, что четко установить объем внутренней компетенции невозможно. Можно лишь определить круг внутренних дел в каждом

отдельном случае с учетом степени развития международного права и международных отношений, ситуации на международной арене, международных обязательств конкретного государства [11, с.136]. В то время содержание принципа невмешательства может быть определено через совокупность запрещенных им действий. Несомненно, исчерпывающего списка запрещенных деяний не существует, однако в международном праве закрепляются основные принципы, определяющие противоправность деяний и конкретные формы актов, являющихся нарушением принципа невмешательства во внутренние дела государств и ряда других принципов международного права.

Перечень соглашений, налагающих ограничения на деятельность государств в отношении принципа невмешательства во внутренние дела достаточно широк. Он включает в себя как акты, закрепляющие основные принципы современного международного права, как, например, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами 1970 года, Парижская хартия для новой Европы, от 21.11.1990, Пакт Лиги арабских государств от 22.03.1948, документы, непосредственно направленные на урегулирование принципов неприменения силы и угрозы силой, невмешательства во внутренние дела государств, например, Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограничении их независимости и суверенитета, от 20.12.1965, Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях от 18.11.1987, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 09.12.1981, так и акты, затрагивающие вопросы ответственности государств за совершение противоправных деяний, как например, Определение агрессии от 12.04.1974, либо проекты документов, разработанных Комиссией международного права, как например, Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятый Комиссией международного права в 1996 году, Проект Декларации прав и обязанностей государств 1949 года.

Эти и многие другие международные акты содержат широкий перечень деяний, запрещенных международным правом. В то же время представляется возможным выделить основные группы нарушений принципа невмешательства во внутренние дела государств. Такое деление не следует идентифицировать с классификацией международных преступлений, такими, как агрессия, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступления против персонала ООН и специализированных учреждений. Несомненно, все международные преступления являются нарушениями принципа невмешательства во внутренние дела государств. В то же время к нарушениям принципа невмешательства относятся и менее серьезные нарушения международного права. Сама классификация также носит более специализированный характер. Таким образом, деяния, нарушающие принцип невмешательства во внутренние дела государств, можно разделить на две группы по степени серьезности совершенного правонарушения. Первую группу составляют международные преступления как представляющие наибольшую опасность для всего мирового сообщества, вторую – менее тяжкие нарушения принципа невмешательства во внутренние дела государств. Как уже отмечалось выше, в зависимости от формы выделяют отдельные виды вмешательства, как то военное, политическое, экономическое.

По способу нарушения принципа невмешательства во внутренние дела государств можно выделить следующие группы правонарушений, независимо от тяжести совершенного деяния. Приводимые примеры призваны помочь составить более точное понятие об объеме того или иного блока.

1. Акты, непосредственно направленные на нарушение или нарушающие международный мир, – агрессия, бомбардировки, блокады;
2. Деяния, нарушающие стабильность как внутри государства, так и в международных отношениях, следовательно, подвергающие угрозе международный мир и безопасность, – дестабилизация политических, экономических, культурных основ государства, содействие подрывной деятельности, нарушение прав человека, инициирование гражданской войны, причинение вреда окружающей среде;
3. Акты, направленные на лишение народов права на самоопределение, установление любой формы зависимости;
4. Участие в любой форме или пособничество совершению уголовных преступлений международного характера – наемничество, торговля наркотиками;
5. Осуществление содействия в любой форме террористической деятельности;
6. Политические методы давления – угрозы, пропаганда войны, использование заявлений о нарушении прав человека в качестве предлога для вмешательства, признание ситуаций, установленных в нарушение принципа не использования силы;
7. Деяния, направленные на нарушение территориальной неприкосновенности политической независимости государств – захват и узурпация части или всей территории, применение репрессий с использованием силы;

Несомненно, некоторые акты могут быть отнесены к различным группам, предложенной классификации. Так, например, незаконная блокада портов направлена на ущемление политической независимости государств, но в то же время, согласно определению агрессии [25, с.674], включается в понятие агрессии и является прямым нарушением международного мира.

Терроризм, как и подрывная деятельность, ранее могли быть отнесены к деяниям, нарушающим стабильность внутри государства, однако в последнее время взгляды на опасность совершения террористических актов претерпели значительные изменения. Международный терроризм не признает государственных границ, что позволяет выделить соответствующие деяния в отдельный блок.

Рассматривая содержание принципа невмешательства во внутренние дела государств, нужно отметить, что не всегда воздействие субъектов международного права на государства или нации является неправомерным. Трансграничное влияние может оказывать позитивное воздействие, если оно содействует политической, экономической, социальной эволюции отдельного государства [26, с.44]. В то же время международное право ограничивает средства и методы воздействия на государства и нации. Таким образом, правомерное вмешательство не является вмешательством в юридическом смысле.

Анализ вопроса о соотношении институтов вмешательства, интервенции, воздействия, делает очевидным тот факт, что интервенция является частным случаем вмешательства и представляет собой наиболее грубые формы нарушения принципа невмешательства во внутренние дела государств, как правило, но не обязательно, военного характера. В то же время в русскоязычной и англоязычной литературе обычно используются термины вмешательство и Intervention соответственно для обозначения одних и тех же понятий. Интервенция и вмешательство всегда неправомерны. Влияние и давление включают в себя акты как неправомерного, так и правомерного воздействия на поведение государств.

1. Report on the panel of the United Nations Peace operations. // www.un.org/peace/reports/peace_operations – 27/07/2002.

2. Annan K.A. The question of intervention. Statements by the Secretary-General/ – New York: UNDPI, December 1999.
3. Fisler Damrosch L. Politics across Borders: Nonintervention and Non inforcible Influence over domestic affairs // American Journal of international law. January 1989. Vol. 83. No.1.
4. Международное право. Словарь справочник. / Под общ. ред. акад. МАИ д.ю.н. Трофимова В.Н. – М.: ИНФРА – М, 1997.
5. Instances of Use of United States Forces Abroad, 1798 – 1993. // <http://www.history.navy.mil/wars/foabroad.htm> – 23/09/2002.
6. Annan K.A. Op. Cit.
7. Трофимов В.Н. Международная безопасность – право или сила // МЖМПР. – 1992. – №4.
8. Международное право: Учебник / Отв. ред. Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. – М.: Международные отношения, 1995.
9. Курс международного права в 7-и томах. Т. 2. Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко, В.А. Карташкін, Б.М. Клименко и др. – М.: Наука, 1992.
10. Черниченко С.В. Теория Международного права. В 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. – М.: Издательство «НИМП», 1999.
11. Томко Я. Внутренняя компетенция государств и ООН: Пер. со словацкого О.Ф. Скакуна / Под ред. и со вступ. ст. д-ра юр. наук Г.И. Морозова. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1963.
12. Пирадов А.С., Старушенко Г.Б. Принцип невмешательства в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. 1958. – М.: Издательство АН СССР, 1959.
13. Камаровский Л. Начало невмешательства. – М.: В. Университетской типографии (Катков и К°), 1874.
14. Fisler Damrosch L. Op. cit.
15. Скаакунов Э.И., Рюриков Д.Б. О международно-правовых аспектах урегулирования внутренних вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права 1992. – СПб: Россия-Нева, 1994.
16. Ареагага Э.Х. Современное международное право: Пер. с испанского Ю.И. Папченко / Под ред. и с вступ. ст. Г.И. Тункина. – М.: Прогресс. 1983.
17. Ушаков Н.А. Международное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2000.
18. Действующее международное право: В 3 т. / Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Т. 1. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996.
19. Талалаев А.Н. Хельсинки: принципы и реальность. – М.: Юридическая литература, 1985.
20. Вельяминов Г.М. О понятии нормы международного права // Советский ежегодник международного права. 1971. – М.: Наука, 1973.
21. Юридическая энциклопедия. – Издание 5-е, дополненное и переработанное / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2001;
22. Действующее международное право: В 3 т. / Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Том 1. – Издательство Московского независимого института международного права, 1996.
23. Canadian Council of International law 1999, Annual Conference «From Territorial Sovereignty to Human Security», Address by Mr. Hans Corell Under-Secretary-General for Legal Affairs – <http://www.un.org/law/counsel/ottawa.htm> – 07/10/2002.
24. Правомерное поведение государств – предпосылка эффективности международно-правовых норм // Российский ежегодник международного права. 1998-1999.
25. Международное право в документах: Учебное пособие / Сост. Н.Т. Блатова. – М.: Юрид. лит., 1982.
26. Вебер С. Переосмысление государственности: Анализ пограничных понятий «Суверенность»–«Интервенция».// Национализм – Суверенитет: история и современность. – Мн., 1993. АН РБ Зарубежное обществоведение.

Поступила в редакцию 13.11.2002.

The article deals with the basic concepts of a principle of non-interference in internal businesses of the states, opens their contents and parity. The author investigates the volume of the term of intervention as most general concept, defines his kinds, attributes and qualifying elements. The author considers a parity of concepts intervention, intervention, pressure, influence, comparative analysis of the Russian and English documents and literatures will be carried out. The classification of the certificates representing infringement of a principle of non-interference to internal businesses of the states on various bases is proposed.

Довгань Елена Федоровна, аспирант кафедры международного права БГУ.
Научный руководитель – доцент, кандидат юридических наук Л.В.Павлова.

УДК 347.921

И.Ю. Кирвель**ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН В СУДЕ ПЕРВОЙ
ИНСТАНЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

Согласно гражданскому процессуальному законодательству Республики Беларусь участники гражданского процесса наделяются правами и несут обязанности. В данной статье автор анализирует обязанности сторон, акцентируя внимание на некоторых из них, требующих наиболее четкой регламентации. На основе анализа научных теоретических разработок и судебной практики автор предлагает внести отдельные изменения в законодательство, регулирующее участие сторон в гражданском судопроизводстве в части исполнения ими обязанностей.

Помимо прав, гражданское процессуальное законодательство возлагает на стороны обязанности. В юридической литературе существует деление обязанностей сторон на общие и специальные. Общие обязанности стороны несут на протяжение всего процесса осуществления правосудия, и их исполнение не исчерпывается совершением отдельных действий [1, с. 86]. Такой обязанностью является закрепленная в ст.56 ГПК обязанность юридически заинтересованных в исходе дела лиц добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. То есть, стороны должны вовремя представлять доказательства, оплачивать судебные расходы, не злоупотреблять временем суда и других лиц и т.д. Соответственно, любые попытки затянуть процесс или отклониться от существа дела пресекаются судом.

Специальные процессуальные обязанности возлагаются на стороны в связи с необходимостью совершения ими отдельных процессуальных действий [2, с. 67]. Например, если лицо обращается к суду с ходатайством о вызове в суд свидетеля, то на нем лежит обязанность указать, каковы причины такого вызова и какие обстоятельства, необходимые для разрешения дела, может прояснить свидетель, и т.д. И общие, и специальные обязанности являются взаимодополняющими. Выполняя специальные обязанности, лицо должно делать это добросовестно.

Необходимо, чтобы на практике судья при разъяснении сторонам их прав и обязанностей четко и конкретно формулировал их и предупреждал стороны о том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей гарантируется мерами процессуальной ответственности в виде штрафа, привода, оставления заявления без рассмотрения, вынесения судом неблагоприятного решения для той либо иной стороны. Это позволит участникам гражданского процесса быть осведомленными о возможных последствиях своего поведения, поскольку обязанность будет исполняться только тогда, когда будет обеспечена определенной ответственностью.

В ГПК имеются статьи, определяющие основные обязанности свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика. Ст.56 ГПК, определяющая права и обязанности юридически заинтересованных в исходе дела лиц (стороны, третьи лица, прокурор, представители и др.), говорит только лишь об одной общей обязанности – добросовестно пользоваться принадлежащими вышеуказанным лицам правами. Поэтому необходимо включить в ГПК в раздел «Участники гражданского судопроизводства» в главу «Стороны» статью 61¹ ГПК, где следует указать обязанности сторон с последующей их конкретизацией уже в специальных нормах ГПК, более подробно регламентирующих данные обязанности. Следует добавить обязанность нести судебные расходы по делу (ст.114 ГПК), если стороны не освобождены от нее законом или судом; обязанность каждой стороны дока-

зывать факты, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений (ст.179 ГПК) путем дачи объяснений, представления доказательств; обязанность беспрекословно подчиняться соответствующим распоряжениям председательствующего, соблюдать в судебном заседании установленный порядок (ст.271 ГПК); являться по вызову суда, извещать суд о причинах неявки и представлять доказательства уважительности этих причин (ст.282 ГПК).

В ст.138 ГПК закреплено, что на сторону, заявившую недобросовестный иск или спор против иска или систематически противодействовавшую правильному и быстрому рассмотрению и разрешению дела, суд может возложить уплату в пользу другой стороны компенсации за фактическую потерю рабочего времени. Формулировка статьи является нереальной, поскольку недобросовестность стороны, заявившей неосновательный иск, практически доказать невозможно [3, с. 21]. Происходит это потому, что, во-первых, сторона (истец) никогда не признается о своих истинных намерениях, а во-вторых, истец, предъявляя неосновательный иск, может быть уверен в обратном, точно так же, как и ответчик, споря против иска. Суть же гражданского судопроизводства и состоит в том, чтобы выяснить сущность данного иска и защитить права истца либо ответчика от нарушений или посягательства на их нарушение. В связи с этим доказать недобросовестность стороны весьма проблематично, поэтому, думается, нужно исключить данное положение из ГПК.

Ст.134 ГПК предусматривает право судьи, суда, исходя из имущественного положения сторон, отсрочить или рассрочить одной или обеим сторонам уплату судебных расходов, взыскиваемых в доход государства, или уменьшить размер этих расходов. Аналогичная статья 68 ГПК Украины устанавливает сроки такой рассрочки, что, по нашему мнению, служит гарантией как для соблюдения интересов сторон, так и для соблюдения интересов государства. Поэтому необходимо, чтобы суд или судья, исходя из имущественного положения сторон, мог отсрочить или рассрочить одной или обеим сторонам уплату судебных расходов, взыскиваемых в доход государства, до окончания рассмотрения дела в суде первой инстанции, но не более чем на три месяца со дня предъявления иска, или уменьшить размер этих расходов. Если в установленный срок судебные расходы не будут уплачены, взыскание должно производиться по исполнительному листу.

В связи с тем, что обязанность сторон по доказыванию является основной в гражданском процессе для истца и ответчика, хотелось бы уделить ей большее внимание. Обусловлено это, прежде всего, изменением роли сторон в доказательственной деятельности по гражданским делам.

На протяжении всей истории существования гражданского процесса проходило изменение роли суда и сторон в доказательственной деятельности при рассмотрении гражданских дел. До принятия ГПК Республики Беларусь 1999 г. на страницах научных изданий многие юристы отмечали, что существующая система гражданского судопроизводства не в полной мере способствует реализации принципа состязательности сторон в гражданском судопроизводстве.

При этом многие правоведы отдавали предпочтение зарубежной системе противоборства сторон, в частности, английскому и американскому гражданскому процессу, для которых характерно активное участие сторон в слушании дела посредством использования профессиональных адвокатов, от красноречия и мастерства которых во многом зависит исход дела. Естественно, что каждая сторона заинтересована убедить суд в своей правоте для получения решения в свою пользу. И в пользу той стороны, у которой это получится лучше, и будет вынесено решение суда, даже если оно не соответствует объективной истине.

Согласно ч.1 ст.15 ГПК Республики Беларусь 1964 года, под объективной истиной понималось всестороннее, полное и объективное выяснение действительных обстоятельств дела, прав, обязанностей сторон. Исходя из положения данной статьи, судья обязан был не ограничиваться представленными материалами и объяснениями сторон, а собирать доказательства по своей инициативе, чем во многом подменял стороны, что также способствовало большей загруженности судов.

ГПК 1999 года в ст.20 возложил обязанность по представлению необходимых для установления истины по делу доказательств на стороны, третьих лиц и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц, оставив суду возможность оказывать вышеуказанным лицам при наличии ходатайств с их стороны помочь в истребовании доказательств, когда представление таких доказательств для них невозможно, тем самым активизировав доказательственную деятельность сторон в гражданском судопроизводстве.

Думается, что в настоящее время в связи с изменением роли сторон в доказательственной деятельности, переложением бремени доказывания по гражданским делам прежде всего на стороны и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц (ст.179 ГПК), возникла необходимость нового подхода к понятию судебного доказывания в теории гражданского процессуального права. Под судебным доказыванием следует понимать урегулированную гражданским процессуальным законодательством деятельность сторон, других юридически заинтересованных в исходе дела лиц и суда по собиранию, исследованию и оценке доказательств.

Отсутствие единого подхода к проблеме достижения истины в суде при рассмотрении гражданских дел стало почвой для дискуссий по этому поводу. Некоторые ученые трактуют увеличение активности сторон в процессе доказывания по делу и соответственно уменьшение инициативы суда как отказ от принципа объективности в гражданском процессе [4, с. 25].

Следует согласиться с мнением Т.Сахновой о том, что изменение средств и способов достижения истины в суде не снимает с суда ответственности выявить действительно существующие юридические факты, так как это предопределено функциями суда как органа правосудия [5, с. 34].

На современном этапе развития гражданского судопроизводства в Республике Беларусь на первый план выходит активность сторон по доказыванию обстоятельств дела, фактов, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений. Действующая модель состязательности дает достаточную возможность сторонам по собиранию, представлению и исследованию доказательственного материала (ст.20, 179, 232 ГПК Республики Беларусь и др.).

В соответствии с ГПК Республики Беларусь судья не выступает в процессе в роли стороннего наблюдателя. Согласно ст.263 ГПК, судья для подтверждения фактов, входящих в предмет доказывания, истребует письменные и вещественные доказательства, разрешает вопросы о производстве экспертизы, направляет судам судебные поручения, направляет граждан на освидетельствование в медицинские учреждения, в случае необходимости проводит осмотр на месте, совершает иные процессуальные действия. Кроме того, по требованию суда письменные доказательства направляются их держателями непосредственно в суд (ч.1 ст.196). Именно суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, суд может не утвердить распорядительные действия сторон, если они противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы (ч.4 ст.61 ГПК), в предусмотренных законом случаях суд назначает представителя (ст.77 ГПК). Судья вправе выделить из объединенных исковых требований одно или несколько в отдельное производство либо раздельно рассмотреть ис-

ковые требования (ч.5 ст.250 ГПК), совершать некоторые другие действия, предусмотренные законодательством. Поэтому суд не лишен активности в процессе доказывания и может устанавливать объективную истину, хотя прямого указания на такую обязанность в законе нет [6, с. 1].

В то же время суд не может по своей инициативе возбудить гражданское дело. Так, одним из оснований к отмене постановленного решения по делу послужило то, что судья, рассматривая в одном процессе основной иск о восстановлении на работе и регрессный о взыскании с должностного лица убытков, причиненных выплатой уволенному заработной платы за время вынужденного прогула, не учел, что ГПК Республики Беларусь 1999 года не предусматривает возможности рассмотрения в одном процессе основного и регрессного исков [7].

Согласно ст.18, 273 ГПК суд рассматривает дело лишь в пределах заявленного искового требования, за некоторыми исключениями. Необходимо, чтобы была исключена любая возможность вмешательства суда в волеизъявление истца при обращении за защитой своего права и в первую очередь при выборе своего ответчика(ков). Так, например, ответчик должен быть привлечен к делу только с согласия истца, если же истец не согласен на замену ответчика, то дело должно быть рассмотрено по предъявленному иску. Закрепление данного момента в законодательстве будет в большей степени соответствовать принципу свободы волеизъявлений сторон.

В гражданском процессе важную роль играет подготовка дел к судебному рассмотрению, надлежащее осуществление которой способствует быстрому и правильному разрешению спора. На данной стадии судья определяет предмет доказывания по делу, круг участвующих в деле лиц, распределяет бремя доказывания по делу.

Пункт 3 ч.1 ст.260 ГПК указывает, что судья в данной стадии принимает меры для того, чтобы во время разбирательства дела суд имел все необходимые доказательства, определяет, какие доказательства представляются каждой стороной. Полагаем, что непосредственно на данной стадии должен быть произведен вызов ответчика с вручением ему приложенных к исковому заявлению копий документов истца. А копия искового заявления должна быть выслана ответчику одновременно с извещением о явке в суд для участия в процессе подготовки дела. Думается, это позволит более четко определить стороне свою позицию в доказывании фактов, на которые она ссылается непосредственно в судебном разбирательстве дела.

Кроме того, необходимо внести изменения в п.1 ч.1 ст.263 ГПК Республики Беларусь, где указано, что судья в случае необходимости предлагает истцу представить дополнительные доказательства. Такое указание должно распространяться и на ответчика, так как только равные возможности для обеих сторон смогут обеспечить в полной мере эффективную защиту прав и законных интересов данных лиц.

Как показывает практика, у судов нет единообразного понимания ст.260, 263 ГПК, регламентирующих действия судьи по подготовке дела к судебному разбирательству. Одни судьи по своей инициативе истребуют все доказательства, необходимые для разрешения спора, другие предлагают сторонам представить необходимые доказательства по своей инициативе или истребуют их по ходатайству сторон, третьи считают, что судья не должен предпринимать какие-либо действия по истребованию доказательств, а должен ограничиться тем, что представляют стороны [8, с. 19].

Так, К. обратился в суд с иском о признании завещания своего отца недействительным. Решением суда Ленинского района г. Бреста, оставленным без из-

менения определением судебной коллегии по гражданским делам Брестского областного суда, К. в удовлетворении иска отказано. Отказ мотивирован тем, что К. не представил доказательств в обоснование своих требований.

Постановлением президиума Брестского областного суда удовлетворен протест заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь об отмене постановлений по делу, в котором указывалось, что судья при подготовке дела к судебному разбирательству принимает меры, чтобы во время разбирательства дела суд имел все необходимые доказательства и для реализации этой задачи выполняет действия, указанные в ст.261-263 ГПК и иные необходимые действия, предусмотренные законодательством. В нарушение ст.20, 179, 260 и 263 ГПК, судья при подготовке дела к судебному разбирательству не принял мер к истребованию доказательств, указанных истцом, и не назначил по делу судебно-психиатрическую (посмертную) экспертизу, несмотря на то, что для решения вопроса о психическом состоянии в момент удостоверения завещания требовались специальные познания в области медицины. Не были восполнены эти пробелы и судами первой и кассационной инстанций при рассмотрении иска по существу, что повлекло вынесение по делу необоснованных судебных постановлений [9, с. 43-44].

Регулирование данных положений осуществляют ст.20, 263 ГПК, отражающие обязанности сторон по представлению доказательств и выдаче судом запроса на получение доказательств от определенных лиц в случае невозможности их получения самостоятельно.

В п.8 постановления № 7 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции» указано, что непредставление сторонами или другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами доказательств, когда к этому не было препятствий, не исключает возможности рассмотрения дела по существу по имеющимся доказательствам.

Думается, что непредставление доказательств в суд первой инстанции без уважительной причины, уклонение сторон от доказывания должно влечь применение к ним мер ответственности, а именно: в отношении истца – оставление иска без рассмотрения; а в отношении ответчика – удовлетворение иска.

Суд первой инстанции выносит свое решение, основываясь на доказательствах, имеющихся по данному делу. В случае отмены решения судом кассационной инстанции в результате рассмотрения новых доказательств, не представленных в суд первой инстанции, вышестоящий суд не должен рассматривать данную отмену как недостаток в работе суда первой инстанции и конкретного судьи, так как выяснение судом действительных обстоятельств дела возможно лишь при активной позиции сторон. Непредставление доказательств без уважительной причины, несмотря на содействие суда, свидетельствует о безразличном отношении сторон к судьбе дела. Непредставление доказательств без уважительной причины в суд первой инстанции должно влечь отказ в их принятии и исследовании судом кассационной инстанции. Уважительность причины должна проверяться судом кассационной инстанции, после чего жалоба (протест) принимается и рассматривается либо отказывается в ее рассмотрении. Кроме того, необходимо закрепить как в ГПК Республики Беларусь, так и в ХПК Республики Беларусь то, что стороны и другие лица, юридически заинтересованные в исходе дела, имеют право представлять новые доказательства при условии уважительности причин непредставления их в суд первой инстанции, как до начала, так и во время рассмотрения дела в суде кассационной инстанции до удаления суда в совещательную комнату для вынесения определения по делу.

В основу решения по делу могут быть положены лишь доказательства, подвергнутые всесторонней и объективной проверке. А это значит, что заседание суда второй инстанции по пересмотру дела должно длиться не 15-20 минут, как это имеет место порой на практике, а несколько часов для проверки и оценки новых доказательств, соотношения их с уже имеющимися по делу материалами. В связи с этим необходимо закрепить в ГПК Республики Беларусь обязательность ведения протокола судебного заседания секретарем кассационной инстанции, поскольку принятые судебные акты могут быть опротестованы в порядке судебного надзора, и надзорная инстанция должна проверить, изучив материалы дела, каким образом исследовались новые материалы в кассационной инстанции и правильно ли им дана оценка судом кассационной инстанции.

Таким образом, в соответствии с ГПК Республики Беларусь основная роль в доказывании принадлежит сторонам. Активная деятельность суда в процессе доказывания ограничена действием принципа состязательности, однако не теряет при этом всей важности и необходимости для правильного и законного разрешения спора, так как именно суд определяет предмет доказывания по делу.

Поскольку обязанность по доказыванию является основной для истца и ответчика, соответственно, для ее реализации необходимо обеспечить равные возможности для сторон при подготовке дела и непосредственно в судебном заседании. Сторонам должно быть выделено время для предоставления необходимых доказательств, оказана помощь со стороны суда при невозможности получения доказательств. Соответственно, уклонение сторон от выполнения данной обязанности должно влечь применение мер ответственности не административного характера, а процессуального – оставление иска без рассмотрения, удовлетворение иска, отказ в принятии новых доказательств судом кассационной инстанции, если причины непредставления их в суд первой инстанции признаны неуважительными.

Важно, чтобы как в нормах Гражданского процессуального кодекса, так и при непосредственном применении данных норм в правоприменительной деятельности судов не ущемлялась свобода волеизъявлений сторон, а суд в предусмотренных законом случаях оказывал им содействие.

1. Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. К.И. Комиссарова и В.М. Семенова.– М.: Юрид. лит., 1988.
2. Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота.– М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000.
3. Рязанова А. Причины «процессуального бессилия» сторон в споре // Российская юстиция. – 1999. – № 2. – С. 21.
4. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. М.К. Треушникова.– М.: «Спарт»; «Городец», 1996.
5. Сахнова Т.В. Гражданское процессуальное право России: перспективы развития // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 31 – 37.
6. Звягинцева Л.М., Плюхина М.А., Решетникова И.В. Доказывание в судебной практике по гражданским делам: Учеб. – практ. пособие.–М.: НОРМА-ИНФРА М, 2000.
7. Дело № 33 / 290. Архив суда Ленинского района г. Гродно за 2000 г.
8. Комментарий к постановлению // Судовы веснік. – 2001. – № 3. – С. 16 – 22.
9. Невыполнение судей при подготовке дела к судебному разбирательству действий, предусмотренных ст. ст. 261-263 ГПК...: Постановление президиума Брестского областного суда // Судовы веснік. – 2002. – № 3. – С. 43 – 44.

Поступила в редакцию 21.04.2003.

According to the Civil Procedural Legislation of the Republic of Belarus the participants of a civil proceeding are entitled to the rights and perform the duties. The article deals with analysis of the duties of parties paying special attention to some of them, which undergo the most accurate regulation. On the basis of the analysis of research and theoretical works as well as judicial practice, the author proposes to make some changes into the Legislation that regulate the participation of parties in the civil proceeding in the section concerning the duties they are to fulfil.

Кирвель Ирина Юзефовна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса ГрГУ им. Я. Купалы.

Філалогія

УДК 808.26–3–022

В.Э. Зіманскі

ТЭМАТЫЧНАЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ ЛЕКСІКІ СА ЗНАЧЭННЕМ ПРАДМЕТНАСЦІ Ў ВІСЛІЦКІМ СТАТУЦЕ XV ст.

В статье анализируется аппелятивная лексика Вислицкого статута, одного из наиболее крупных памятников белорусской письменности XV века. Главное внимание уделяется тематической дифференциации лексики со значением предметности, употребленной в статуте.

Адзін з першых буйных помнікаў беларускай дзялівой пісьменнасці ранняга перыяду, Вісліцкі статут уяўляе сабой перакладзены з лацінскага арыгінала звод законаў, якія былі створаны польскім каралём Казімірам і прыняты на соймах ў Вісліцы і Петракове ў 1347 г. Вядома, што пры перакладзе лацінскі арыгінал быў дапоўнены новымі артыкуламі (т.зв. звод законаў карала Уладзіслава). Паколькі ў дадзеным помніку рэгуляваліся розныя праваадносіны (шлюбныя, эканамічныя, спадчынныя і інш.), а значыць, аказаўся сканцэнтраванымі юрыдычныя нормы розных галін права (грамадзянскага, сямейнага, крымінальнага і інш.), то аналіз апелятыўнай лексікі помніка на прадмет яе тэматычнай дыферэнцыяцыі ўяўляе несумненну цікавасць.

Лексіка, якая заключае ў сабе агульнае значэнне прадметнасці, выражана ў Вісліцкім статутце назоўнікамі, субстантываванымі прыметнікамі і дзееприметнікамі, а таксама састаўнымі назвамі, пабудаванымі па мадэлі «назоўнік + прыметнік, дзееприметнік», у якіх апошнія выступаюць у якасці «тэрмінаэлементаў» [1, с. 50], і выразна падзяляецца на некалькі тэматычных груп.

Грамадска-палітычная лексіка ўключае: а) назвы людзей паводле сваяцтва: **братъ, оунжка, сынъ, сирота, свекровь, сестра, племенникъ, w/me/ци,** **матъ, m/a/тры, матка, кумъ, дочка, д'ѣти, братія** (канкрэтываны прыметнікам *роженая*), **братенікъ:** пригожається што^ж д'ѣти о ч сиро^мствѣ зостану^м (35б)¹; коли^ж которы ``сы^н держіць ѿца здорового и мтры здорову (27-27б); сваяцкія адносіны, што ўзніклі у працэсе шлюбу, абазначаны назвамі **мужъчинъка, невеста, мужъ, жена, жонъка, вдова:** о жене которои мужъ оумре^м (31б); незамужняя жанчына насіла назву **д'ѣвка:** а буд ^ж лі такая д'ѣвка а любо жонъка несправне жаловала (36б). Агульнае значэнне роднасці і сваяцтва абазначаецца ў помніку лексемамі **прірожденый, племе, колено, ворожай, родъ:** о шляхотный ворожай имети ў корене(18б); о сиротах^х иже нико^ж не маю^м ні ѿца ні мтры ні племе (9); имееть шесть оуроженых^х старых^х а добрых^х шляхтовъ поставить на свиде^чство дваж^х свое^х роду а друг^и два изь другаго колена(18б), а таксама лексема **кумовъство:** то^м замешъка^х ўозва^м того

¹ Тут і далей ілюстрацыі даюцца па выданні: Roman Stanisław i Vetulani Adam. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. – Wrocław—Kraków, 1959.

кумовъства (20); б) назвы асоб па месцы жыхарства, пражыванні: **селанінъ, земланінъ, чюжоземъцъ:** пріказуемъ абы земланінъ на^ш не игра^а изъ жадны^и такы^и чюжоземъцо^и косто^к (276); колі па^у своему селаніну до^{ку} ему оусілуеть (266); в) назвы асоб паводле веравызнання: **жідъ, жідовинъ, христіянинъ:** колі жъ таکій буд^к колі христіяни^и а любо жідовинъ молчаль (35); г) назвы асоб паводле сацыяльнага становішча, адміністрацыйных пасад, месцапражыванні, адносін да грамадскага працэсу: **пань (пани, панна):** колі кторая пани а любо панна позвана была (12); пань его уважае^т в постовтін^ж (236), **шлакт^л (шлактич):** а буд^к лі знамениты шлактич тогды шестъдес^л гравенъ (306), **шолтись 'вясковы стараста', ше^тийство, кметъ 'селянін без зямлі':** а буд^к ли шо^ти^с а любо кметъ шлактичо^и оучиненъ тогды три гравны (31), **дворанінъ:** частокротъ же наши^х дворанъ...пзывають (146), **рыцеръ 'рыцар, конны воін шляхецкага паходжання':** колі жъ кторый рыцеръ...не буд^кть пересудомъ шважонъ (266), **бурукрап^л** 'намеснік старасты ў сярэдневяковым горадзе', **метанінъ** 'карэнны жыхар мястэчка, гараджанін': колі^ж кторый метанінъ...которому земленіну бе^з запіс^ж повери^м (186), **подданый 'асоба, якая знаходзіцца ў падданстве якой-небудзь дзяржавы':** к ужытку нашимъ по^дданымъ...выдаваемы и оуставляемы права (10); сярод назваў асоб па прафесії, роду заняткаў, сацыяльнай прыналежнасці сустракающе назоўнікі **слуга, смердъ,** субстантываваныя прыметнікі **оубогый, богатый, многыи,** а таксама састаўныя назвы **люди оубогыи і чловекъ шлакотный:** кторый шлактный члвкъ не буде^т пересудомъ шважонъ (266); частокро^т оубогыи лю^ды^и бывають оутіснены (17); колі^ж оубогы 'бгато^и зове^т в квалъ^и (30); да гэтай групы належаць таксама назвы **паробокъ, пастухъ:** **швци зас^л не мель Шпастуха (27); о пароб^цо^х а любо о жонька^х нево^ныхъ (96);** д) назвы асоб паводле іх адносін да іншых асоб: **пріетель, непріятель:** некоторый пріетель а лю прірожены^и... близкость хотель бы выкупить (346); агульнае абазначэнне такіх адносін заключае ў сабе лексема **пріятелиство:** жалобы на судех не бывали сужены едностайно але подлугъ...-пріятелиства (10); е) назвы дзяржаў, адміністрацыйных адзінак унутры дзяржавы: **земля, держава, корол'въство:** w суде^х ко^нко ка^жна^з земля имеесть судья и^м (126); то^и имаеть оу своеі державе су^д судить (13); **городъ, с^ёло:** А каж^дыи горо^д себе имеесть свога судью иметь (13); имаеть поеха^м к селу(14); **комора 'дзяржава':** А кторый буде^т оу то^и знайдены тогда вина на нихъ у нашоі коморе п^лнано^дцеть (15), **коруна 'каралеўства':** паны рады коруны по^л ское (96), **соймъ 'сейм':** при нашемъ сойму...имаеть wсветченіе оучини^м (206), **скарбъ 'казна, дзяржаўныя фінансы':** о віне семьдес^л кторая иде^т оу на^ш скарбъ (17), **поветь 'адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка':** кожному повете wднова оу мсць имають быти положены (43), **мѣсто 'цэнтр мястэчка'** (43), **весъ 'вёска':** вси кром^к па свога чія весъ (326), **поселите:** w землан^ж кторы^и...поселито^т ткод^л (276); ё) назвы асоб, якія ажыццяўляюць дзяржаўнае кіраванне: **король, господарь, воевода, староста, оуряднікъ:** кторо^г служебніка нихто не стави^т ко^нко староста не² суди^т (34); потребно есть абы wднакій колі^ж wдhi^гдрь вси^х есть тогды wдhi^а маніта маеть быти (346); мы казими^р коро^г по^лскы^и (96); w памяtnо^м ко^нко грошей маеть оурядніци су^и коморники w жалоб^и малы^х (43); ж) назвы, якія характарызуюць маёмасны стан або грамадскае становішча асобы: **велікость, малость, оубожество:** проигравши пріход^л оу спа^и а любо во оубожество (276) судья се^тть не по^длугъ порсуны а по^длугъ велікости а любо малости (13); з) назвы з'яў і падзей грамадскага жыцця: **свада 'сварка, разлад':** жалова^т ди^к на фі^лка и^х у е^т дому увечер^ж стало свада (27); і) назвы прадстаўнікоў адміністрацыйна-кіраунічага апарату: **порсунा 'асоба':** судья се^тть не по^длугъ порсуны а по^длугъ велікости а любо малости (13).

Лексіка, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных, інтелектуальных адносінах, уключае ў сябе назвы: а) частак цела чалавека, яго ўнутраных органаў: кровь, хребтіна, рука, сердце, чело, очи: але не становіть то напіши на чел^к кровию тою ти не дадімъ тоно крофо (5б); боязнь в кривду имееть су^о каково² имети в руце а ба пре^д очима (33б); рана буд^кть ему хребтін^к (36б); рану очини^m до крови (29б); изъ ср^oца зъ гневліваго зб^кгаеть (11); имееть самъ своею рукою йтрыслачь (18б); б) фізічных якасцей чалавека, хвароб, недамаганняў: хромота, молодость, сіла, смерть, крикъ, плачъ, слово, бытность, бытленіе, субстантываваны прыметнік сильны: о томъ хто кому ла-еть до смрти (7б); матей...не веда^т тое ему хромоты (24б); whna крикомъ и плачомъ осве^mчи свое оусилованіе (36); не оупомина^sчи ни юдны^m словомъ в тое гороженіе (21); для его добро² бытленія имеется^л своею рукою йтрыслажно чистіть (26б); немоць 'хвароба': а проволоче^m ли с^л тая немоць третіа правая тогды може^m третью ^ложіть (39б); в) псіхічных якасцей чалавека: клопотъ, воля, разумъ, размышление, спачь, оуломокъ, боязнь, гневъ, зависть, ласка, злость, кривда, лакомство, оудрученіе, помъста, соромота, соромъ, доспехъ, смелость, честь, милость: имъ гневъ нашъ йтуте^н (28б); имееть ou за все ис-кать ласкы нашее (38б); не йбаючи а свое лакомство пон^л (11б); whni того месца не смотряжть не деръжса сорому (10б); о д^кткхъ хто^ж не маєтъ ле^m разу-му своего (8); в ты^x которыⁱ на^гле позо⁶ размышление есть имаетъ вси^x цно^m (14б); которы[^] буде^m бе^z вины а су^ои в далекы^x старона^x имее^m ли йтлове^d (16); коли^ж жідо⁶скій оумысьль и злость и^x е^c (39); г) пачуцця^й, эмакцыянальнага стану, уласцівасцей характару, паводзін: цинота: w ты^x которыⁱ ``нагле по^зо⁶ размыш-ление есть имаетъ вси^x цно^m (14б), измена: ачъ по^длугъ часовъ разны^x вбыча^й и учы^кы члвчи измены (9б), сумнение, зазрастъ 'зайдзрасць': суд не ѿять гневъ и м^ксца имеетъ ани зазрастъ помъсты (33б), мъста 'помста': не борониль петръ своего живота але мъстж учиниль (19); д) разумовых здольнасцей чалавека, мысленне, маўленне: речь, разумъ, размова: о д^кткхъ которыⁱ ете не емлю^m ле^m разуму (7), не имаючи на нихъ жалобы ниждное ани вины разъмови (15б); е) назвы людзей у залежнасці ад полу, узросту, ступені сваяцтва і іншых якасцей: мальжонка 'жонка': О удова^x и w мальжонка^x имже поспо⁶но записаніе не за-лежіть (8), мужсатка 'замужняя жанчына': оуставляемъ мужсомъ запи^c ро^чный а оудовамъ за шесть л^к^и а мужса^mкомъ за д^ксамъ л^к^и (33), суседъ: ачъ слуга...-суседу пана своего ткоду... очини^m (30), глава: мужсеве е^c глава а жоны и^m по^дданы (33), предокъ: въ книга^x праведны^x наши^x пре^дковъ нашихъ пісано (40).

Ваенная лексіка прадстаўлена родавай назвай ваенных дзеянняў война, вал'ка 'бой, барацьба': w земліне^x к ва^це явной имаю^m быти готовы (34б), відавой назвай зброй бронь 'зброя': хто пріб^кжи^m на чюжій домъ в брон^к а оуранамъ того (19) і родавымі мечъ, кордъ 'кароткі меч':..г. члонокъ коли пре^д нашимъ с^лдов^u...кордъ вышметь (17б); назвай ваеннаабавязаных, выражанай састаўной назвай людъ доспешныі: о земліне^x которыи на воину идуть(7б); пришо^d Фа^кко и оузаль ему ме^u (26б); ou доспешно^m люду честь королевская и обронение всеи земли залежість (34б). Да гэтай групы належаць таксама назва ваенных рэгалій: хоруговъ, назва дыспазыцыі месце і назва вайсковой павіннасці служба.

Юрыдычная лексіка прадстаўлена а) назвамі асоб, адказных за адпраўленне правасуддзя ў дзяржаве: служебнікъ, коморникъ, речнікъ, намеснікъ, пісарь, судя, судді, подсудокъ, субстантываваным прыметнікам старшій: коморникъ су^ои и по^дсудокъ^m (43); whna иметъ свою ре^оу здати ре^нікж (12); юди^m клю^u има-еть иметі судья...а третіі земельны пісарь (42б); которы[^] су^оя а любо кото-ры[^] старшіі а любо и^x намеснікъ...позовы на не² чин^л (15б); б) назвамі, якія

абазначаюць агульныя і прыватныя паняці судаправядзення: ^кладъ (рочный), судилство, ўборона, правда, исправдливость, порука, приступъ, кламта, прислѣга, рѣдъ, право, законъ, свидечество 'сведчанне, доказ': хочемъ...жебы судья свиде^чство и^х пріна^л(20), възнанье 'паказані': мы слышавши юндреево възнанье...знаемъ иже въ дворце не имаетъ быти жа^дная рана (31); имаетъ во ѿборону оу нашу оугонить (37б); не хоче^т им^ѣ такы^х ўкла^довъ ро^ны^х ѿ нашихъ по^дданы^х (39б); в цезанію наши^х оубогы^х штобы имъ право было(11); има-е^т быти приступъ к суду (13); штобы правда не была оутіснена (20); сам працэс адпраўлення правасуддзя абазначаецца словам судъ: осуженъ судъ исправедліве (23); в) назвамі дзеяння, якія з'явіліся прычынай судовага разбіральніцтва: потварь 'паклѣп', мужебоиство 'забойства': некоторы^х людзі лю^д потварью іншы^х людей в мужебоиство ѿбъмо^{вля}(33), квалътъ 'беззаконне, гвалт; штраф': бгаты^х в то^м квалътъ имеется^т очистити светкы (30), ткода 'патрава': а чія ткода тому.e.i. (гравенъ) (30), оуразъ 'крыгуда': то^м которыи све^ткы веде^т бе^з оуразу жалобы своея (19б), враженіе 'удар': фа^{ко} позна^л иже свечи погаси^л а враженія запре^т хто бы е^г оурази^л (27), разбои: коли...которыи ішл^жтній члвкъ не будеть...шжалова^л в злодейство а любо в разбои (26б); споры, проступка, сваръ (свара), непослушенство, спасть, пожогъ, пожаръ: в граница^х частая спора межі нашімі по^дданымі бывала (10б); имеетъ ему платити віну...за не-послуше^нство (27б); ѿправиль жалобу безъ клопоту и безъ свару (13); злодѣйство, рукоімъство, долгъ, голова, рана, очинокъ: мы скажемъ оу томъ члонъку голова материна заплатіть (24б), вынамъши злодейскы^х долгъ (11); г) назвамі злачынца. юрыдычных службовых асоб, а таксама іншых удзельнікаў судовага працэсу: старона, должникъ, злодей, бѣглецъ, виноватый, сильникъ, усільнікъ: юдна старона становіть а другы^х не будеть (13б); о бѣглеце^х што разбои чінѧть (7); бжде^т ли виноваты^х позва^л(18); заказца, сутлца, светокъ, поводъ; поручникъ 'паручнік, паручыщель; той, хто бярэ на паруки': поручнік стоячи на правѣ^к рекль же матей заплатіль міколаеві пенезы (31б), подводца 'падбухторшчык на злачынную справу': проступка по^вод^ча жалобу стратіть (6б), пожегъца (пожъгъца) 'падпалъщчык': пожегъци имаютъ злую смртію гинуть (25б), ткодынікъ: ткодыникові кому затъко^лль имеетъ досьть очини^м (36б), сутлжеси 'супрацьлеглы бок у судовым працэсе; той, хто вядзе цяжбу': колі супоръ ре^т а любо сутлжеси не ты^м ты^х вепрі побіты гд^ж тое знамя e^с (37б-38), разбоинікъ 'разбойнік': частокро^м...из наши^х земля^х не ўбываю^т сво-ей чи чинѧтсѧ разбоиніци (28), подкоморей 'галоўны межавы суддзя': по^дкоморей наш...имееть пріпустіть ко^д светченію который же лѣпша знамена ѿкажеть (42), шправъца 'судовы выканаўца': буръкроп^л и шправъца...абы того межі собою не делали (11); д) назвамі спагнання, призначаных у ходзе судовага разбіральніцтва, мер і способаў пакарання: казнь 'пакаранне смерцю': ^куль изыскъ а любо прыбытокъ пріходъ^т ўтуле те^ж и казнь имеетъ быти (29б); пересудъ, віна, записное, постовтина, закладъ, паметное: то^мко юдно паметное имеетъ быти положено (43б); віна се^тдес^л у скарбъ короле^вскій иде^т (6); нікар земльскы^х ко^дко мае^т бра^т в записное (43б); назвамі вынікаў судовага працэсу: вымолва: віна не ўмае^т себе вымо^вы (15б); е) назвамі судовых дакументаў іх частак: позовъ, листъ позовный 'выклік у суд; судовая павестка': поведать...для^т которое вины то^т позовъ да^л(14), члонь (члонокъ): о четыри члонъкы первыи члонъ в пожозе (17б).

Канцылярская лексіка прадстаўлена назвамі дакументаў, а таксама час-так пісьмовых дакументаў: прівілье 'ўрадавы ўказ, прывілея': а о^т поводъ ре^т и^х не веда^л оу него тога прівілья (26), листъ 'афіцыйная папера, дакумент': има-ть листъ позовный подастъ (14), грамота рыцери вельможныи чере^с грамо-

ты выимуючи бы (156), *раистръ* 'рэестр': *раистръ кни^г п^рывы^х п^равы^х к^рола* казимера в оуставленіі пра^г (56); састаўнымі навамі *кніги земльскы, кніги пра-вы*: имають быті въ прошенню книги земльскы (42б), а таксама лексемамі *спісокъ, справа, твердость, съпоръ, крепость, збор, жалоба, бытность, оумолва, ^молва*: кто йме^т твердості наши а любо наши^х пре^дковъ (15б); паней и панень бытность д^ля крепости и^х вынеты суть ў збора лю^дска² и музъского (12); тыи д^лжкы маю^т свое оузд^ж не ѿбаючи на ѿмо^ву мужа своего (41б); иже такый кро^мкый запісань бе^з оумо^вы не быль д^лжсанъ (41б); судья...имееть по-сла^м заказцю своего съ ее съпоромъ до ее дому (12); да гэтай жа группы адносяцца назвы прадметаў канцылярскага ўжытку: печати: снь при жывотѣ ўща свого не ймаеть оцевы печати пожсіваті (5б) – і назвы канцылярскіх дзеянняў: запісъ: а по дву годзе^х оуже им дале `` не^т ліхвы жадное и ни записомъ имею^т помінаю^т (28б).

Сацыяльна-еканамічная лексіка ўключае: а) назвы маёмасных уладанняў і іх частак: жывотъ, близкость, оучастокъ, имѣніе 'уладанне': а буд^е Ѹли име-ніе малое...тогда имеет розд^л (35б); не борониль петръ своего жывота але мъст^ж оучинилъ (19); по ты^х тре^х л^дл^ж близкость хотель бы выкупить (34б); с німі оучасток^х имають (28б), у тым ліку і маёмасці, якая дасталася на правах спадчыны або пры раздзеле: *очина, ѿчыство, дѣлница, ѿчизна: дѣлеть очина* всей спо^нна прыйд^л (31б); в каплане которы^ж добре держіць ѿчыство сво^е (5б); *хто сѧ пріповеда^л къ его ѿчизне* (16) – і назва працэсу падзелу маёмасці – розд^л Ѹль: имее^т розд^л во оочинѣ кожной д^лвіце д^лвіница (35б). Агульнай назвай пасагу службыць слова *вѣно:* колі которая панна заму^ж поід^еть *вѣно пѣнезыное* оу готовізне што^ж буд^еть дано (31); назвы, што характарызуюць маёмасныя правы і адносіны, а таксама асоб, якія ўступаюць у такія адносіны: материзна 'маячына-рынская спадчына': д^лжеть очина всей спо^нна прыйд^л и дру^м оуд^л все іменіе материзыны (31б), *влодаръ(владарь)* 'уладальнік', *дѣди^чство* 'спадчына': а естьлі жъ заме^шкае^т...тогда тое д^лдичество изгінжало (21), *дѣдина:* заставляють намесники во ѿччине своеи а любо оу д^лді^ч (16), *дѣдичи:* є^хчи а любо д^лдичи езъда^м по чюжеи земли по служъбамъ (16); асоба, якая мела права на спадчынную маёмасць, абазначаецца словам *ѡчичъ:* ѿчичъ сѧ изостане^т при ѿчінѣ (42); асоба, якая распараджаецца маёмасцю непаўналетніх, абазначаецца словамі *шпекальникъ, шпекателникъ, пекалникъ:* шпека^нникъ не можетъ д^лдичество прода^т (35); б) назвы працэсу куплі-продажу тавару: торгъ, торговля: то^т францікъ искалъ какъ бы торгъ швал^ж (22); те^ж прото и торговли были не габалі того што купіль (42). Адзінкавымі прыкладамі прадстаўлены назвы асоб, якія ўдзельнічаюць у працэсе куплі-продажу: продавецъ, назвы вы-нікаў працэсу куплі-продажу: прибытокъ: о продавцы іменія (9), є^хкуль изыскъ а любо прибытокъ пріход^жть (29б); в) назвы гаспадарчых работ, у тым ліку пры-мусовых: сторожа, наймъ, нетство: кто из найму до л^дсу угоні^т вепр^л (9); хто имаеть ста^{до} конная...имаеть по^д стороже паствіть (37б); такіи непослушнікі имаеть быти в руце своему сътажъцу и в настьво (11); г) назвы грашовых адзінак: *пенезъ, гривъна, полугривна:* субъямъ горо^дны^т по полугривны (30б); котрый же торговли а любо пенезъ позна (6б); име^т ем^ж платіти...е^жли и^х рыцеръскій члвкъ ино гро^ши гривъна (29б); назвы плацяжоў, падаткаў, пошлін: *чиншъ* 'арэндная плата, чыншъ': ни с чого ли^чбы не д^овать ему юдно с чинши (35б), *пена* 'пеня': колі на котрой^х субъи ѿбуть имаеть оутечь до субъи (33б); агульныя і канкрэтныя назвы грашовых адзінак: *вѣрудунокъ* 'чвэрць грыўны': колі ему нехто нагани^т имаеть положжи^т три вѣрудунъкы (34), *мани-та* 'манета': юд^на манита маеть быти (34б), *гро^ш* 'манета рознай вартасці, сярэбаная або медная': за юдну жалобу запісан^ж венъци нетъ юдинъ гро^ш (43б),

скотъ, скотецъ 'старожитная польская манета, роўная двум грошам': **мартинь**...**оупустілъ мошыну а в неи три скончи** (32), **готовизна** 'наяўныя гроши': **вѣно** **нѣзьное оу готовизне што**^ж буде^{ть} дано (31б); **словы, звязаныя з фінансавымі разлікамі і аперациямі: шиецование** 'ацэныванне': по^длугъ дши чіи есть жеребецъ и его шиецованью имѣ^т ему плати^м (366-37), **позычье(позыченіе)** 'пазыка': буде^т ли жалоба очи на очи в пенези о позычье а любо в некоторо^х речи записаны (176-18); **словы, што хараکтарызуюць арганізацыю камерцыйнага працэсу: таваръ** 'тавар': о братстве местьско^м и в таварехъ и^х што ста-роста имает уставить тамъ (9б); д) **назвы выдаткаў ад якой-небудзь дзея-насці: накладь, недостатокъ**: а тако^ж ў обою стороны бывають не^{до}стак^ы велікій(28); частая спора бывала в границахъ а з' то^у бывалі велікій наклады и тъкоды и клопоты (10б); е) **назвы аб'яднання асоб на прафесійнай аснове брать-ство: о братстве местьско^м и в таварехъ и^х (9б); назыву працэсу палявання ловъ: о лову заечьемъ (9б); ё) **назвы гаспадарчых прадпрыемстваў, асоб па пра-фесії, спецыяльнасці, роду заняткаў: мълнны** 'млын': в братіі што единъ мълнны имаю^м (23), **млынаръ** 'мукамол, млынар': три братенікы держалі ўдно^г млынар^а (23), **костаръ** 'ігрок у косці': абы землжнинъ на^ш не игра^л изъ жадны^м такы^м чюжоземъцо^м косто^к а любо костаремъ (27б), **игрецъ** 'ігрок': о игреце^х косто^н ка^к имъ заповедаю^м (27б).**

Прыродазнаўчая лексіка прадстаўлена: а) **назвамі прыродных з'яў: угонь:** за гашенію угню в раненію члвка (27); б) **назвамі раслін (і іх частак) і пасеваў:** **яровое, д'рево, итепа, вѣть, гай, дубъ, дуброва, садъ, озимое, пшеница, лѣсь,** **жалудь, жалудие, збложе, жісто, боръ, древо, швоть, насеене** 'насенне, тое, чым сеюць': колі хто прічинаю... с древа спаде^{ть} (24), **устанавлемъ и^х за ка^ж-ное дерево швоть имаючи...заплати^м ткоду** (37); ачы хто чюжую ро^ю...сесть своею насеене истрати^м а вину заплати^м.ei. (30); колі толькі вѣ^к **аруби^м** ино четыри скончи маеть платить а на дубровѣ^к за дубъ два скончи (37); **пнсеемъ озимую й ярово^м й воздастъ па^у своему**(39); **который находи^м у чюжий лѣ^к или гай или в боръ** (37); г) **назвамі дзікіх жывёл: вепръ, куница, ласица, лисица:** што из найму до лесу вепр^кгони^м (38); **а старосте...б'скому ласицами су^ои крако^вс-**куму...куницами по^дсудъкомъ лісицами (30б); д) **назвамі свойскіх жывёл:** **жіво-тіна, стадо, свинья, субака, песь, швіца, конъ, жеребецъ, жереблъ, воль, тре-мякъ, четвертокъ, п'ятокъ:** маеть взялі любо вола а любо коня(37); а тре^мяка и четвертока й п'ятока хто забъетъ ино по^длугъ дши чіи есть жеребецъ й его шиецованью имѣ^т ему плати^м (366); е) **назвамі рыб і насякомых: рыба, боч-ла:** з влостное бчолы ме^т несь до своего дома (19); **во^{шо} имъ рыба ловить** (10б); ё) **назвамі прыродных вадаёмаў і прылеглых да іх тэрыторый: река, берегъ, езеро** 'возера': а тако^ж хочемъ в езере^х (10б), а тако^ж бере^г рекы(10б).

Бытавая лексіка ўключае: а) **назвы жыллёвых і гаспадарчых будынкаў, пры-леглых да іх тэрыторый і падыходаў да іх:** **врота** 'вароты': служебникъ имею^м каж^ого кмета^л до врот^м посохом^м дотыкнутися и вала^м (14); **дворецъ, дворъ, домъ,** **гумно, шгородъ, шбора, плотъ:** о пожыցо^х домовъ о любо гумна (7); **назаут-рее иметь гна^м да шборы городскее** (25б); **Індрей** вызналь а рекль оу дворце с^л стало (31); **дорога, оулица:** гдѣ^к на оулицы петръ яна гониль и раниль (19); **в разбои доброволное дорогы** (43б); б) **назвы пасяўных площацай, сенажацяй і спо-сабаў іх размежавання:** **роля, сеножасть, шгородженье, копецъ, поле, граніца, знамя:** што коли сеель оу томъ шгороджены то все бра^л (21); **первешиі бере^г граница** (10б); **не ты^м ты** ``вепри побіты, гдѣ^к тое знамя e^с (38); ачы хто чю-жую ро^ю wre^м (30); буде^т ли паства велікая оу то^м лѣ^к чере^с который ле^с маеть гна^м оу свои лѣ^к (38); в) **назвы прадуктаў харчавання і корму:** **сено, м'ядъ,** **кормъ:** хто кому возме^м во^з сена (30); хто буде^т жаловань в злодѣйстве бчоль

а любо *m⁴du* (66); *wdno* конемь *ou* ровності кормъ (28); г) назвы гаспадарчых і хатніх прадметаў, а таксама спосабаў гаспадарання: возъ, бортъ, сокира, посохъ, палка, ключъ, свеча, тобола, моина, ложе, запустъ: *хто кому возме^m во^z сена ква^tтомъ* (30); *w кмет⁴ которы^ж держать борти в запусте* (9б); *служебникъ имее^m какж^oго кмета до вро^m посоху^m дотъкнутсѧ* (14); *петръ жалова^u на яна и^ж ему четыри па^uци оута^uль *ou* ру^k* (23); *марти^u Щноведа^u же лавринъ не бы^u чистого ложа ани сълюбное жоны* (24б); назву прадмета кухоннага ўжытку: келіхъ 'кубак, чаша': *оуставл^uлемы бы келіхъ очиненъ за по^uторы гривны къ цркви* *гд⁴ пріб⁴ ўса^u* (23б); д) назвы спосабаў правядзення вольнага часу, а таксама прадметаў, якія пры гэтым выкарыстоўваюцца: игра, костка, крото-філ^uя 'жарт, забава': *а игръ т⁴ позычаемъ для крото-філя* (30б), *збытокъ* 'свавольства': *а да костела оутекутъ не имаютъ збытъку* (25б); *приказуемъ абы землянинъ на^u не игра^u...костокъ* (27б); е) назвы адзення, тканін, шкур і вырабаў з іх: калита 'кашалёк': *Мартинъ жалова^u на Микулу и^ж ему вын^uж ис калиты шсмъ копъ гро^uши* (31б); *wdежса, сукно, лупежъ*: *о служебнику^ж што йму за зубіто^u члвка wdежсу дра⁷* (7); *коли^ж который метанінъ а любо сукна...бе^z запіс^uж повери^m* (18б); *коли ему нехто нагані^m имеетъ положи^m...лупежъ лісичий* (34); назвы прадметаў туалету: ма^uтель 'плашч', *сукня* 'сукенка': *а въдругое застан^uж любо ма^uтель а любо сукню* (37).

Лексіка, звязаная з лічэннем і вымярэннем, выражана: а) назвамі бытавога і календарнага вылічэння часу: в'ѣкъ, день, дніна, полуценъ, вѣдъ, лето, месецъ, годъ, ночь, недѣля, часъ, давность, початокъ, конецъ, корень, рокъ 'год, час': *колі вышио^u тотъ ро^k тогды нали его нагабать w граница^x* (42); *коли^ж ты ``три лѣта* *и трі м⁴ца* *мо^uча^u* тогды имее^m на векы в'ѣчны мольча^m (35); *су^u израна а любо до вѣда а любо да полуудни имаетъ быти сужень* (6); *а чере^c но^u буде^m ou себе хова^m* (25б); *хто кого раніть зь его поча^mку* (6б); *о шлажотный ворожай име^m пово^d имети Щкоренѧ* (18б); б) назвамі, якія выкарыстоўваліся для абазначэння колькасці, аб'ёму, плошчы: корецъ, лакотъ, стогъ, копа, собіна, лічба: то^m поводъ ре^u...иметь ему в'ѣрнуть тую копу (26); *Фра^uци^u позычи^u юрьеви два^uце^m корцовъ пшеници* (22); *иметь...спаствіть на три^uца^m лако^m wбано^u дорогы* (38); *т⁴сто^u жита а любо пшеници хто уденъ возме^m* (30); *о суды ко^uко лічбы гро^uши има^m быти взято^u (6б); найграеть на себѣ некоторую собіну пенезей* (27); в) назвамі частак ад якой-небудзь колькасці: шстатокъ, поль, половіна, частъ: а хто бортное древо зрубить бе^z бчо^u то по^u гривны заплатіть а судови другю поль гривны (37-37б); *кто прода^u Ѹдичество а половіну заплаты возме^m (6б); ему прийдеть две часті за раны а третяя частъ сжду* (29).

Канфесійная лексіка прадстаўлена назвамі асоб па адносінах да рэлігii, прадстаўнікоў царкоўнага кіраўніцтва: жасакъ 'каталіцкі царкоўны прыслужнік', капланъ 'каталіцкі свяшчэннік': *О жасаку а любо о каплане которы^ж добра держіть шыство сво^e* (5б), бискупъ 'каталіцкі епіскап': *бискупъ краковъскыи а староста крако^uскыи...могу дати преміре* (9), прелатъ: *з ра^uю прелатовъ наши^x* (39б), християнинъ, християнъство: *колі християни^u а любо жідовінь молчаль три лѣта* (35), а таксама назвамі царкоўных будынкаў: костель 'каталіцкая царква': *а да костела оутекутъ не имаютъ збытъку* (25б), церковъ 'царква': *к однои цркви приб⁴гають то^m которы^ж его wбади^u* (32б) – і словамі з агульной канфесійнай тэматыкай: богъ, духовныі, светскыи (у значэнні назоўніка), душа, вера, дивъ, хвала: прото^ж бгу ку хвале и его пречтой мтры (10); *жідове што есть непріятелев Ѹверы христіянськое* (28б); *иже дхвныі и све^mскыи іменія держать* (10).

Такім чынам, асноўнае месца ў лексічнай сістэме помніка займае юрыдычна-канцылярская лексіка, што абумоўлена яго юрыдычным зместам. Дадзеную

тэматычную группу складаюць пераважна тыя лексічныя адзінкі, значэнне якіх у кантэксце тэрміналагізуецца. Акрамя слоў з дэнататыўным значэннем, у якасці тэрмінаў шырока выступае дзеяслоўная лексіка, сярод якой асаблівай прадуктыўнасцю вылучаюцца дзеясловы руху, маўлення, гаварэння. Шматпланавасцю юрыдычных артыкулаў Вісліцкага статута абумоўлена шырокае выкарыстанне ў ім грамадска-палітычнай, сацыяльна-эканамічнай, бытавой лексікі і лексікі, якая характарызуе чалавека ў фізічных, псіхічных і інтэлектуальных адносінах. Нешматлікая ў тэксце дакумента толькі ваенная і рэлігійная лексіка. Пераважная большасць лексічных адзінак на любым тэматычным узроўні характарызуецца ўстойлівасцю лексічнага значэння і монасемантычнасцю, адсутнасцю экспрэсіі.

1. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

Поступила в редакцию 21.01.2002.

The appellative lexicon of the Vislitsky statute, one of the largest monuments of the Belarussian writing of the XV century is analyzed in the article. Main attention is given to the thematic differentiation of lexicon with value of the concreteness used in the statute.

Зіманскі Вадзім Элдаравіч, старшы выкладчык кафедры беларускай мовы Віцебскага дзяржаўнага універсітета імя П.М.Машэрава.

УДК 820 + 316.346.2

И.В. Сорокина

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ (на материале англоязычной литературы)

Сфера применения методик гендерных исследований, впервые возникших в русле общественных наук, постоянно расширяется. В настоящее время речь идет уже о возможности осуществления гендерного анализа художественных текстов в литературоведении. Неразработанность данного направления научных исследований в филологии побудила автора статьи сосредоточить свои усилия на поиске решения поставленных задач на «пограничной территории», где пересекаются интересы таких дисциплин, как философия, социология, история, культурология, литературоведение.

Результатом научного поиска явилась предложенная в работе классификация художественных текстов, базирующаяся в первую очередь на социологическом понимании категории гендера. Рассмотренные сквозь призму данного понятия, произведения авторов мужского и женского пола оказываются способами презентации структур власти и контроля, присущих исторически сложившемуся социальному устройству.

Логика развития научных исследований и особенности парадигмы современного научного знания приводят к необходимости создания теории гендерного анализа художественного текста. В целом гендерный анализ в литературоведении – это выявление и изучение с помощью специальных филологических методик гендерных взаимоотношений персонажей в мире моделируемого художественного пространства, отражающего особенности реальных социальных отношений. Гендерный анализ художественного текста предполагает гендерную чувствительность исследователя по отношению к структурам власти и контроля, а также способам подчинения женщин, которые с неизбежностью репрезентируются художественным текстом как знаковым образованием, референтная область или означаемое которого находится в нескольких измерениях действительности: экономическом, политическом, идеологическом, социальном, культурном.

Необходимость новой интерпретации текстов вызвана активным возвращением в настоящее время в художественную литературу и культуру в целом женских текстов, практически неисследованных традиционной герменевтикой. Творческое молчание женщин долгое время представлялось естественным, поэтому прежний филологический анализ был гендерно-нечувствительным, а фактически опирался на андроцентристские нормы.

Гендерная миопия и предвзятость привели к тому, что универсальным долгое время считалось то, что на самом деле являлось неполным, частичным, исключающим подлинное существование женщин из сферы интересов литературы. Активно навязывались гендерные стереотипы в искусстве, и литература оказывалась средством укоренения и поддержания гендерного неравенства.

В настоящее время теория феминизма заявила о самоценности женской субкультуры (включая литературу), подняла вопрос о необходимости обращения к опыту женщин как возможности восстановления исторической справедливости и шансу дать более адекватное описание природы человека как родового существа. Не секрет, что кризис современного человека – это кризис мужского начала [1, с. 442].

Новая гендерная герменевтика предполагает холистическое восприятие мира, возвращение к феминной душе и воссоединение человека, уставшего от рационализма, с природой. А это, в свою очередь, порождает потребность в использовании понятийно-категориального аппарата феминистской эпистемологии в литературоведческом анализе. Первый этап гендерного анализа в области литературоведения заключается в определении типа анализируемого текста с позиции категории гендера.

В рамках названного анализа все художественные тексты распадаются на две группы и определяются как гендерно-нейтральные и гендерно-маркованные*. Под гендерно-нейтральными текстами мы понимаем произведения, авторы которых не фокусируют со специальной целью свое внимание на гендерных отношениях и гендерной специфике. Проблема взаимоотношения полов оказывается подчиненной другой проблематике и интенциональности. Конечно, следует сделать оговорку относительно того, что в действительности полная гендерная отстраненность практически невозможна, поэтому предложенное выше определение в некотором роде условно.

Гендерно-маркованные тексты отражают сознательную идеологическую позицию их авторов и воплощают авторскую точку зрения на характер взаимоотношений полов в частной и общественной сферах. Их, в свою очередь, можно разделить на ряд подгрупп:

- 1 – традиционалистские;
- 2 – промаскулинные;
- 3 – антифеминные;
- 4 – антитрадиционалистские;
- 5 – антимаскулинные;
- 6 – профеминные;
- 7 – реляционно-эгалитарные.

* При разработке данной типологии текстов мы руководствовались, в частности, социологическим методом, применяемым при анализе ситуаций гендерных различий и неравенства. Настоящий метод использует матрицу понятий, описывающих четыре основных подхода к анализу социальных явлений с позиции категории гендера: гендерно-чувствительный, гендерно-нейтральный, гендерно-стереотипизированный, гендерно-нечувствительный. Данный подход используется в работе Р. Смэдс [2, с. 26].

Одно произведение порой может демонстрировать несколько подходов.

Традиционалистские тексты, порожденные патриархальным дискурсом и запечатлевшие патриархальную картину мира, рассматривают существующие гендерные стереотипы как норму и незыблемое положение вещей. Каждый пол наделяется предписываемыми ему традицией качествами и характеристиками, которые имеют диахотомический характер, т.е. являются сторонами бинарных оппозиций типа «культура – природа», «кум – красота», «рациональное – эмоциональное» и т.д. Женское как неполнценное и ущербное в этой маскулинной парадигме часто распадается на полярные качества, и женщина предстает то в обличии ведьмы и шлюхи, то в образе Мадонны и святой (творчество Ч.Диккенса).

Следует признать, что многие женщины-писательницы также находились и продолжают находиться в плена традиционалистских представлений, отражая в своих произведениях патриархальную точку зрения на взаимоотношения полов. К этой когорте следует, прежде всего, причислить представительниц масовой женской литературы, являющейся по сути антифеминной. Авторы женских любовных романов утверждают, что любовь – единственная значимая ценность для женщин, тем самым поддерживая традиционный взгляд на место женщины исключительно в сфере частных интересов.

Промаскулинистические тексты, с одной стороны, воспевают мужественность и маскулинистические качества как единственно достойные, как вечные ценности, затмевающие несущественное женское. Апофеозом маскулинистики являются некоторые произведения Д.Лондона, Э.Хемингуэя, Н.Мейлера, прославляющие «крутых парней», а также произведения писателей военной тематики. С другой стороны, существует и такое неоднозначное понятие, как гей-дискурс, которое требует специального изучения.

Антифеминные тексты представляют собой преимущественно мужской дискурс доминирования и контроля, подчеркивающий разделение человека по половому признаку. Такие тексты прославляют вытекающее из такого разделения гендерное неравенство как естественное состояние человечества. Антифеминные тексты проникнуты мизогинизмом и сексизмом, воплощаются мужские страхи и предрассудки, связанные с непониманием их авторами женского как Другого. Следует признать, что антифеминной направленностью проникнуты некоторые пьесы великого У.Шекспира: «Укрощение строптивой», «Гамлет», «Макбет» и ряд других. Укрощение строптивой женщины рассматривается как ее возврат из положения отклонения от нормы в исходное подчиненное состояние.

Спецификой антитрадиционалистских текстов может считаться их направленность на разрушение традиционных стереотипов обыденного сознания, формируемого системой патриархата (произведения К. Шопен).

Антимаскулинистические тексты являются собой радикальную реакцию пишущих женщин на ситуацию угнетения по половому признаку, которое имеет место во всех сферах жизни общества и может быть сопоставлено с классовым угнетением. Антимаскулинистическая тональность прослеживается в некоторых частях произведений современных представительниц многокультурного (этнического) феминизма в США, таких как Элис Уоркер (изображение черных мужчин), Максин Хонг Кингстон (создание образа женщины-воина, легендарной и воинственной ведьмы-азиатки). Известно, что мир женской литературы предлагает два основных решения проблемы гендерного неравенства. Традиционный ответ принимает существующее подчиненное положение женщин (традиционистские тексты). Новый ответ призывает восстановить статус женского в культуре, выражает протест против существующего положения вещей и одновременно желание изменить его к лучшему (профеминные, антимаскулинистические, антитради-

ционалистские реляционно-эгалитарные тексты). Во втором случае авторская точка зрения имеет феминистский ракурс или совпадает с каким-либо положением теории и методологии феминизма. Например, творчество нефеминистки Мэри Шелли имеет пафос, совпадающий с положениями экофеминизма в романе «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Следующую группу составляют тексты профеминной направленности. Ее представляют произведения писательниц, которые не поддерживают гендерные мифы общества. Авторы этой группы пишут о женщинах и для женщин, т.е. становятся на позицию сепаратизма. Очень часто это лесбийский, или бисексуальный, дискурс. Женская профеминная литература очень разнообразна и включает в себя как поэзию, так и большие и малые эпические формы: романы, рассказы, эссе, автобиографии, мемуары, дневниковые записи, письма, переводы. В ряде случаев поиск женщинами самих себя, своей идентичности приводит к гиноцентризму как логическому завершению радикальной позиции. Феминистские исследователи этой направленности в своей теории женского письма опираются на фукианскую концепцию языка тела (Э.Сиксу, Л.Иригарэй, Э.Шоултер, С.Губар, С.Гилберт). Язык тела у М.Фуко – это бессознательный уровень функционирования того или иного феномена реальности, это «видение» в дискурсе. Такое восприятие в его понимании заключает в себе не логическое объяснение реальности, а субъективный момент «воображаемого». Видение в дискурсе не поддается концептуальному осмысливанию и сопротивляется языку, т.е. является фактически недискурсивным [3, с. 21]. Под женским письмом понимается в первую очередь практика недискурсивного моделирования текста как способа телесного бытия, не подчиняющегося рационализму мужской логики. Женское письмо в патриархатной культуре – это маргинальная практика, возникающая в результате символического насилия над женским телом и женской сексуальностью в культуре. Фуко показывает, что на все естественные проявления женского тела прежней культурой был наложен запрет, и женское, таким образом, стало реализовываться через мечты, желания, фантазии, т.е. воображаемое.

Рассмотрим, как понимает специфику женского письма сторонница концепции М.Фуко Э.Сиксу. Используя метафорический язык, она утверждает, что женщина должна писать самое себя – женщину – своим телом. Это означает обращение к неограниченным возможностям бессознательного, в которое были загнаны репрессированные культурой женщины. По мнению Сиксу, женское письмо мягко: оно низвергает истины с хохотом, содержит в себе потенциал, разрушительный для традиционных устоев, лишено мужского расчетливого аналитизма. Женское письмо сравнивается с песней, музыкой любви, добротой матери и полетом птицы. Согласно взглядам исследовательницы, женщина пишет белыми чернилами, а ее текст – это тело, пронизанное насквозь потоками песни. Сиксу считает, что практика женского письма принципиально не может быть подвергнута жесткой классификации, так как не основана на автоматизме и философско-теоретической субординации. Женское письмо доступно лишь тем, кто способен находиться на периферии. Оно отмает синтаксис, изобретает свой собственный язык и свою речь (прилагательные, существительные, референты), обладает невыразимой интенсивностью и динамикой полета [4, с. 75, 77-78, 82-83].

Л.Иригарэй также говорит о множественности женского языка и женского воображаемого: «Женщина – расширяющаяся вселенная, пределы которой невозможно зафиксировать, и все же не хаотична» [5, с. 69].

Необходимо упомянуть и о том, что данные лингвистических исследований в области сопоставительного анализа особенностей мужской и женской речи также убедительно подтверждают факт их различия [6].

В целом, женский дискурс характеризуется категорией эмоциональной вовлеченности, настроем на восприятие метасмысла, на установление межличностных отношений на основе эмпатии.

И, наконец, рассмотрим последний тип гендерно-маркированных текстов, а именно, реляционно-эгалитарные тексты. Семантика этого термина указывает на присущую авторам подобных текстов установки на признание важности взаимодействия полов, на провозглашение равнотипности и диалектичности характеристик каждого пола. На идеи подлинного гендерного равенства основывается теория об инклюсивном (всеобъемлющем) андрогинном человеке как представителе homo sapiens. Героини романов таких писательниц, как Маргарэт Дрэбл, Эрика Джонг, Джейн Смайли, Джейн Гамильтон и многих других находятся в поиске самих себя, но их конечной целью является воссоединение с мужским началом уже на новых гуманистических принципах.

Конструктивная установка на гендерное партнерство и равноправное сотрудничество свойственна не только женским, но и многим мужским текстам в русле постмодернизма и постструктурализма. В качестве примера мужского эгалитарно-реляционного текста можно сослаться на роман современного американского писателя Д.Ирвинга «Мир по Гарпу».

1. Tarnas R. The Passion of Western Mind. – New York: Ballantine Book, 1991.
2. Smeds R. Sweeping Away the Dust of Tradition // Bringing Technology Home / Ed. by C. Cockburn, R. Furt. – Open University Press, 1994. – P. 24-30.
3. Жеребкина И.М. Фуко: политические технологии тела. История женского как история сексуальности // Преображение. – 1996. – №4. – С. 20 – 27.
4. Сиксу Э. Хохот Медузы: Пер. с англ. // Гендерные исследования. – 1999. – №3. – с. 71 –
5. Иригарэй Л. Пол, который не единичен: Пер с англ. // Гендерные исследования. – 1999. – №3. – С.64 – 70.
6. Lakoff R. Language and Women's Place // Language in Society. – 1973. – №2. – P. 45 – 79.

Поступила в редакцию 30.01.2002.

The article highlights the issue of gender analysis of belles-lettres texts in literary criticism. An attempt has been made to develop a new method for text analysis in philology based on a combination of interdisciplinary approaches to research drawn from philosophy, sociology, history, cultural studies, etc. The author has proposed and elaborated a gender-oriented text classification consisting of two main types and seven subtypes of men's and women's literary texts viewed from gender category perspective.

Сорокина Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, ГрГУ им. Я.Купалы.

УДК 811.161.1:81'36

А.В.Никитевич

К ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИОННЫХ СОЧЕТАНИЙ. ГЛАГОЛЫ В ДЕРИВАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности некоторых глаголов, способных выступать в деривационной функции.

Задача идентификации деривационных сочетаний [1;2], выявление их специфических черт и типов в составе номинативного класса «Глагол», кроме всего прочего, зависят от определения круга глаголов, способных выступить в деривационной функции. В частности, совершенно очевидно, что не во всех случаях и далеко не всегда можно с уверенностью провести четкую разграничительную линию между сочетаниями деривационными и недеривационными. Поэтому, с нашей точки зрения, заслуживают внимания не только факты «морфемизации

отдельных глагольных лексем» [3, с.118], но и, судя по всему, многочисленные и по-настоящему еще не исследованные случаи функционального ослабления полнозначности глагола (ср.: *ставить книгу на полку* и *ставить отметку*, *ставить клеймо*), его способности образовывать с именем более тесное единство, которое, возможно, и послужит толчком к появлению нового производного слова.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является сопоставительный анализ ряда глаголов, способных выступить в деривационной функции. Одно из ведущих мест в этом ряду занимает глагол *сделать*. Его фундаментальность, функциональную значимость трудно переоценить для развертывания аналитических структур, организации и структурирования деривационно-семантического класса *сделать что*. Во всех словарях широко отмечается не только парадигматика важнейших значений и их оттенков у глагола *сделать*, но также неограниченные синтагматические свойства данной единицы. И подобно тому, как глаголы можно классифицировать по их способности иметь «сильную» или «слабую» префиксальную парадигму (способность сочетаться с префиксами), возможна сравнительная характеристика ряда глаголов по их способности сочетаться с объектами в отношении к процессу словообразования. В этом отношении глагол *сделать* заслуживает особого внимания

Глагол *сделать* в деривационной функции

Как известно, глагол *сделать* в сочетании с существительным в винительном падеже обозначает совершение того, что названо этим существительным. Причем большинство относящихся сюда сочетаний являются в различной степени фразеологизированными. В деривационном аспекте нас интересует соотнесенность (или, напротив, несоотносительность) данных сочетаний с соответствующими словообразовательными структурами. Например: *сделать шаг – шагнуть, сделать поворот – повернуть, сделать посадку* (о самолете) – *посадить, сделать пересадку* (деревьев) – *пересадить, сделать остановку* (в пути) – *остановиться, сделать распоряжение – распорядиться; сделать знак – φ, сделать сюрприз – φ, сделать визит – φ, сделать карьеру – φ, сделать паузу – φ, сделать маникюр – φ*. Существуют, безусловно, различные типы сочетаний модели *сделать что*. Различия эти складываются, с одной стороны, в зависимости от значения самого глагола, и, с другой, – в зависимости от характера семантики присоединяемого имени. Хотя, безусловно, данные две составляющие определенным образом связаны друг с другом, определяют или мотивируют выбор каждой единицы. К примеру, в ряде сочетаний глагол *сделать* связан с выполнением работы *физической*, материальной. Имя в сочетании с глаголом *сделать* в этом, исходном значении, как правило, обозначает уже независимый результат деятельности. Ср.: *сделать скрипку, сделать чай, сделать комплексы (пельмени)*. В значении ‘изготовить что-либо’ или его оттенке ‘приготовить что-либо’ глагол *сделать* «создает» сочетания не деривационные, а свободные – лексически конкретизированные. Имеют ли подобные сочетания отношение к процессу деривации – вопрос непростой и до сих пор решавшийся отрицательно. Сочетания глаголов с предметными именами представляют собой соединение двух разных денотатов, а потому, как традиционно считается, не могут образовывать раздельнооформленную номинацию. Однако, как известно, специфика глагольного слова заключается в том, что его семантика пропозициональна, представляет собой в свернутом виде целую ситуацию, одним из актантов которой может явиться и объект – результат действия. И то, что на денотативном уровне видится как «две разные единицы» языковой сигнификации «представляется» как один целостный фрагмент деривационного простран-

ства данного глагола. Конкретный глагол в сочетании с конкретным именем может представлять собой реализацию одной «ситуатемы» [4, с.84]. Не случайно многим отыменным глаголам соответствуют сочетания с предметными именами, или (если на это посмотреть в плане динамики процесса словообразования) как объяснить, что многие сочетания глаголов с предметными именами послужили основой для процесса словообразовательного синтеза. Ср.: *гладить утюгом – утюжить, копать лопатой – лопатить, резать пилой – пилить* и т.п. Не различия на денотативном уровне, но единство сигнификации, означивания, «сила» деривационных связей играют решающую роль в организации номинативного пространства глагола. Даже в пределах одного значения глагола *сделать* – ‘изготовить что-либо’ – встречаются самые разные сочетания. Характер именной семантики в них можно представить в виде спектра, в котором порой сложно провести границу, отделяющую предметные имена от непредметных. Причем имена находятся на различном «расстоянии», в различной степени «удалены», если можно так охарактеризовать их положение на «денотативной оси», от глагола *сделать*, с которым сочетаются. И близость смысловых связей с глаголом, а также особенности деривационно родственного окружения самого имени порой приводят к корреляции данных сочетаний с соответствующими производными глаголами. Например: *сделать статью – φ, но сделать снимок – снять, сделать фотографию и сфотографировать – произвести фотографирование; сделать зарисовки – зарисовать, сделать наброски – нарисовать*. В последних двух примерах имена уже приближают статус сочетаний к деривационным. Отглагольный характер имени решающим образом определяет деривационный статус сочетания с глаголом *сделать*. Ср.: *сделать прическу – причесаться* (при всех смысловых несоответствиях между данными единицами). Но и непроизводные имена с денотативным статусом обязательной (или возможной) проекции в глагол также способны развернуть глагольное сочетание и «воплотиться» в соответствующем глаголе. Ср.: *кудри – кудрявить (завивать в кудри, делать кудри), закудрявить – сделать кудрявым*. Причем в ряде случаев имена образуют глаголы, но в других значениях, нежели модель *сделать что*. Например: *костюмировать* ‘одеть в театральный (или маскарадный) костюм’ и *сделать* (себе) (летний) *костюм; выюжить* ‘бушевать (о выюге)’, *дождить* ‘о наступлении дождливой погоды’ и *сделать выюгу (дождь)* (в спектакле). Обратим внимание также на тот факт, что глагол *костюмировать* репрезентирует значение в большей степени лексически конкретизированное (*одеть костюм*), нежели сочетание с глаголом *сделать*.

Сочетания с глаголом *сделать* в 3-м значении ‘устроить, организовать’, а также в 4-м значении ‘причинить что-либо’, несмотря на свой более отвлеченный характер редко коррелируют с производными глаголами. Ср.: *сделать перерыв – прерваться, но сделать привал – φ, сделать свадьбу – φ, сделать вечеринку – φ, сделать сцену – φ, сделать скандал – φ*. Хотя в последнем случае глагол имеется (*скандалить*), его значение (равно как и значение коррелятивных сочетаний) является «грамматическим оппонентом» сочетанию *сделать скандал*. Ср.: *устраивать (делать) скандалы – скандалить*. Если же посмотреть на префиксальную парадигму глагола *скандалить*, то она состоит всего из 4-х префиксов (за-, на-, о-, по-). Глагол с префиксом за- маркирует «начало действия» (*заскандалить – начать скандалить*), глагол с префиксом по- «представляет» ограничительный способ глагольного действия (*поскандалить – скандалить некоторое время*), и лишь глагол с префиксом на- в какой-то мере соответствует по семантике сочетанию *сделать скандал*, правда, в более приближенном к условиям коммуникации лексически конкретном варианте. Ср.:

наскандалить — учинить скандал. Глагол же с префиксом о-, как и его «возвратный оппонент» реализует значение, дискретная интерпретация которого не обнаруживает деривационного родства с именем *скандал*. Ср.: *оскандалить* ‘поставить в неловкое, неприятное положение’, *оскандалиться* ‘попасть в неловкое, неприятное положение’. Любопытно, что среди устойчивых сочетаний с именем *скандал* указаны также 4 единицы: *вызывать скандал, поднимать скандал, устраивать скандал, учинять скандал* [5, с.223]. Правда, они вряд ли коррелируют со всеми указанными значениями префиксальных производных. И здесь может быть заложена более широкая основа сопоставления значительных по объему деривационных фрагментов вербальных номинаций, включающих в себя не только производные префиксации, но и различные типы деривационных и недеривационных сочетаний [6, с.184-190].

Как уже было отмечено, сочетания с глаголом *сделать* в 4-м значении ‘причинить что-либо’ редко коррелируют с производными глаголами. Ср.: *сделать добро – ф, сделать неприятность – ф, сделать подлость – ф*. Хотя, безусловно, определяющим моментом в таких случаях является наличие деривационных связей у самого имени. Так, к последнему примеру (*сделать подлость*), вероятно, коммуникативное соответствие среди глаголов подобрать можно. Это глагол *сподличать*, который в словаре толкуется как ‘совершить подлый поступок, подлость’.

Практически отсутствуют глаголы как эквиваленты сочетаний с глаголом *сделать* в значении ‘поступить каким-либо образом’. Сочетания с наречиями в качестве присвязочного компонента редко конденсируются в цельнооформленную единицу. Ср.: *сделать так – ф, сделать глупо – ф, сделать быстро – ф*. Правда, есть исключения, и касаются они тех случаев, когда глаголы коррелируют с сочетаниями модели *вести себя (поступать как)*. Поэтому не следует забывать о возможных корреляциях типа *сглупить – сделать глупость, поступить глупо* и т.п. В этой связи заслуживает внимания 6-е значение глагола *сделать* ‘обратить, превратить кого-, что-либо в кого-, во что-нибудь’. Оно реализовано в таких сочетаниях, как, например: *сделать человеком, сделать бабой, сделать нищим, сделать похожим* на кого. Любопытны различные типы взаимодействия синтетизма и аналитизма, которые могут быть проиллюстрированы на некоторых из приведенных здесь и ниже примерах. Ср.: *сделать человеком – ф и очеловечить* ‘1.Наделить кого-, что-либо свойствами человека’, ‘2.Развить в ком-либо человеческое начало, сделать человечным, гуманным’; *сделать бабой – обабить, сделать нищим – ф, быть нищим – нищенствовать; сделать похожим – ф, быть похожим – ф*. Аналогична ситуация в оттенке значения ‘|| Определить, назначить на какую-либо должность, работу’: *сделать министром – ф, сделать секретарем – ф*. Однако ср.: *быть министром – ф, быть секретарем – секретарить, секретарствовать*.

Глагол *сделать* в 7-м значении ‘придать какое-либо выражение (лицу, глазам и т.п.); принять тот или иной внешний вид’ практически не коррелирует с производными глаголами. Ср.: *сделать рожу – ф, сделать физиономию – ф, сделать лицо – ф, сделать гримасу – сгримасничать, сделать вид – ф*. Глагол *гримасничать* коррелирует со словосочетанием делать гримасы, а его префиксальные производные, помимо значения совершенного вида (*сгримасничать*) реализуют семы ‘начала действия’ (*загримасничать – начать гримасничать*) и ‘ограниченности действия временными пределами’ (*погримасничать – гримасничать некоторое время*).

Таким образом, глагол *сделать* в своей деривационной функции покрывает значительное пространство номинативного класса «Глагол» и является од-

ним из важнейших организующих, базовых компонентов в составе не только конкретных семантических классов глагола, но и в составе более сложных деривационно родственных группировок единиц, основанных *на взаимодействии имени и глагола*. Причем универсальность глагола *сделать* в деривационной функции заключается еще и в том, что его синтагматика базируется на связях не только с именами существительными, но также с именами прилагательными. Модель *сделать каким* является не менее значимой, нежели модель *сделать что*.

Глаголы *изготовить, составить, собрать, допустить и устроить* в деривационной функции

Многообразие глаголов, выступающих в деривационной функции, безусловно, связано со спецификой не только самих присвязочных компонентов. Так, у целого ряда сочетаний в качестве базового глагольного компонента выступает глагол *изготовить*. Ср.: *сплести — изготовить плетением, спрясть — изготовить приянием, соткать — изготовить тканьем, сковать — изготовить ковкой*. Семантическая структура глагола *изготовить* состоит из двух значений: '1.Сделать, выработать, произвести' и '2.Привести в готовность, приготовить'. Как нетрудно увидеть, во 2-м значении глагол *изготовить* сам соотносится с деривационным сочетанием *привести в готовность*. В данном своем качестве глагол *изготовить* сочетается с именами в форме винительного падежа. Ср.: *изготовить счастье (берданку, ружье)*. Такую же сочетаемость глагол реализует и в 1-м значении: *изготовить саблю (подсолнечное масло, список, птицу...)*. Однако в обоих случаях глагол *изготовить* не образует сочетаний, коррелирующих с производными глаголами (ср., однако: *изготовить подделку — подделать*). Деривационная функция глагола *изготовить*, безусловно, связана с иной синтаксической моделью управления, а именно: *изготовить чем*. Конкретизация способа действия при отсутствии указания на объект, результат действия, – вот что лежит в основе подобных деривационных структур. Причем глаголы в аналитических конструкциях могут различаться по степени своей лексичности. Ср.: *сплести — изготовить плетением, соединить плетением; сшить — соединить шитьем, сварить — приготовить варением*.

Таким образом, у деривационной функции глагола, способного организовать аналитическую структуру, должно быть соответствующее «синтаксическое обеспечение». Глаголы в различных связях управления (причем далеко не во всех) могут получить деривационную функцию. И это обстоятельство следует учитывать.

Среди производных глаголов с префиксом с-, обозначающих 'действие, производящее какой-либо предмет' можно выделить семантическую подгруппу глаголов «собирания, составления». Сюда относятся: *сброшюровать, скомпоновать, сформировать(ся), скомбинировать, скооперировать, смонтировать, скалькулировать, блокировать(ся), сформулировать, скоординировать, сфокусировать, сгруппировать(ся), сконцентрировать*. У большинства глаголов из данной группы есть деривационно родственные аналитические эквиваленты. Ср.: *сброшюровать — сшить в брошюру, скомплектовать — составить комплект, сформировать — придать форму, сформироваться — привести форму, смонтировать — произвести монтаж*. Наиболее частотными глаголами в деривационной функции являются номинации *составить* и *собрать*. Ср.: *скомплектовать — составить комплект, скалькулировать — составить калькуляцию; сфокусировать — собрать (лучи) в фокус, сгруппировать — собрать в группу, сгруппироваться — собраться в группу*. Причем данные

глаголы могут отмечаться и в составе таких аналитических структур, которые лишь имплицитно связаны с префиксальным производным. Ср.: *скомпоновать* ‘составить целое из отдельных частей’ и не отмеченное в словаре, но реально существующее и деривационно родственное сочетание *произвести компоновку*, с одной стороны. С другой – деривационный статус сочетания *составить целое – φ*, при отсутствующем аффиксальном производном. Ср. также: *скомбинировать* ‘комбинируя, соединить, собрать в единое целое’ и деривационное сочетание *произвести комбинацию* (в шахматной партии) и аналитическая конструкция с адъективным расширением *собрать в единое целое – φ*, опять же при отсутствии производного глагола.

Как и в других семантических группах, глаголы в деривационной функции могут различаться степенью лексикализованности, а сами конструкции – степенью аналитичности. К примеру, глагол *составить* образует целую серию устойчивых глагольно-именных сочетаний. Ср.: *составить акт, составить впечатление, составить доклад, составить донесение, составить заговор, составить компанию, составить конкуренцию, составить конспект, составить мнение, составить основу, составить план, составить понятие, составить представление, составить проект, составить протокол, составить сводку, составить смету, составить список, составить счастье, составить тезисы* [3, с.148]. Лексическая «составляющая» каждого из приведенных выше сочетаний есть результат взаимодействия семантики глагола в деривационной функции и семантики самого имени. Так, у глагола *составить* в словаре отмечается 9 значений. Часть из них «ориентирована» на первообразное, физическое действие. Ср.: в 1-м значении ‘сложить, соединить, скрепить вместе отдельные части чего-либо’: «...составить куски разбитого фланкера...» (Л. Толстой. Отчество). *составить поезд, составить эшелон; составить фразу, составить уравнение, составить слово* (из букв). Часть значений глагола *составить* носит более отвлеченный характер. Ср.: в 5-м значении ‘создать, выработать путем наблюдений, логических умозаключений’: *составить понятие, составить мнение, составить представление; в 6-м значении ‘являться чем-либо, представлять собой что-либо’: составить радость, составить гордость, составить счастье*. Безусловно, деривационная функция глагола базируется на его не первичных, больше отвечающих физической природе действия, значениях, но тех из них, которые в той или иной степени «делают» глагол несамостоятельным, зависящим от семантики присоединяемого имени. Разница между сочетаниями *составить поезд* и *составить мнение* сразу же бросается в глаза, и мы это чувствуем. Но даже в пределах одного значения можно увидеть различия в степени отвлеченностии обозначаемого действия. Ср.: *составить слово* (из букв), *составить фразу и составить уравнение*. В пределах одного и того же значения глагола *составить* возможны различные по степени семантической слитности типы сочетаний. Ср.: в 4-м значении ‘создавать что-либо, подбирая, объединяя какие-либо материалы; писать какой-либо текст, содержащий совокупность каких-либо сведений’: *составить учебник, составить словарь и составить доклад (донесение, протокол)*. Не случайно, вероятно, последние примеры уже получают возможность, если не коррелировать, то как-то взаимодействовать с деривационно родственными глаголами. Ср.: *составить донесение и доставить (о чем-либо), составить доклад и доложить, составить протокол и запротоколировать*.

Среди рассматриваемых нами единиц также большой интерес представляют глаголы *допустить* и *устроить*. В семантической структуре первого отмечаются следующие значения: ‘1. Позволить прийти, войти, подойти куда, к кому-

, чему-либо’. Например: К себе никого *не допускал* (ср. *не подпускал*). ‘2. Позволить, разрешить (что-либо делать)’. Например: Наконец, я не могу *допустить*, чтобы ты кричала на меня... (М.Горький. Фальшивая монета). ‘3. Посчитать возможным, предположить’. Естественно, что первое значение глагола не способствует развитию деривационной функции. Однако уже второе значение, судя по характеристике смысловых нюансов возникающих здесь устойчивых сочетаний (ср. **допустить** к чему-либо – **дать доступ**), может явиться основой развития деривационной функции глагола. Тем более это касается третьего значения. Среди примеров устойчивых сочетаний с глаголом *допустить* приводятся следующие: **допустить к работе, допустить к экзаменам, допустить беспорядок, допустить беспактность, допустить выпады, допустить мысль, допустить неосторожность, допустить нетактичность, допустить оплошность (ошибку, перегиб, произвол, промах, просчет, халатность)**. Безусловно, не в каждом из них можно констатировать выступление глагола **допустить** в деривационной функции. Например, сочетания **допустить к экзаменам, допустить к работе**, реализующие 2-е значение глагола **допустить**, являются лексически конкретизированными или свободными в том смысле, что глагол в них в большей степени сохранил свою лексическую полнозначность или «независимость» от семантики имени. Однако в сочетаниях, например, **допустить беспактность, допустить оплошность, допустить ошибку, допустить просчет** деривационная функция глагола не вызывает сомнений. Это подтверждается не только возможной корреляцией по семантике с глаголами (**допустить оплошность – оплошать, допустить просчет – просчитаться**), но и существующей семантической дифференциацией между сочетанием и глаголом (**допустить промах и промахнуться**), а также фактами «чистого» аналитизма (**допустить произвол – φ, допустить халатность – φ**).

В семантической структуре глагола **устроить** можно выделить до 9-ти значений (в МАС – 6 значений). Часть из них просто не может явиться основой развития деривационной функции у глагола. Ср.: ‘сделать, соорудить, изгото- вить’ (*устроить мостик, гнездо, лабораторию...*); ‘2. Придать чему-либо какое-либо соотношение и взаимодействие частей, какую-либо форму, вид, уст- ройство’ (*снаряд так устроен...*); ‘3. Привести в порядок, наладить, благоустроить’ (*устроить дела, имение, дом...*). Однако уже в этом значении в словаре приводится сочетание **устроить счастье**, в котором отвлеченный ха- рактер имени способствует ослаблению лексической полнозначности глагола, и выступлении его уже в деривационной функции. Ср. возможную корреляцию: **устроить счастье и осчастливить**. Не случайно глагол **устроить** фигурирует в числе тех номинаций, которые способны организовать устойчивые глагольно-именные сочетания. Ср.: **устроить беспорядки, устроить встречу, устроить дела, устроить демонстрацию (допрос, жизнь, забастовку, завтрак, заговор, засаду, консилиум, на работу, обед, обструкцию, овацию, пресс-конференцию, привал, прием, саботаж, скандал, собрание, совещание, суд)**. Опять же, как и в случае с глаголом **допустить**, не все сочетания, признанные устой- чивыми, имеют отношение к деривационным. **Устроить встречу, устроить завтрак (обед...)** – эти конструкции не содержат в своем составе глагол в деривационной функции. Во всяком случае, здесь она присутствует в «неразвитом», «зачаточном» состоянии. Подлинное развитие она получает в сочетаниях типа **устроить саботаж, устроить обструкцию, устроить овацию** и под. Поэтому к глаголу **скаверзить** в равной мере деривационными следует признать и более общее, модельное **сделать каверзу** и конкретизированное (по отноше-нию к глаголу **сделать**) **устроить каверзу**.

Таким образом, лексическая полнозначность глагола может оказаться *характеристикой лишь части его значений* и, даже более того, части реализованных лексических сочетаемостей в пределах одного значения. Лексическая полнозначность глагола может представлять собой своеобразную шкалу, определенные области которой предполагают (и предрасполагают!) возможность выполнения данным глаголом деривационной функции. И в этом нами видится действительная конструктивная роль глагола. Гораздо большее число глаголов, нежели традиционно считается, способно организовать (в союзе с именами) новые деривационные структуры со статусом аналитических. И анализм этот может быть не обязательно лексико-грамматический, но *лексико-деривационный*. Другое дело, что сама природа языка, особенности взаимодействия лексического, словообразовательного и грамматического в слове всегда будут препятствовать ясному, точному (не интуитивному) «измерению» шкалы деривационной функции глагола.

1. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.
2. Никитевич В.М. Теоретические основы деривационной грамматики. – Гродно, 1993.
3. Гайсина Р. М. Тенденции в глагольной номинации // Языковая номинация. – Минск, 1999.
4. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. – Томск, 1999.
5. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. – М., 1975.
6. Никитевич А.В. Несловообразовательные номинации как потенциал «развития» деривационного гнезда // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. – Katowice, 2000.

Поступила в редакцию 19.04.2002.

In the article different types of derivative word-combinations are viewed as discrete correspondences to the derived verbs.

Никитевич Алексей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГрГУ им. Я.Купалы.

УДК 82 (091) + 82: 1

Л.В.Ярошенко

«КОТЛОВАН» А.ПЛАТОНОВА КАК РОМАН-МИФ

В статье предпринят целостный анализ произведения А.Платонова «Котлован» в жанровом аспекте – как романа-мифа. Прослеживается характер соотношения и взаимодействия романых и мифологических структур на всех уровнях художественного текста: в жанровом содержании, концепции человека, сюжетно-композиционном строении, хронотопе, системе персонажей, субъектной организации, языке. Делается вывод о реализованной в тексте «Котлована» модели новой модификации романа – романа-мифа.

XX век обозначил существенный перелом в судьбе романа. Возникает качественно новый тип романа, обусловленный изменившимся характером романного мышления, – роман-миф. Все уровни структуры нового типа романа: жанровое содержание, сюжетно-композиционный уровень, хронотоп, система персонажей, субъектная организация, язык – предстают в преобразованном виде.

«Котлован» А.Платонова является образцом нового жанра – романа-мифа.

Новое качество произведения обусловило разброс жанровых дефиниций в исследовательской литературе: повесть [1] (причем «повесть загадочная, ни на что не похожая, непостижимым образом отверстая вглубь, где и дна не видать» [2, с.161], «модель «новой повести», наиболее емкое произведение Платонова, в котором слиты реальный и конкретно-исторический фон и онтологический подтекст» [3, с.267]), роман [4], «сказка романного объема» [5, с.48].

Разнообразие и противоречивость дефиниций жанра платоновского произведения, свидетельствуя о новаторском характере мышления писателя, побуждает поставить вопрос о его жанровой природе.

Итак, цель данной статьи: определить жанр платоновского «Котлована».

Вслед за Аристотелем жанроразличительным признаком называли объем произведения. Сначала под объемом произведения понимался только объем текста, однако количественный способ повышения емкости произведения не единственный и не определяющий. Под объемом мы, вслед за В.П.Скобелевым [6], понимаем внешнее выражение внутренних, структурно значимых закономерностей. В основу жанровой идентификации нами положен структурно-семантический принцип, т.е. жанроопределяющими мы считаем конструктивные законы: сюжетно-композиционную организацию, хронотоп, субъектную организацию, а также специфику и объем жанрового события, концепцию человека.

Согласно классической теории романа, разработанной Гегелем, Белинским, М.М.Бахтиным, сущность данного жанра заключается в том, что он изображает частную жизнь человека. Основными проявлениями частной судьбы героя являются любовь и смерть. В мифе, интерес которого сосредоточен не на человеке, а на универсуме в целом, изображаемые события объемлют бытие макрокосма.

В «Котловане» изображение частной жизни присутствует вrudиментарной форме. Намечен узел романной интриги – любовный треугольник: Прушевский – Юлия – Чиклин, однако этот типично романский фокус повествования не находит своего дальнейшего развития в романе-мифе Платонова. Завязки романных «частных» взаимоотношений не происходит, мужчины и женщины игнорируют друг друга, «проходят мимо»: Юлия прошла «мимо дома детства» Прушевского, «так близко прошла, не остановившись» [7, с.243]; Чиклину Юлия не понравилась, и «так он прошел в то время мимо нее, не остановившись» (249).

Семья внеположна современному миру: активист строил будущее «без памяти о домашнем счастье», Козлов «ликвидировал как чувство любовь к одной средней даме», Прушевский отмечал: «боюсь, что полюблю какую-нибудь одну женщину и женюсь». Семейная жизнь отошла в прошлое, выведена за пределы актуального культурного пространства: многодетная сестра Прушевского, говоря о своей семейной жизни, замечает: «Мы живем по-старому» (266). Происходит разрушение, отвержение приватной жизни как таковой: «люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше» (282).

Смерть также отменяется в сознании героев, она воспринимается не как завершение жизни, а как исполнение порядка бытия, поэтому нет страха смерти: Прушевским движет желание скончаться, он назначает день смерти, мужики из деревни заготовили себе гробы впрок, активист живет «без дальнейшего стремления к жизни» (319), крестьянин «изо всех темных своих сил останавливал внутреннее биение жизни» (287).

Согласно характерному для романа – частному – характеру жанрового содержания источником романного сюжета и фабулы является проблема индивидуального существования человека. Отсюда и сюжет романа ограничен рамками человеческой жизни, движим от рождения к смерти, центростремителен, линеен, необратим. «В романе время – это, прежде всего, время единичной человеческой жизни, конкретной судьбы; оно неповторимо и необратимо <...> ярче всего эта его особенность проявляется в постоянной опасности смерти индивида, раз и навсегда кладущей конец его жизни, завершающей его существование»

[8, с.29]. Для отдельно взятого индивида нет вечности, круговорота, а есть одна судьба, а потому есть и смерть, и страх смерти. В мифе человек вписан в макрокосм, поэтому человеческая жизнь, синхронизированная с циклическими процессами природы, рассматривалась не как линейный отрезок, заключенный между рождением и смертью, а как непрестанно повторяющийся цикл. Миф оценивает все с позиции целостности и вечности жизни, представляющей вечный круговорот рождения и смерти, поэтому «смерть ничего не начинает и ничего существенного не кончает в коллективном и историческом мире человеческой жизни» [9, с.354].

Герои Платонова представлены в эпизодических проявлениях своей жизни, но их детские воспоминания и смутные видения раздвигают пределы времени и пространства до тех границ, с которых начинается романное сознание. Писатель прослеживает судьбы отдельных героев от детства до смерти, однако основной интерес для него представляет жизнь социально-природного организма: «буржуазное тело», сходящее с арены жизни, и рождающееся «пролетарское вещество» – элементы того бытийного организма, который является главным героем платоновского повествования.

Исчезает человек как субъект действия, его сменяет масса, артель, класс: «артель мастеровых заснула в бараке тесным рядом тулowiщ» (237); «население колхоза <...> молча стояло близ своего активиста и грустно опустило свое общее лицо» (280); Организационный Двор «покрылся сплошным народом» (291); «стали середняцкой гущей» (296); «колхоз спал общим скоплением» (298); «колхоз сел <...> и стал сидеть, озирая всю деревню» (317). Единство социального организма подчеркивается на уровне текста: «чувствовалась *общая грусть жизни*» (232); «*смирившись общим утомлением*» (261); «*после общего пробуждения*» (239) (курсив наш – Л.Я.). Этот организм представлен в разных временных плоскостях: прошлом, настоящем, будущем.

Доминирующей приметой романного мышления М.М.Бахтин называл конфликтные отношения героя с окружающим, отчуждение человека от социума. Герою романа несвойственна включенность в социум, он относительно независим от установлений социальной среды с ее укладом и императивами. Вместе с тем романые герои стремятся преодолеть свою уединенность и отчужденность, достичь гармонии с миром, стать сродными миру. «Сердце» героя и «сердце» мира тянутся друг к другу, и проблема романа заключается <...> в том, что им вовек не дано соединиться» [10, с.40]. Специфика романной разработки проблемы человека состоит в том, что роман, с одной стороны, выделяет отдельную обособленную судьбу личности, с другой – открывает в ней универсальную связь с миром [11].

У Платонова романная примета – противопоставленность героя окружению – присутствует в редуцированной форме: Вощев «устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда» (225), «Вощев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горюющего ума и все более уединяясь в тесноте совей печали» (230), «тайная надежда мысли обещала ему далекое спасение от безвестности всеобщего существования» (282-283).

На первый план в «Котловане» выходит, как уже отмечалось, жизнь единого народного организма. В результате модифицируются принципы построения системы персонажей: герои становятся продолжением друг друга, один герой как бы распадается на несколько ипостасей. В «Котловане» судьбы разных героев в своей совокупности составляют единую романную судьбу. Так, например, в образе Чиклина воплощается идея слитности с миром и социумом, Вощева –

зарождение индивидуального мировоззрения, обособление от общества, Прушевского – этап обособления человека как субъекта, как самостоятельной внутренней жизни, отличной от всеобщего существования. Герои и сами воспринимают себя элементами единого целого – макроорганизма. Эти представления эксплицированы в тексте: «Ты кончился, Сафонов! Ну и что ж? Все равно ведь я остался, буду теперь как ты; <...> а ты, Козлов, тоже не заботься жить. Я сам себя забуду, но тебя начну иметь постоянно <...> Пускай весь класс умрет – да я один за него останусь и сделаю всю его задачу на свете!» (277); «девочка могла бы быть дочерью Чиклина <...> зачал девочку, наверно, такой же, как и Чиклин, мастеровой человек, стало быть, плоть в ребенке из одного классового котла» (319).

Отношения этого макроорганизма с изменившимся миром составляет предмет романа-мифа и определяет как специфическую разветвленность и многоплановость сюжетно-композиционного строения «Котлована», так и изменение типичных романых признаков.

Например, концепция человека в «Котловане» отмечена как романыми, так и мифологическими признаками. Если роман открывает не только определившиеся в поведении свойства, но и нереализованные возможности; герой романа принципиально не завершен, он может быть «или больше своей судьбы, или меньше своей человечности» [12, с.479], то в мифе и эпосе социальная роль является адекватной формой воплощения внутреннего мира героя, она полностью покрывает его «я», индивид предстает как воплощенный представитель определенной социальной среды или сверхличного идеологического принципа. В «Котловане» освещение героя двойственno. С одной стороны, героям «Котлована», живущим в пространстве социальной мифологии, изначально задана социальная роль, установлено «классовое сознание», дана «единогласная душа»; они искренне пытаются вести в предустановленные нормы. С другой стороны, автор выводит большинство персонажей из готовых, навязанных парадигм. Незавершенность героев проявляется и в открытости их сознания, сомнении в предложенных мировоззренческих схемах, бесконечности поисков.

Временная структура «Котлована» также демонстрирует наличие в произведении двух способов темпоральной организации: романной и мифологической. В «Котловане» вступают во взаимодействие романная разомкнутая временная перспектива и завершенность, свойственная мифу. С одной стороны, жизнь каждого из героев устремлена в будущее: Вощев стремится понять свое будущее, Прушевский создает дом будущего, Козлов надеется жить в будущем «хотя бы маленьким остатком сердца», Чиклин и Сафонов трудятся на строительстве дома будущего – все герои воспринимают свою жизнь как «движение в дальнейшее счастье». Ориентированность нового мира в целом на будущее тоже соотносится с романным мышлением. С другой стороны, фабульные события складываются в эсхатологически завершенный цикл жизни. Прушевский, движимый желанием скончаться, определяет «день окончания своего пребывания на земле», активист существует «без дальнейшего стремления к жизни», мужики из деревни готовят себе гробы впрок, многие герои произведения погибают, умирает Насти – «элемент будущего» – все это определяет финализм, исчерпанность жизни.

Совмещение романного и мифологического времени проявляется и структурно: мотив прощания, возникающий в finale произведения, звучит как последнее слово писателя о мире, однако эта «конечная точка», маркирующая конец текста, снимается послесловием автора, указывающим на незавершенность действительности и возможное продолжение диалога с ней: «погибнет ли эсе-

серша подобно Насте или вырастет в целого человека, в новое историческое общество?» (С.328). Сообщение о «тревожном чувстве, составившем тему сочинения», о вероятности ошибки и невозможности дать исчерпывающую, окончательную оценку событиям, являющимся предметом изображения, определяет повествовательную незавершенность – не только фабульную, но и аксиологическую. Функция такого – романного по сути – способа завершения текста – открытое выражение «зоны контакта» писателя с «неготовой», «становящейся» современностью.

Платонов работал с материалом, максимально близким ему – становящейся, развивающейся современностью. Однако неомифологическое сознание XX в. определило дискретное восприятие жизненного процесса как постоянной смены циклов, смерти и нового рождения. «Котлован» стал повествованием о гибели старого мира и появлении первых ростков нового, будущего мира. Предмет изображения платоновского произведения: момент становления современности, подводящий черту под старой, ушедшей в прошлое жизнью, в принципе ориентированный на будущее, но окрашенный авторским сомнением в возможности дальнейшего развития и становления, более того, в возможности будущего как такового – является специфической приметой платоновского романа-мифа.

Кроме того, в платоновском произведении сочетаются линейность и необратимость событийного времени и цикличность времени повествовательного. Линейность и необратимость свойственна временной структуре романа, развитие которого определяется судьбой частного человека, имеющей начало и конец, направленной от рождения к смерти. Мифологическое сознание предполагает, что в процессе развертывания времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст [13]. На событийном уровне в «Котловане» все изображаемые события однократны и неповторимы, повествованию же сообщается режим повторяемости. Цикличность, неизменность ощущается героями, поэтому в тексте постоянно звучит мотив возвращения на круги своя: «Прушевский сел на лавочку у канцелярии. Так же он сидел когда-то у дома отца – летние вечера не изменились с тех пор <...> Одно и то же чувство было живо и печально в нем до сих пор <...>; когда-то, в такой же вечер, мимо дома его детства прошла девушка»(243). Прушевский «вспомнил свое детство, когда под праздники прислуга мыла полы, мать убирала горницы, а по улице текла неприятная вода <...> Сейчас тоже погода пропала, над равниной пошли медленные сумрачные облака, и во всей России теперь моют полы под праздник социализма» (235).

В «Котловане» время событийное и время повествовательное нетождественны. Фабульное время предельно локализовано, событийный ряд укладывается в несколько дней. Темпоральные характеристики в повествовании часты, однако точных, конкретных указаний на время действия нет, на протяжении всего повествования не упоминается ни одной даты. Констатируется время года (среди лета, летние вечера, в начале осени, начиналась бесконечная зима, по зимнему пути), указывается время суток, задавая циклический режим повествования (утром / к полудню / прошел полдень / до самого вечера / всю ночь – замкнувшись, круг начинается опять: утром / до самого полудня / отходил вечер / была ночь ...). Фрагменты повествования, выделяемые интервалами, начинаются, как правило, указаниями темпорального свойства В начало абзацев – в наиболее акцентированное положение – выносятся темпоральные характеристики (утром, до самого вечера, около полуночи, к вечернему времени ...). На повествовательном уровне социальные ритмы оказываются замещенными природными циклами.

Изменяющаяся социальная действительность изображается на фоне неизменного порядка бытия.

Во временной структуре «Котлована» происходит наложение различных модусов времени, стяжение, сворачивание времени, совмещение разных времен года и суток («Нет четырех времен года», зимой летают мухи, сливаются день и ночь). В «Котловане» представлено емкое настоящее, вбирающее в себя прошлое и будущее. Все, что разделено временем, сходится в чистой одновременности существования. Для мифов характерно, что события, которые по сути должны быть распределены между прошлым, настоящим и будущим, оказываются одновременными [14]. В произведении Платонова времена не чередуются, а существуют вместе, «просвечивают» друг через друга. Эта закономерность проявляется на разных уровнях текста: в сюжете, где параллельно существуют разные временные пласти (прошлое: воспоминания, семья сестры Прушевского; будущее: пионеры, строящийся дом будущего, новостройка, наблюдаемая Прушевским; настоящее: работа на котловане, раскулачивание и др.), в высказываниях героев, их воспоминаниях о прошедших событиях и размышлениях о будущем. Сама структура фраз демонстрирует «вертикальное время», логика которого – одновременность всего («Вот он выдумал единственный общепролетарский дом вместо *старого* города (прошлое – Л.Я.), где и *сейчас* живут люди дворовым огороженным способом (настоящее – Л.Я.); *через год* весь местный класс пролетариата выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. *Через десять или двадцать лет* другой инженер построит в середине мира башню (будущее – Л.Я.), куда войдут *на вечное*, счастливое поселение трудящиеся всего земного мира» (вечность – Л.Я.) (237)). Так, фраза демонстрирует, как диахронический строй в платоновском повествовании сменяется синхроническим.

На уровне сюжетно-композиционной организации в «Котловане» также соотносятся разные формы эпического повествования: происходит контаминация интенсивного (характерного для мифа) и экстенсивного (романного) типов сюжетно-композиционной организации [15].

Центробежный – по существу романский – принцип задан с самого начала повествования. Следуя уже выработанной в «Чевенгуре» схеме путешествия, Платонов в сюжетной завязке «Котлована» тоже задает этот мотив. Композиционный принцип путешествия, позволяющий раздвинуть рамки повествования, выявляет романную установку на экстенсификацию сюжета. В отличие от повести, в которой изображается некое локальное место, сцепление же этого локуса и большого мира происходит только в сознании героев (как правило – одного героя), в «Котловане» установка на всеохватность реализуется в пространственной структуре всего художественного произведения через смену топосов (завод, пивная, город: барак, канцелярия, дом председателя окрпрофсовета Пашкина, кафельный завод; деревня: сельсовет, Организационный Двор, изба-читальня, избы крестьян, церковь, кузница) и путем выявления их соприсутствия (страна, район, округ, взаимодействующие посредством радиорупора, спускаемых сверху директив, сообщений, постановлений, лозунгов). В «Котловане», таким образом, мир, социальная действительность моделируются во всех проявлениях (социальное строительство, культурная революция, трудовое перевоспитание, раскулачивание, коллективизация, классовая борьба, бюрократизация общества, разрушение церкви как института государства), а не в одном аспекте, как в повести. Роман описывает бытие как целое, не ограничивается исследованием отдельных граней или процессов действительности, его интересуют именно связи между гранями и процессами, он ищет всеобщую связь явлений, конструирует образ целого мира, исследует многообразие общественных отношений

Более того, в «Котловане» за счет внедрения мифологических структур представлена не только вся социальная действительность, но бытие в целом: платоновский пейзаж, на фоне которого происходит действие, создает онтологическое пространство [16].

Установка на онтологизацию художественного пространства реализуется в использовании принципа интенсивного центростремительного построения, который накладывается на экстенсивный (романский) принцип.

Интенсивному, центростремительному построению способствуют мифологические законы упорядочивания пространства. Это прежде всего оппозиция центр/периферия: стройка, расположенная в центре [17] (в середине города, в середине мира, «в центре мира», «посреди всемирной земли») и подсвещенная библейскими реминисценциями (образ Вавилонской башни [18]), наделяется сакральностью, в результате котлован становится эпицентром субстанциальных событий, а художественное пространство произведения – вселенским пространством.

При этом локусы расположены как иерархически организованные концентры: область, район, дающие указания, город, деревня. В «маточное место» котлована стянуты, как в воронку, все времена, все герои, все события, даже произошедшие десятилетия назад.

Субъектная организация «Котлована» также демонстрирует взаимодействие романских и мифологических принципов. В «Котловане» романсое многоязычие и диалогизм редуцированы. Герои «заручаются» «чужим» словом, готовы разделить и принять его, они не стремятся понять «чужой» дискурс, перевести, дать свое толкование, а просто повторяют его.

Герои находятся в плена общих мест, нормативной, официально санкционированной эстетики. Они говорят не своими словами, не своим языком: кузнец говорит: «Гляжу на детей, а самому так и хочется крикнуть: «Да здравствует Первое мая!» (230); «Козлов про себя любил произносить: «Прелестны вы, как Ленина завет!» и многие другие краткие лозунги-песни» (270); одна из учениц ликбеза в ответ на просьбу назвать слова на букву «б» перечисляет: «бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво, ленинцы!» (289).

Один и тот же идеологический штамп (жить для энтузиазма, умереть с энтузиазмом, обрести смысл классовой жизни, иметь пролетарскую совесть) переходит из одного сознания в другое. Бытующие в пространстве современной культуры идеологемы усваиваются и присваиваются героями (Козлов «считал свои революционные заслуги недостаточными, а ежедневно приносимую общественную пользу – малой», «томился о том, что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе», «Козлов постановил для себя перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаваться наибольшей общественной пользе» (253). Это свидетельствует о приоритете чужого слова – языка политики, сквозь призму которого герои видят окружающую действительность. Инерционность «чужого» слова эксплицирована в тексте: «каждый, как говорится, гражданин обязан нести данную ему директиву» (251); «А тронуть его нельзя – скажут, бедняк, пролетариат, индустриализация!», «Вот если кадр, скажут, тогда нам за него плохо будет» (314).

Поскольку все представления унифицированы, постольку герои не противостоят друг другу, не спорят; напротив, в тексте акцентирована «формула согласия» («строители, согласившиеся с Пашкиным»; «Они стояли и видели: верно говорит человек (239); «Прушевский согласился с тем...» (242); «Прушевский ничему не возражал своим чувством» (261), которая в пределе стремится стать «формулой молчания».

Герои не отвечают друг другу, не высказывают своих мыслей: «ты бы жил и молчал» (С.227) – дают совет Вощеву на заводе; Елисей «от отсутствия своего ума не мог сказать ни одного слова» (298); Козлов «безмолвно отошел» (254) «мужик с желтыми глазами находился там (в артели) безмолвно» (255); «Чиклин <...> не умел ему сочувственно ответить и со стеснением молчал» (249); «все предавалось безответному существованию» (227); «Сафонов оставил весь резон Козлова без ответа» (253); «Вощев не услышал себе слова в ответ» (236).

Таким образом, для коммуникативного пространства «Котлована» характерны состояния молчания и согласия.

Такая субъектная организация, отражающая не разные сознания, а некую общую, зафиксированную в официальном мифе, точку зрения на мир, является следствием воздействия структур неомифологического мышления.

И все же, несмотря на то, что герои говорят одним языком – политическим, в «Котловане» «чужое» слово звучит именно как чужое, ощущается его инородность – оно цитируется и оспаривается. Можно указать несколько способов остранения «чужого» слова.

Противоречие чужого слова и собственного видения героев эксплицировано в тексте: «терпи, говорят, пока старик капитализм помрет, теперь он кончился, а я опять живу один под одеялом»(235-236); «Всему свету, как говорится, хозяева <...> Хозяин бы себе враз дом построил, а вы помрете на порожней земле» (235); «Чиклин сказал, что <...> посредством оврага можно сберечь слабых людей для будущего <...>, а я с товарищем Прушевским хожу как мелочь между классов, и не вижу себе улучшенья!» (242).

Диалогическую ситуацию порождают фразы, заключающие в себе противоречие между формой – высокопарным, пафосным, лозунговым слогом – и обыденным, низким содержанием. Лозунги несут в себе исходное разноречие между тем значением, которое есть у цитированных фраз в своем контексте и тем, какое они приобретают в платоновском. В этом случае цитирование приобретает «двуязычный» характер: «Откуда ж у нас яйцо выйдет, если наша птичья масса не имеет в своей среде продуктивного руководства?!» (280); «в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма» (285).

Пародийно перекодированные лозунги, созданные по моделям, получившим популярность в годы советской власти, остраниют повествование и размывают его монологичность: «мы должны мобилизовать крапиву на фронт социалистического строительства!», «мы должны обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!», «каждый трудящийся должен помочь скоплению снега на коллективных полях» (260), «заготовляйте ивовое коры!» (306).

Двусмысленные фразы порождают балансирование между разными позициями, точками зрения на происходящее: «Милиция охраняла снаружи безмолвие рабочих жилищ» (243).

Оговорки выявляют иную – отличную от официальной – точку зрения на происходящие события: «надо рыть пропасть под общий дом» (252); мужики работали «будто хотели спастись навеки в пропасти котлована» (327), «когда вы состроите свою чушь». Входящие в семантическое поле общепролетарского дома слова «могила», «пропасть», «чушь» с явно негативными коннотациями выражают оппозиционный взгляд на осуществляемый проект.

Таким образом, монологичность официального мифа сочетается с чисто романским стремлением к установлению диалогической ситуации внутри текста.

Жанровая природа романа-мифа сказалась в платоновском тексте и в особом статусе слова, которое последовательно обнаруживает свои мифопоэтические истоки.

Изображенной в «Котловане» действительности свойствен культ слова: «всякий свой ответ трудащемуся человеку он начинал некими *самодовлеющими словами*» (270); Козлов читал книги и запоминал «формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюций, строфы песен и прочее...» (271). Культовый характер слова, его онтологизация определяет тот факт, что не слово создается для выражения реальности, реальность конструируется по слову и под слово, для его произнесения: «Активист расставил пешеходов в виде пятикратной звезды, стал посреди всех и произнес свое слово» (284).

Происходит свойственная мифологическому сознанию фетишизация ритуальных формул; к передаче сакрального дискурса предъявляются требования особой точности при воспроизведении: когда активист писал рапорт о сплошной коллективизации и ликвидации кулака как класса, он «не мог поставить после слова «кулака» запятую, так как и в директиве ее не было» (293).

В пространстве современной Платонову культуры особое внимание придается форме знака, само звучание или запись слова представляется сакральным, полным смысла. Отсюда приоритет означающего, условного знака: «Из слов обозначаются линии и лозунги и твердый знак нам полезней мягкого <...> мягкий нужно отменить <...> твердый нам неизбежен: он делает жестокость и четкость формулировок» (289); «Вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость, активист стал метить знаки по бумагам; а карандаш у него был разноцветный, и он применял то синий, то красный цвет» – этим определялось решение судьбы человека (292); «Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю <...> Пашкин вынул записную книжку и поставил в ней точку; уже много точек было изображено в книжке Пашкина, и каждая точка знаменовала какое-либо внимание к массам» (272). Так происходит семиотизация действительности, подмена реальности знаками, демонстрирующими искусственную реальность.

Язык, состоящий из самодовлеющих слов, продуцирует полуфiktивный мир: сплошная коллективизация – конфета, у которой «в сердце вареньев нету» (291), меридианы на карте СССР – «загородки от буржуев <...> чтобы они к нам не перелезали» (261).

Приоритет означающего приводит к тому, что герои на самом деле не знают, что обозначают слова, которые они употребляют. Происходит утрата смысла, означаемого в процессе говорения. Слово перерождается в звук, форму, означающее: «Не имея исхода для силы своего ума, Сафонов пускал ее в слова и долго их говорил. <...> Иные его слушали, чтобы наполнять этими звуками пустую тоску в голове, иные однообразно горевали, не слыша слов и живя в своей личной тишине» (260-261).

В романе-мифе «Котлован» реализуется неконвенциальное отношение к слову, отождествление слова и сущности, слова и предмета, явления – и это погружает в процесс мифотворчества эпохи. Формулы и клише приобретает вещное бытие: клише «генеральная линия» порождает колхоз имени *Генеральной Линии*; Пашкин хотел «забежать вперед главной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, – и тогда линия увидит его» (273); осуществление «четкой линии в будущий свет» происходит в форме ликвидации кулаков, активиста обвиняют в «сползании с отточенной остроты четкой линии» (318); «марш движения» воплощен в оркестре марширующих пионеров, «урод

империализма» – в образе калеки Жачева, которого «капитал пополам сократил» (246); «классовое чутье» – в образе медведя, чьющего кулаков.

Слово перестает носить миметический характер. Происходит подмена реальности словом: «Давно пора кончать зажиточных паразитов! <...> мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где ж тогда греться активному персоналу!» (272); «мы должны каждого бросить в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!» (260).

Итак, на всех уровнях художественной структуры платоновского «Котлована» происходит взаимодействие и взаимопроникновение романтических и мифологических парадигм, соответственно: экстенсивного и интенсивного типов сюжетно-композиционного построения, линейного, необратимого фабульного времени и циклически повторяющегося повествовательного, незавершенной, разомкнутой временной перспективы и завершенности, герметичности, диалогического, полифонического (в авторском дискурсе) и монологического, унифицированного (на уровне речи персонажей) типов субъектной организации.

Синтетическая природа жанровой формы «Котлована» определяет сходство отдельных элементов художественной структуры и с повестью, и с романом, и с мифо-фольклорными жанрами.

С одной стороны, мифологические парадигмы, привнесенные в романную структуру «Котлована»: редуцированность частной жизни, «стертость» конфликта между героем и окружающим миром, интенсивный тип сюжетно-композиционной организации, заданный мотивом строительства, концентрированность хронотопа, тенденция к монологизму – локализуют и интенсифицируют повествование так, что создается иллюзия сходства с повестью. С другой стороны, миф с его вниманием к бытию макрокосма, постановкой глобальных проблем, онтологизацией хронотопа и языка сообщает этому произведению свойства большой эпической формы. Совмещение разных модусов времени и наложение пространственных локусов делает повествование одновременно и локальным, и глобальным, переводит конкретно-исторический сюжет в план вневременности, вечности и универсальности.

Таким образом, в пространстве взаимоотражения и взаимодействия романного и мифологического начал в «Котловане» А.Платонова реализуется жанровая модель романа-мифа.

1. Баршт К.А. Энергетический принцип Андрея Платонова: Публицистика 1920-х гг. и повесть «Котлован» // «Страна философов» А.Платонова: проблемы творчества. Вып 4. (юбилейный) – М.: ИМЛИ, Наследие, 2000; Пр o с к у р и а Е. Н. Поэтика мистериальности в повести А.Платонова «Котлован»: Дис ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Новосибирск, 1999.

2. Урбан А. Сокровенный Платонов // Перечитывая заново: Литературно-критические статьи. – Л., 1989.

3. Геллер М.Я. Андрей Платонов в поисках счастья. – М.: МИК, 1999.

4. Фараджев К.Ф. Человек и культурно-историческая реальность в произведениях Ф.Кафки и А.Платонова (сравнительный анализ). Дис...к. культурологич. наук. – М., 1998; Б а р ш т К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.

5. Вуд Г. «Котлован» А.Платонова: перевод и рецепция в Англии: Доклад на конференции «Русская литературная классика: В.Набоков, Л.Леонов, А.Платонов», Саратов, 6-8 дек. 1999 г. // Платоновский вестник: Информационно-справочный бюллетень. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – №1.

6. Скобелев В.П. Поэтика рассказа. – Воронеж, 1982; Скобелев В.П. Новеллистика Василия Аксенова // Василий Аксенов: Литературная судьба / Редакторы-сост. В.П.Скобелев, Л.А.Финк. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994.

7. Платонов А. Котлован // Платонов А. Избранное. – М.: Гудьял-Пресс, 1999. Далее сноски даются по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках после цитаты.

8. Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та, Куйбыш. филиал, 1990.

9. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975.
10. Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) // Диалог. Карнавал. Хронотоп: Научный журнал. – 1993. – №1 (2).
11. Рымарь Н.Т. Поэтика романа. – Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та, Куйбыш. филиал, 1990. – С.29.
12. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975.
13. Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам XXIII. – Тарту, 1989.
14. Алексина Т.А. Власть Хроноса. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1994; А с к и н Я. Ф. Время и творчество // Пространство и время в искусстве. – Л., 1988; Ф р е й д е н б е р г О. М. Миф и литература древности. – М., 1978.
15. Скобелев В.П. Поэтика рассказа. – Воронеж, 1982; С к о б е л е в В. «Романное мышление» в рассказах и повестях Андрея Платонова 20-х годов // Russian Literature, XXXII – 1992.
16. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и дальше (О «Котловане» А.Платонова) // Вопросы языкознания. – 1991. – №1.
17. Проскурина Е.Н. Поэтика мистериальности в повести А.Платонова «Котлован»: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Новосибирск, 1999.
18. Гонтер Х. Котлован и Вавилонская башня // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – Вып. 2. – М.: Наследие, 1995.

Поступила в редакцию 24.05.2002.

The article deals with the generic analysis of «A Hollow» by A. Platonov. The character of correlation and interaction of the novel and mythological structures on all levels of the artistic text (i.e. in generic contents, in the conception of a man, in the plot, «chronotop», the heroes' system, subject organization and language) enable to interpret this text as a new modification of the novel – a novel-myth.

Ярошенко Людмила Викторовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ГрГУ им. Я.Купалы.

Научный руководитель – доктор филологических наук Т.Е.Автухович.

УДК 811.161.1:81'36

О.А.Кот

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Статья посвящена актуальному явлению: однословным и не однословным средствам выражения семантических, словообразовательных и грамматических значений в группах глаголов эмоционального отношения, состояния, переживания в русских и белорусских языках. В центре внимания – глагольно-именные сочетания, по семантике соотносимые с глаголом: исследованы возможности данных сочетаний в области реализации видовых, каузативных, фазовых значений глагольного слова.

Вопрос об аналитизме (лексическом, грамматическом, деривационном и т. д.) в языках синтетического строя неоднократно рассматривался лингвистами. Не всегда синтетическая форма способна выразить то или иное значение. Между тем система языка не допускает пустот, они компенсируются, заполняются сочетаниями слов. Стремление к использованию аналитических форм характерно для всех самостоятельных частей речи, но наиболее показателен в этом отношении глагол. Еще А.А.Потебня подчеркивал, что глагол является прогрессирующй категорией языка, именно в области глагола зарождаются новые тенденции, свидетельствующие о дальнейших перспективах развития языка, в частности, тенденция к аналитизму [1]. Подобные наблюдения находим и у В.В.Виноградова: «Семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других семантических категорий... В системе русского глагола флексив-

ный строй осложняется агглютинативными построениями отдельных форм. Кроме того в глагольном словоизменении есть и аналитические составные формы: формы будущего несовершенного, формы сослагательного наклонения и т. д.» [2, с. 339].

Но наряду с уже изученными аналитическими формами глагольного слова все более широкое распространение в языке получают глагольно-именные конструкции, по семантике соотносимые с глаголом: давать оценку, вступать в брак, становиться зеленым, начинать работу и т.д.. В современном русском языке, по данным В.М.Дерибаса, содержится свыше 5 тысяч подобных сочетаний, включая сочетания, не имеющие соотносительных глаголов [3]. Рост подобных конструкций в русском языке неразрывно связан с развитием в нем элементов аналитизма, аналитического строя. Показательно, что сходные глагольно-именные образования функционируют в качестве эквивалентов цельнооформленных глаголов в целом ряде языков как синтетического, так и аналитического строя. Справните:

русск.	решать – принимать решение, предлагать – делать предложение, предпочитать – оказывать предпочтение;
белор.	зайдзросціць – адчуваць зайдзрасць, трывожыць – выклікаць трывогу;
польск.	poradzić – dać rade, uczęstniczyć – brać udział, zwycieżyć – odnieść zwyciestwo;
франц.	sauter – faire un saut, projetter – faire le projet, se diffuser – avoir une diffusion.

Образование и функционирование глагольно-именных сочетаний в каждом отдельно взятом языке имеет свою специфику, требующую подробного изучения, не менее интересен и сопоставительный аспект, но в рамках данной статьи остановимся лишь на нескольких общих моментах, характеризующих возможности глагольно-именных сочетаний в области выражения глагольной семантики в русском и белорусском языках.

Способность к образованию глагольно-именных сочетаний присуща в разной степени всем семантическим классам глагола: глаголам ощущения (раздражать – вызывать раздражение, ощущать – испытывать ощущение; адчуваць – мець адчуванне), глаголам желания (желать – испытывать желание, вдохновлять – внушать вдохновение; імкнуцца – адчуваць імкненне), глаголам внимания (интересоваться – проявлять интерес, настораживаться – проявлять настороженность; асцярожнічаць – праяўляць асцярожнасць; падказваць – даваць падказку), глаголам мышления (заключать – делать заключение, рассуждать – пускаться в рассуждения; сумнівацца – адчуваць сумненне, спадзівацца – мець спадзяванне); глаголам памяти (помнить – удерживать в памяти, забывать – предать забвению; памятаць – трymаць у памяці) и т.д. Однако наиболее полное и последовательное распространение глагольно-именные сочетания получили в составе семантических классов глаголов эмоционального состояния, эмоционального переживания и эмоционального отношения (волноваться – испытывать волнение, грустить – чувствовать грусть, радоваться – испытывать радость, мучиться – терпеть мучения, стыдиться – чувствовать стыд, презирать – испытывать презрение; хвалявацца – адчуваць хвалюванне, сумаваць – адчуваць сум, радавацца – адчуваць радасць, мучыцца – цярпець муکі, саромецца – адчуваць сорам, пагарджаць – адчуваць пагарду). Такое широкое распространение гла-

гольно-именных сочетаний в данных глагольных классах вовсе не случайно. Специфика семантических классов глаголов эмоционального состояния, переживания и отношения заключается в том, что значительная часть составляющих эти классы глаголов является одновидовыми глаголами несовершенного вида. Наиболее продуктивные способы образования коррелятов по виду в русском и белорусском языках – перфективация и имперфективация. В качестве чистовидовых приставок, при помощи которых образуются формы совершенного вида, могут выступать частотные префиксы ПО-(ПА-), С-(З-), ЗА-(ЗА-), НА-(НА-), ПРО-(ПРА-), ВЫ-(ВЫ-), У-(У-), ОТ-(АД-) и др. [4, с. 34]. Однако в составе глаголов исследуемых классов лишь некоторые из этих приставок способны образовывать соотносительные формы совершенного вида от глаголов несовершенного вида (У-, ОБ-(АБ-), ПО-(ПА-)): совеститься НСВ – усовеститься СВ, позорить НСВ – опозорить СВ; шкадаваць НСВ – пашкадаваць СВ, зайдросціць НСВ – пазайдросціць СВ. Все остальные перечисленные приставки употребляются в лексической функции гораздо чаще, чем в чистовидовой, т.е. перфективация изменяет лексическую семантику производной единицы. Основными значениями, которые привносятся лексическими приставками в глаголы анализируемых классов, являются значения неопределенной ограниченности (поволноваться, пострадать; пасумаваць, пазлаваць), усиливательности (растосковаться, разволноваться; расхвалявацца), смягчительности (пристыдить, припугнуть; прысароміць), определенной ограниченности (прогrustить, прорадоваться; прахвалявацца, прахандрыць), начинательности (затревожиться, заволноваться, занервничать; занепакоіцца, занервавацца), исчерпанности (измаяться, измучиться; скатаваць, залашчыць) и др. Очевидно, что такие производные совершенного вида не могут являться коррелятами исходных производящих глаголов несовершенного вида, так как они реализуют лишь отдельные частные семы совершенного вида (тосковать НСВ ≠ протосковать СВ, потосковать СВ, стосковаться СВ, затосковать СВ; нервничать НСВ ≠ занервничать СВ, перенервничать СВ, изнервничать СВ, понервничать СВ; мучыць НСВ ≠ замучыць СВ, прамучыць СВ, перамучыць СВ, памучыць СВ, вымучыць СВ). Все эти факты свидетельствуют о том, что возможности перфективации в области образования видовых пар глаголами эмоционального состояния, переживания и отношения довольно ограничены.

Гораздо ближе к чистовидовым средствам организации вида находятся аналитические глагольно-именные сочетания, способные реализовать видовую семантику без изменения лексического наполнения глагольного слова [5]. Для одновидовых глаголов эмоционального состояния, переживания, отношения эквивалентны НСВ глагольно-именные сочетания СВ в большинстве случаев являются единственным средством передачи чистовидовой семантики совершенного вида:

презирать НСВ
|
чувствовать презрение

О СВ
|
почувствовать презрение;

наракаць НСВ
|
выказваць нараканні

О СВ
|
выказаць нараканні,

непакоіць НСВ
|
адчуваць непакой

О СВ
|
адчуць непакой.

О том, что выражение видовых значений аналитическим способом представляется не случайным, а полностью сложившимся, закономерным явлением, свидетельствует и наличие подобных структур у глаголов, имеющих пару по виду:

удивиться СВ	унуть СВ
испытать удивление	прийти в уныние
зневажаць НСВ	захапляцца НСВ
выказываць знявагу	адчуваць захапленне
зняважыць СВ	захапіцца СВ
выказаць знявагу	адчуць захапленне.

воздействовать НСВ/СВ

ранить НСВ/СВ

Кроме того, глагольно-именные сочетания способны дифференцировать видовые значения двувидовых глаголов:
оказывать воздействие НСВ | нанести ранение НСВ
оказать воздействие СВ | нанести ранение СВ

абяцаць НСВ/СВ
|
даваць абяцанне НСВ
|
даць абяцанне СВ

уздзейнічаць НСВ/СВ
|
аказваць уздзяянне НСВ
|
аказаць уздзяянне СВ.

В состав класса глаголов эмоционального состояния переживания, отношения можно включить и значительную по объему группу раздельнооформленных номинативно-именных соотносительных целевооформленных глаголов:

О СВ	О СВ
испытать неловкость	почувствовать смятение
О НСВ	О НСВ
прыходзіць ў замяшанне	атрымліваць асалоду
О СВ	О СВ
прыйсці ў замяшанне	атрымаць асалоду.

Как видим, носителями соответствующей семантики в подобных структурах являются только глагольно-именные сочетания.

Однако возможности глагольно-именных сочетаний в сфере выражения глагольной семантики далеко не исчерпываются их способностью быть носителями значений совершенного и несовершенного вида.

В пределах большинства семантических классов выделяются группы глаголов, противопоставленные по семам каузативность/некаузативность. Глаголы эмоционального состояния, переживания и отношения образуют регулярные оппозиции по каузативности/некаузативности. Одним из наиболее характерных для глаголов данного класса типов оппозиции по каузативности наряду с возвратно-постфиксальным (типы каузативных оппозиций даются по Т.А.Кильде-бековой) (изумлять – изумляться, радовать – радоваться; азадачваць – азадачвацца, раздражняць – раздражняцца) является аналитический тип, частным случаем которого можно считать функционирование в качестве одного или обоих членов оппозиции аналитических эквивалентов глаголов: вызывать хандру – хандрить, внушать благоговение – благоговеть, причинять страдания – страдать; выклікаць апасенні – апасацца, прыводзіць у адчай – адчайвацца, выклікаць зайдрасць – зайдзросціць [6].

Анализ каузативных оппозиций глаголов эмоционального состояния, эмоционального переживания, эмоционального отношения показывает, что значение каузативности во многих случаях может быть реализовано лишь глагольно-именным сочетанием: бояться – испытывать боязнь, но только внушать боязнь; негодовать – приходить в негодование, но О – приводить в негодование; сумаваць – адчуваць сум, но О – выклікаць сум; спачуваць – выказваць спачуванне, но О – выклікаць спачуванне. Однако нередки случаи, когда глагольно-именные сочетания являются дублирующими формами при наличии в каузативных оппозициях двух синтетических глаголов:

вызывать восторг	испытывать восторг
ужасать	ужасаться
приводить в ужас	приходить в ужас
узрушваць	узрушвацца
выклікаць узрушэнне	адчуваць узрушэнне
узбуждаць	узбуждацца
выклікаць узбуджэнне	адчуваць узбуджэнне.

Категория каузативности перекрещивается с содержанием отдельных грамматических категорий, прежде всего с категорией залога. Ввиду того, что при каузативности существенными являются субъектно-объектные отношения, их активность/пассивность, на которых базируется и залог, эти две категории име-

ют множество точек соприкосновения. Интересен факт, что значение действительного и страдательного залогов также может быть выражено аналитически, при помощи особых глагольно-именных конструкций, истязаниям

критиковать	подвергать критике	подвергаться критике
асуджань	падвяргаць асуджэнню	асуджацца падвяргацца асуджэнню
катаваць	падвяргаць катаванням	катавацца падвяргацца катаванням

волновать
Однако семантическая структура каузативной
структуры заподлицо оппозиций. Сравните:

осмеивать	осмеиваться
подвергать осмейнию	подвергаться осмейнию
захапляць	захапляща
выкликваць захапленне	адчуваць захапленне
ганьбаваць	ганьбавацца
падвяргаць ганьбе	падвяргацца ганьбе.

Эти оппозиции могут быть связаны, так как нем
фика), глагол может являться одновременно именем |
вызывать критику поддерживать критику подвергаться критике

O	асуджаць	асуджаща
виклікаць асу́джэнне	падвяргаць асу́джэнню	падвяргаща асу́джэнню.

С категорией каузативности тесно связана и фазовость. В современных русском и белорусском языках широко распространены и глагольно-именные сочетания, выражающие фазовые значения [7]. Они в значительной мере восполняют ограниченное количество собственно фазовых глаголов и, соответственно, ограниченные возможности синтетического способа выражения фазовых значений. Например: завязать знакомство, оставить волнения, вступить в дружбу;

мець надзею, разначаць адносіны і т.д. Фазовыя пары разнакоміться (прост.) –
ставляюць собой совокупность трех компонентов, которые могут выражаться как
синтетическими словоформами, так и аналитическими, подчёркивать знакомство
прекратить знакомство

успокаиваться	O	O
обретать покой	пребывать в покое	терять покой
O	O	O
выклікаць давер	карыстацца даверам	страчаць давер.

Таким образом, в результате анализа возможностей глагольно-именных сочетаний можно сделать вывод, что аналитические сочетания не только способны представлять широкий спектр грамматических значений, который присущ синтетическим глаголам, но во многих случаях аналитические конструкции являются более гибким средством выражения этих значений.

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1968.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове. – М., 1986.
3. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные сочетания современного русского языка: Словарь–справочник. – М., 1975.
4. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М., 1998.
5. Никитевич А.В. Вид, залог, каузативность (в поисках «скрытой» грамматики) // Вопросы функциональной грамматики. – Гродно: ГрГУ, 1998. – С. 20-25.
6. Кильдебекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: опыт функционально-семантического анализа. – Саратов, 1985.
7. Ларина Т.В. Устойчивые глагольно-именные сочетания, выражающие фазовое значение: АКД. – М., 1990.

Поступила в редакцию 02.09.2002.

This article deals with evaluation of the topical phenomenon i.e. synthetical and analytical means of expression of semantical word-building and grammatical meaning in groups of emotion and attitude verbs in the Russian and Belarusian languages. There are verbal and nominative combinations, according to semantics correlation with the verb; possibilities of such combinations in the sphere of using of aspect, causative and phasie meanings of the verb are analysed in this material.

Ком Ольга Александровна, аспирант кафедры русского языка ГрГУ им. Я.Купалы.
Научный руководитель – доцент, кандидат филологических наук А.В.Никитевич.

УДК 10.02.04

О.Г.Сечайко

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЛЛОМОРФНОГО ТИПА СООТНЕСЕНИЯ СИТУАЦИИ И ПРОПОЗИЦИИ (на примере текстов научной и художественной прозы)

Принцип pragматической достаточности определяет, что при порождении текста в эксплицитной форме представляется только то, что полагается достаточным для достижения цели в определённых условиях коммуникации. Факт выбора одной из двух или более возможных языковых единиц для выражения данного содержания является значимым. В данной статье на основе

сопоставления частоты использования алломорфного типа соотнесения ситуации и пропозиции в текстах научной и художественной прозы даётся оценка прагматического потенциала данного типа соотнесения.

Прагматика любого типа текста является одним из его органических признаков, возникающим в результате отбора определённых языковых единиц из всего множества средств, предоставляемых субъекту речи системой языка.

По словам Э.С.Азнауровой «прагматика любого языкового знака включает следующие содержательные компоненты: субъект речи, предмет коммуникации, цель коммуникации, адресат» [1, с. 4].

К.А.Долинин также отмечает, что основными параметрами речевой ситуации, от которых зависит выбор языковых средств, являются сфера и преобладающая функция общения, тема, форма речи (устная или письменная), способ общения (непосредственное или опосредованное общение), социальный статус партнёров и отношения между ними, место, время и т.д. [2, с. 71-79].

Неоднократно отмечалось, что стиль несёт информацию о субъекте речи (о его социальной и (или) территориальной принадлежности, профессиональном статусе и т.д.), об отношении субъекта речи к передаваемой предметно-лигической информации и к адресату, а также о речевой ситуации, в которой возникло сообщение [3, с. 21].

В процессе создания и функционирования текста действует целый комплекс взаимообусловливающих факторов. Однако мы полагаем, что существует принцип, регулирующий поведение коммуникантов вне зависимости от их ролевых, статусных и прочих характеристик и объясняющий специфику языковой структуры. Он выступает не как ещё один принцип общения (наряду с принципом кооперации Грайса и принципом вежливости Лича), а как универсальный принцип, который получил название принципа прагматической достаточности.

Он предполагает, что «любая единица языка может, а в некоторых случаях, и должна быть реализована не во всей полноте своих формальных характеристик, поскольку в разных условиях общения коммуникантам для достижения своих целей оказывается достаточно только частично развернуть формальную структуру соответствующих единиц» [4, с. 9], то есть при порождении текста в эксплицитной форме представляется только то, что полагается достаточным для достижения цели в определённых условиях коммуникации [5, с. 53], и значимой является не сама по себе языковая единица, а факт выбора именно этой единицы для выражения данного содержания. Одним словом существует непосредственная связь между тем, *кто что кому и зачем сообщает и тем, как это сообщается*.

Для изучения прагматического потенциала алломорфного типа соотнесения ситуации и пропозиции в его соотношении с целевым назначением коммуникации мы подвергли сопоставительному анализу тексты двух функциональных стилей: художественного и научного. Нами было отобрано 121 предложение с градуальными глаголами из научных текстов и 110 – из художественных. Оценка значимости разницы частот проводилась по критерию χ^2 -квадрат, предложенному Б.Н. Головиным [6, с. 28-35].

Нами было выделено два варианта алломорфного типа соотнесения ситуации и пропозиции: с ситуативным инструментом в позиции подлежащего предложения и с ситуативным объектом.

Анализ выявил, прежде всего, различную употребительность алломорфного типа соотнесения с ситуативным инструментом: 61 % всех предложений из научных текстов против 16 % предложений из художественных. Критерий хи-квадрат доказал значимость разницы частот. Незначимой оказалась разница частот алломорфного типа соотнесения с ситуативным объектом (29 % в научных

текстах против 38 % в художественных). На основе установленных показателей мы попытались определить прагматический потенциал вышеназванных типов соотнесения ситуации и пропозиции.

Мы полагаем, что изначально действием принципа прагматической достаточности объясняется одинаковая тенденция обоих стилей алломорфно отражать ситуацию в пропозиции: 90 % употреблений в текстах научного и 54 % в текстах художественного стиля характеризуются отсутствием гомоморфности между ситуацией и пропозицией, а, значит, и сокращением актантной рамки.

Принцип прагматической достаточности реализуется посредством таких категорий общения, как репрезентативность, целенаправленность и этапность. Прямая форма репрезентативности в научных текстах устраивает всякую неопределённость относительно субъекта речи. Обычно он заявляется как автор статьи в начале текста либо в самом тексте как автор исходной теории, проводимого исследования и т.д. Неустойчивость формы репрезентативности в художественных текстах не допускает столь активного устранения деятеля, так как его восстановление, а, следовательно, и адекватное понимание содержания может оказаться затруднительным.

Мотивирующая целенаправленность художественных текстов не призвана «жёстко» воздействовать на коммуникантов и регулировать их поведение. Информация художественных текстов не претендует на полный объективизм, в связи с этим субъект действия (в данном случае именно сам создатель текста) может оставаться в пропозиции предложения.

Научный текст имеет жёсткую целеустановку. Он создаётся для беспристрастного информирования читателя. Автор научного текста стремится к тому, чтобы точно описать тот или иной предмет, убедить читателя в правильности своих взглядов и выводов, апеллируя при этом не к чувствам, как это имеет место в художественной прозе, а к разуму. Главное – путём веской аргументации оказать на него интеллектуальное воздействие, заставить его действовать или понимать нечто желаемым для автора образом, создав у адресата уверенность в объективности получаемой информации. Данный эффект достигается, в числе прочих, за счёт устранения авторского «я» и «мы скромности». Автор научного текста принадлежит к определённой группе учёных. Для того чтобы убедить читателя в справедливости своих идей, ему необходимо создать у адресата уверенность в том, что это не единичное мнение в науке, что также думают и многие другие учёные. Автор художественного произведения стремится, прежде всего, выразить самого себя, свои собственные взгляды. В связи с выше указанными причинами проявление авторского «я», а также его специфическое языковое выражение отличаются в разных типах текстов.

Различная этапность текстов научного и художественного стилей (алгоритмизирующая и мотивирующая соответственно) свидетельствует, по словам Дмитриевой, «об их различном положении в самом коммуникативном процессе и говорит о большей зависимости информационной структуры научного текста от предварительного знакомства с другими текстами данной области знания» [7, с. 161]. Для достижения адекватного прагматического эффекта субъект речи с необходимостью должен ориентироваться, с одной стороны, на запас специальных фоновых знаний, пресуппозицию адресата, а с другой – на ту сумму сведений, которые становятся ему известными в ходе самой коммуникации. Это требует дифференциации типа адресата и влияет на языковую стратегию субъекта речи, который определяет, какую информацию безболезненно можно исключить в связи с её незначительностью либо возможностью быть восстановленной при помощи выводного логического аппарата и т.п. Автор научного произведения

чаще всего не упоминает агенс непосредственно в тексте, в результате чего количество гомоморфных соотнесений ситуации и пропозиции сокращается до 10 %.

Итак, действие прагматических категорий приводит к тому, что в обследованном нами материале реальный субъект появляется в позиции агента в художественном стиле чаще, чем в научном в 2,6 раза (26 % против 10 %).

Попытаемся теперь определить прагматический потенциал алломорфного типа соотнесения с ситуативным инструментом в позиции подлежащего. Проанализировав семантику элементов, занимающих позицию формального агента при таком типе соотнесения, мы обнаружили, что как в научном, так и в художественном стилях эту позицию занимают абстрактные имена существительные: *A primitive but near universal free education has expanded the linguistic content of our language;* реже – событийные имена: *There may be some who believe that these changes in our military high command will weaken the nation in a critical time* и конкретные неодушевлённые существительные: *...He could now begin agitating for additional ...desks, filing cabinets, automobiles and other substantial equipment and supplies that would ... increase his striking power.* То есть причина большого количества метонимических переносов в научном тексте, видимо, не в семантике элемента, помещаемого в позицию агента, а в том, как соотносится функция косвенной номинации с прагматической задачей стиля. Как мы уже определили выше, для художественного текста важнее *кто* совершает действие, а не *при помощи чего* оно совершается. То есть метонимический перенос с ситуативным инструментом в позиции агента устраняет из предложения субъект и акцентирует внимание читателя на объекте, что и отвечает коммуникативной цели научного стиля.

Ещё одна из причин, как нам кажется, кроется в следующем. Выбирая в качестве центра эмпатии ситуативный инструмент, автор переносит семантический акцент на источник информации, тем самым, повышая убедительность суждения за счёт придания ему большей объективности. У адресата должно сформироваться доверие к сообщаемому. Ему необходимо дать почувствовать рациональность сформулированных в тексте положений, их истинность. У читателя нужно вызвать уважение к представляемой информации, и тогда он будет серьёзно её рассматривать. Это достигается одним из следующих способов:

- Место формального подлежащего занимает одно или группа неодушевлённых имён существительных, которые называют факт, достоверность которого является общепринятой либо доказана в данном контексте: *Utilization therefore actually increases the currency and power of symbols.*

- Формальное подлежащее может иметь ссылку на авторитетное мнение, аксиомы, определения, существующие в рамках научного сообщества: *Ryle's attempt reduces the dualism between physical events of mind; The «school» of General Semantics minimizes entropy in communication.*

- При помещении указательного местоимения на место формального подлежащего автор пытается активизировать мышление читателя, который сам должен произвести дополнительные мыслительные операции, порой, опираясь на свои знания в данной области науки: *It extends democratic idealism to economic affairs, social matters and cultural matters; The past few generations are probably the first in history to display such universal and wide word gaps between single generations, that enhances the apparent significance of the present verbal environment, perhaps beyond its genuine importance.* В данных примерах используются инструменты-ситуации, являющиеся характерной чертой научных текстов, что вполне объяснимо. Они требуют достаточно высокой степени внимательности читателя.

ля, который должен постоянно следить за ходом мысли автора, чтобы не упустить логическую цепочку, а также помогают осознать полноту и сложность причинно-следственных связей процесса. Такой способ представления вызван не только установкой на информативность и наиболее рациональную подачу материала, но и рассчитан на то, чтобы внушить читателю уверенность в надёжности и объективности сообщаемых сведений.

Предмет коммуникации в научном тексте указывается прямо. Это соотносится с его pragmatischen направленностью. Художественные тексты по своей сути направлены на субъект действия, а научные – нацелены отражать сами действия и их объекты. Создатель художественного текста воссоздаёт в своём произведении не только некий предмет познания, но и самого себя. Не случайно говорят не только о теме художественного произведения (его предмет), но и об его идее. То есть предмет коммуникации в художественном тексте опосредован.

Создатель научного текста стремится, чтобы текст был понят в соответствии с авторским замыслом, чтобы в процессе декодирования не наблюдалось вариативности. Текст должен описывать предмет коммуникации ясно, четко и непротиворечиво. Осознанная установка на воспроизведение именно этих качеств проявляется на различных уровнях, в том числе и на уровне представления ситуации в пропозиции.

Исходя из данных положений, можно было бы ожидать, что алломорфный тип соотнесения с ситуативным объектом в роли подлежащего должен быть маркирующей чертой научных текстов. Однако в предложениях с градуальными глаголами разница частот его употребления оказалась несущественной. В чём здесь дело?

Мы полагаем, что если в научном стиле эта тенденция объясняется pragmatischen направленностью на объект, то в художественном, как это ни парадоксально звучит, – pragmatischen направленностью на субъект. Вот несколько примеров, поясняющих данный тезис: *Nately's stuttering dismay increased; His right hand extended to the sky; The Verey pistol in the giant arm extended*. В нашей выборке из художественных текстов в половине предложений с ситуативным объектом на месте подлежащего реальный производитель действия восстанавливается непосредственно из предложения. Что абсолютно не характерно для научных текстов, субъект в которых лишь пресуппонирован и может быть восстановлен, опираясь на фоновые знания читателя.

Помещение ситуативного объекта в позицию подлежащего делает предложения агентивноцентричными, что противоречит объектоцентричности научных текстов, но характерно для художественных. Видимо, поэтому оценка разницы частот алломорфного типа соотнесения с объектом в эмпатийной позиции по критерию хи-квадрат показала их несущественность.

Говоря об объектоцентричности научного стиля, нельзя забывать о том, что этот эффект создаётся ещё и благодаря более широкому использованию пассивных конструкций (26,4 % против 9,1 %). Пассивный залог отражает изменение тема-рематического построения предложения, то есть выступает как средство перенесения акцента на объект речи и тем самым создаёт условия для устранения субъекта [7, с. 89]. Обобщённость, отвлечённость, стремление к акцентуации действия и объекта действия определяют целесообразность использования пассива в научных текстах. Его pragmatischen потенциал – привлекать внимание к объекту речи, обусловливает его бо́льшую представленность в научных текстах.

Как наиболее очевидное проявление pragmatики обычно рассматривается оценка. Для научного произведения сильным pragmatическим фактором является

ся создание эффекта объективности. Однако ещё Ш.Балли писал, что «научный язык лишь с большими оговорками можно рассматривать как отражение сугубо объективной, безличной деятельности разума» [8, с. 114]. И.Сильдмээ также подчёркивал, что «познание не пассивный процесс, оно самым тесным образом связано с отношением ... к познаваемому окружению» [9, с. 126], что «своим знаниям человек прибавляет своё отношение – «я». Сочетание знаний и своего отношения к ним образует когнитивную структуру мышления» [10, с. 126]. Б.М.Лейкина указывает на то, что «авторская модальность есть свойство органически присущее научному произведению как таковому» [11, с. 46].

Иными словами, в научном произведении должны найти языковое выражение не только регистрация и закрепление результатов познания, но и их оценка. Автор стремится высказать своё субъективное отношение к излагаемому им материалу, а также к тем или иным научным фактам (теориям, положениям), существующим в научном мире. Как это сделать, не нарушив объективности научного текста, основополагающего его принципа?

Автор может высказать свою оценку опосредованно, его отношение к содержанию высказывания проявляется в самом построении этого высказывания, в способе презентации материала. Для этих целей как нельзя лучше подходят структуры с алломорфным типом соотнесения ситуации и пропозиции. Они позволяют автору как бы исподволь оценить достоверность научных результатов предшественников, соблюдая научную корректность. Для этого могут использоваться:

- Лексические конкретизаторы. *These difficulties obviously increase in geometric progression as new psychological variables are introduced regarding the people communicating and receiving the communications.* Наречие *obviously* свидетельствует об уверенности автора в сообщаемой информации. *We may induce little about differences in face-to-face communication between men in the street, but we may roughly judge that, as technology opened up new instruments for communication, the power of re-enactment in sending messages probably increased apace.* Наречие *probably* уменьшает степень уверенности автора.

- Модальные глаголы. *The «power of the press» may also hopefully be reduced to where the power of a healthy rabble-rouser was a generation ago-appreciable, but contingent upon skill, not status; argument, not magic.* Введение модального глагола *may* понижает категоричность вывода.

- Модальные выражения. *It is doubtful that any kind of technology will diminish the peculiar pleasure that an audience takes in watching live performers, particularly celebrated people, perform in person.*

Таким образом, не выставляя напоказ своё собственное «я», автор даёт оценку излагаемой информации и в скрытой форме высказывает своё собственное мнение, не лишая при этом научный текст объективности. Ведь оценка имеет место только по поводу объективных свойств описываемых явлений. Такова ещё одна прагматическая нагрузка алломорфного типа соотнесения ситуации и пропозиции.

В художественных текстах, где также может быть нивелирован образ рассказчика, адресант-писатель имеет возможность через персонажей оценить предмет коммуникации, что предполагает использование гомоморфных конструкций, где представлен оценивающий субъект, либо использование алломорфного типа соотнесения с объектом в роли подлежащего и с возможностью извлечь реального «оценщика» события из самого предложения либо из ближайшего контекста: *He (Brody) looked at his wife, lying next to him in the double bed*, а дальше идёт описание того, как выглядела жена Броди. Автором опосредован-

но, через мужа Элен, даётся оценка её внешности. *You always wore a charm bracelet. I remember that because it had a big charm that looked like the Eiffel Tower.* Здесь непосредственно сам персонаж даёт оценку браслету.

Итак, проведенный анализ даёт возможность сформулировать следующие выводы:

1. Частота употребления того или иного способа соотнесения ситуации и пропозиции коррелирует с тем, как соотносится функциональная нагрузка соотнесения с pragматической направленностью текста.

2. Алломорфное соотнесение ситуации и пропозиции с ситуативным инструментом в позиции подлежащего является чаще всего следствием прямой формы репрезентативности, алгоритмизирующей формы целенаправленности и предметно-прагматической направленности текста.

3. Алломорфное соотнесение с ситуативным инструментом в агентивной позиции позволяет автору акцентировать внимание читателя на источнике информации и причине действия, а также позволяет опосредованно дать оценку представляемой информации, благодаря чему текст не теряет такой важной черты, как объективность; в связи с этим, данный тип соотнесения наиболее характерен для научных текстов.

4. Разница частот алломорфного типа соотнесения с ситуативным объектом в агентивной позиции в разных типах текстов является несущественной. В научном стиле его использование объясняется прагматической направленностью на объект, а в художественном – прагматической направленностью на субъект, на который есть указание в самом предложении либо в ближайшем окружении. Кроме того, помещение ситуативного объекта в позицию подлежащего делает предложения агентивноцентричными, что противоречит объектоцентричности научных текстов, но характерно для художественных.

1. Азнаурова Э.С. Прагматика текстов различных функциональных стилей // Общественно-политический научный текст как предмет обучения иностранным языкам. – М.: Наука, 1987. – С. 3 – 19.

2. Долинин Н.А. Стиль в общесемиотической перспективе и границы стилистического влияния в языке // Основные понятия и категории лингвистики: Межвуз. сб. научных трудов. – Пермь, 1982. – С.71 – 79.

3. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965. – 294 с.

4. Богушевич Д.Г. Принцип прагматической достаточности и структурные характеристики языка // Материалы юбилейной научной конференции преподавателей и аспирантов МГЛУ, посвящённой 50-летию ун-та 23-24 апреля 1998 г. / Минский государственный лингвистический университет. – Минск, 1999. – Ч.2. – С. 8-9.

5. Богушевич Д.Г. Единица. Функция. Уровень. К проблеме классификации единиц языка. – М.: Вышэйш. шк., 1985. – 115 с.

6. Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 190 с.

7. Дмитриева И.В. Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка – Дис. ... канд. филол. наук. – Минск: МГЛУ, 1990. – 189с.

8. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961 – 324 с.

9. Сильдмээ И. Значение, смысл и мысль // Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта: Труды по искусственноому интеллекту, III Тарту, 1980. – С. 114-129.

10. Сильдмээ И. Гносеологическая структура текста и значений // Семантика и представление значений: Труды по искусственноому интеллекту, II Тарту, 1980. – С. 109-132.

11. Лейкина Б.М. Когнитивная лингвистика: (к постановке проблемы речевого постулата) // Вопросы кибернетики. – М.: Наука, 1982. – С. 41-48.

Поступила в редакцию 25.11.2002.

The main pragmatic principle states that only a limited number of arguments of proposition should be explicit in the sentence, presupposing that they are enough to reach a goal of communication. The fact of choice between two or more possible language forms is meaningful. On the basis of the frequency of usage of two different types of correlation between the situation and proposition in the texts of scientific and feature styles we analyze the pragmatic value of the allomorphic type of correlation.

Сечайко Ольга Георгиевна, аспирант МГЛУ.

Научный руководитель: профессор, доктор филологических наук Д.Г.Богушевич.

УДК 884

А.А.Брусеvіч

ПАДТЫТУЛЫ Ў «БАЛАДАХ і РАМАНСАХ» АДАМА МІЦКЕВІЧА. IX РОЛЯ і ФУНКЦЫЯ Ў СВЯТЛЕ БЕЛАРУСКАГА ФАЛЬКЛОРА

В статье рассматривается проблема влияния белорусского фольклора на творческое сознание А.Мицкевича и отображение этого влияния в подзаголовках к стихам сборника «Баллады и романсы».

Сярод шэрагу фактараў, якія сфармавалі геній А.Міцкевіча, першая роля па праву належыць уплыву на яго творчую свядомасць беларускай культуры. Фальклор, мова, побыт і звычай беларускага народа паслужылі надзейным падмуркам для польскай рамантычнай традыцыі, уведзеную пяснером, які лічыў сябе грамадзянінам і патрыётам Вялікага княства Літоўскага. Менавіта гэтай, ужо не існуючай на той час (пач. XIX ст.) дзяржавы ўсведамляў сябе аўтар зборніка «Балады і рамансы», паэм «Dziady» («Дзяды») і «Pan Tadeusz» («Пан Тадэвуш»). Так, дзяржавы ўжо не было, але па-ранейшаму заставаліся яе народы са сваімі самабытнымі культурамі, з песнямі, казкамі, легендамі і паданнямі. Спадчына беларускага народа была найбольш бліzkая А.Міцкевічу. Паэт нарадзіўся і вырас у беларускім асяроддзі, таму не дзіўна, што ягоны рамантызм грунтуецца на духоўных каштоўнасцях нашага народа.

Ужо першы паэтычны зборнік «Балады і рамансы» А. Міцкевіча «дэманструе» непарыўную сувязь сваёй паэзіі з вусна-паэтычнай творчасцю польскага, літоўскага, украінскага народаў былога ВКЛ, пакідаючы, аднак, за беларускай фольклорнай традыцыяй права Liberum veto*. Амаль кожны верш паэтычнага цыкла прасякнуты народнымі матывамі і образамі, якія паэт беражліва перанёс з сялянскай хаты ў палац свайго мастацтва. Апрача гэтага, некоторыя творы зборніка «Балады і рамансы» маюць своеасаблівую ўдакладненні, у якіх аўтар свядома звяртае ўвагу на сувязь з фольклорам. Адметна тое, што сярод шматлікіх жанраў вуснай народнай творчасці А.Міцкевіч выбірае песню і толькі яе падае як атрыбут альбо стымул рамантычнай паэзіі.

Так «Rybka» («Рыбка») і «Lileje» («Лілеі») маюць падтытул з народнай песні, «Kurhanek Maryli» («Курганок Марылі») – «задума з ліцвінскай песні», «Dudarz» («Дудар») – «задума з народнай песні». Польскі даследчык міжваенна гаворыціцігоддзя С.Станкевіч вылучае трэх версій паходжання такіх падтытулаў. Паводле першай – слова «песня» найбольш адпавядала густу паэта для абазначэння народнай творчасці ўвогуле. Паводле другой версіі, падтытулы трэба разумець літаральна, а паводле трэцій – яны з'яўляюцца вынікам моднай у часы рамантызму літаратурнай містыфікацыі [2, с.131-132]. Але перад усім звернемся да саміх твораў, адмысловіа пазначаных А.Міцкевічам. Балада «Лілеі», якая мае прыпіс «з народнай песні», сапраўды ўзнікла на падставе польскай народнай песні пра забойства нявернай жонкай свайго мужа. Дарэчы, песня хутка перавандравала ў беларускамоўнае асяроддзе і ў змененым выглядзе бытавала на ўсёй тэрыторыі Беларусі, аб чым сведчаць запісы фолькларыстаў. Магчыма, што А.Міцкевіч мог чуць адзін з такіх варыянтаў і на яго падставе стварыў сваю баладу. Аднак для

*У XVI–XVIII ст. у Рэчы Паспалітай права дэпутата сейма спыніць пасяджэнне і адмяніць усе прынятага на ім пастановы сваім вусным пратэстам.

рэалізацыі творчых задумаў паэт не мог задаволіцца няхітрым сюжэтам песні і пры напісанні верша «Лілеі» звярнуўся да іншых фальклорных матываў. Галоўная ідэя гэтай балады, як і большасці твораў цыклу – раскрыццё і пакаранне зла, якое караеца, дарэчы, звышнатуральным чынам: царква правальваеца пад зямлю, забіраючы з сабой няверную жонку і здрадлівых братоў:

Cerkiew zapada w głęb
Ziemia ją z wierzchu kryje,
Na niej rosną lilije... [6, s.178].

Заўважым, што матыў знікнення пад зямлёй царквы ўзяты А.Міцкевічам з беларускіх народных паданняў. Вядомы фалькларыст П.Шэйн занатаваў у свой час некалькі такіх паданняў, у якіх за грахі людзей альбо по іншай прычыне, царква разам з тымі, хто ў ёй знаходзіцца, правальваеца пад зямлю [5, с.422-424].

Паводле народных уяўленняў, падаеца прывід мужа, які цэлы час праследуе жонку-забойцу:

Skrzyp, skrzyp, i już nad łożem
Skrwawionym sięga nożem,
I iskry z gęby sypie,
I ciagniemię, i szczypie [6, s.173]

падобна выглядае пакутная душа ў баладзе «Люблю я», у якой таксама з вуснаў шугае полымя.

З народнага абраду – гадання на вянках, выводзіцца матыў выбару жаніха: няверная жонка, ня ведаючы, каго выбраць, загадвае братам мужа плясці вянкі, каб потым наўгад вырашыць свой і іх лёс.

З народнай песній баладу «Лілеі» А.Міцкевіча лучыць хіба што толькі яе эўфанічная кампазіцыя: шматлікія паўторы асobных слоў, асанансы і рэфрыны надаюць твору натуральнасць і непаўторную песеннную мілагучнасць.

Суручны беларускім народным песням і некаторыя радкі баладнага верша «Рыбка», што яскрава відаць на прыкладзе наступнага супастаўлення літаратурнага і фальклорнага кантэкстаў:

Przybiega na koniec łączki,
Gdzie w jezioro wpada rzeka;
Załamuje białe rączki
I tak żalośnie narzeka [6, s.122]
А вось радкі з беларускай песні, занатаванай на Навагрудчыне:
Быстра рэка корэнъ мые,
А ў дзеўчыны сэрца ные.
Белы ручкі заламаны,
Чорны очкі заплаканы [5, с.342]

Пад народную песню стылізаваны таксама і іншыя месцы ў баладзе – асабліва гэта адчуваеца ў радках, калі Рыбка прыплывае да неўмаляці:

I dziecię bierze do rzeki,
U łona białego tuli,
„Luli – wola – mój maleńki,
Luli, mój maleńki, luli» [6, s.125]

Прыпіс А.Міцкевіча да балады «Рыбка» апраўданы яшчэ і тым, што матыў ашуканай дзяўчыны сапраўды вельмі шырока адлюстраваны ў народных песнях. Аднак, акрамя гэтага, паэт выкарыстоўвае іншы матыў – пераўласабленне дзяўчыны ў рыбку (русалку), які адпавядае народным казкам і паданням у большай ступені, чым песням. Зноў жа, каб звязаць у адно два гэтыя матывы, А. Міцкевіч звяртаеца да беларускага фальклору, знаходзіць там патрэбныя вобразы, сімвалы і з дапамогай уласнай паэтычнай фантазіі аб'ядноўвае набыткі народнай спадчыны з асабістым уяўленнем пра свет чалавечай душы.

Падтытул балады «Курганок Марылі» А.Міцкевіча з'явіўся як вынік літаратурнай містыфікацыі: сябрам-філаматам паэт дасылае з Коўна гэты верш як пераклад з ліцвінскай песні. Аўтар дадзенага верша настолькі дакладна перадаў змест і форму беларускіх жалобных песняў-галашэнняў, што ўвёў у зман нават такога знаўцу фальклору, як Я.Чачот, які на паседжанні сяброў зачытвае рэцэнзію на гэты твор: «Не ведаючы арыгінала, – піша Я.Чачот, – я не параўноўваў ліцвінскіх слоў з польскімі. І ўсё ж нельга нават жадаць больш натуральнага і больш акрыленага перакладу...» [3, с.204]. І, сапраўды, раманс А.Міцкевіча вельмі натуральна адлюстроўвае стыль беларускіх паахавальных плачаў. Параўнаем фрагмент з маналогу Маці з народным варыянтам, які занатаваў некалі П.Шэйн.

У А.Міцкевіча:

Pókiśmy mieli ciebie,
W domu bylo jak w niebe
U nas i wieczorynki,
Z całej wsi chłopcy, dziewczki,
Najweselsze zażynki,
Najhuczniejsze dosiewki.
Nie masz cię! W domu pustynie!
Każdy, kto idzie, minie,
Zawiasy rdzawieją w sieni –
Mchem się dziedziniec zieleni. [6, s.134-135].

У П.Шэйна:

Бывало ж я выйду на жніво ў поле,
Сама стану жаць, а ты коло меня,
А ў вечары ты мне і снапочки поносіш.

А я ж цяпер адзінокая:

Мое і снапочки непоношэнны [4, с.665].

Адзначым, што матыў занядбання, адзіноты, якая прыходіць пасля смерці любага чалавека выяўлены ў першым і у другім выпадку амаль ідэнтычна. У IV частцы «Дзядоў» А.Міцкевіч яшчэ раз спрабуе пераканаць чытача, што «Курганок Марылі» з'яўляецца «задумай з ліцвінскай песні»: першыя пяць радкоў свайго раманса, прайда, ў трохі змененым вглядзе, ён укладвае ў вусны пустэльніка. Калі да «Курганка Марылі» паэт меў усе падставы рабіць прыпіс «задума з ліцвінскай песні», бо ўсё ж такі раманс гэты створаны паводле ўзору паахавальных плачаў беларускага народа, то за прыпісам за «Дудара», як сцвярджае С.Станкевіч, спасылаючыся на Ю.Трацяка, паэт спрабуе «схаваць свае адносіны да Марылі ад блізкага яе атачэння» [цыт. па: 2, с.153]. Такім чынам, падтытул «задума з народнай песні» – вынік чарговай містыфікацыі, аднак на гэты раз містыфікацыя адыхрывае іншую ролю.

Раманс «Дудар» стаў апошнім і наймацнейшым акордам, які прагучаў у гонар Марылі. Як паходжанне твора, так і імя сваёй каханай А. Міцкевіч стараецца завуаліраваць, і рабіць гэта надзвычай узнёсла:

A w ustach Panny Najświętszej imię

Wrół wymówione zostało [6, s.186].

У адрозненне ад іншых твораў, пазначаных своеасаблівымі прыпісамі, «Дудар» не мае такой значнай асновы. З беларускай фальклорнай традыцыяй звязаны толькі некаторыя элементы рамансу. Перш за ўсё гэта вобраз Старца-лірніка. Паводле Беларускай Энцыклапедыі, лірнікі з'яўляліся «носьбітамі добра, спраўдлівасці, выразнікамі сваіх думак» [1, с.279]. З вобразам Старца ў структуру раманса ўводзяцца і агульнапрынятые элементы фальклору, напрыклад, зачын «слухайце, дзеці». І нарэшце – вобраз Дудара сімвалізуе саму творчасць А.Міц-

кевіча, яго духоўную сувязь з традыцыямі беларускай народнай культуры, спадкам якой з'яўляецца паэт. Вось што спявае герой раманса:

Idę ja Niemnem, jak Niemłn dług,
Od wioseczki do wioseczki,
Z borku do borku, z smugów na smugi,
Śpiewając moje piosneczki [6, s.181].

Вобраз Нёмана, без якога немагчыма ўявіць творчасць паэта, з'яўляеца яшчэ аднім паказчыкам, які адсылае нас да ўспрыняцця паэзіі А.Міцкевіча ў сістэме беларускай культуры.

Такім чынам, на падставе вышэй сказанага можна зрабіць наступныя высновы:

- Падтытулы да вершаў у зборніку «Балады і рамансы» адыгрывалі важную ролю пры стварэнні «народнага» фону, прымушалі чытача паверыць ў «аўтэнтычнасць» твораў.
- Пры дапамозе падтытулаў А.Міцкевіч спрабуе схаваць, замаскіраваць рэаліі з уласнага жыцця, адлюстраваныя ў «Баладах і раманськах».
- Усе тры версіі пра паходжанне Міцкевічавых падтытулаў, якія вылучаны С.Станкевіч, так ці інакш маюць рацыю.
- Нягледзячы на тое, што ў падтытулах да вершаў у зборніку «Балады і рамансы» паэт узгадвае толькі песню, як адну з крыніц уласнай творчасці, іншыя жанры беларускага фальклору – казкі, легенды, паданні адыгралі не менш значную ролю ў фармаванні паэтычнага свету А.Міцкевіча.

1. Назіна І.Дз. Лірнік // Беларуская энцыклапедыя. – Мінск, 1999. – Т.9. – 558 с.
2. Станкевіч С. Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паэзіі // Спадчына. – 1998. – № 6. – С.100-176.
3. Чачот Я. Выбранныя творы. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1996 – 374 с.
4. Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. – СанктПетербург, 1887. – Т.І. ч.ІІ – 697 с.
5. Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. – СанктПетербург, 1902. – Т.3. – 585 с.
6. Mickiewicz A. Wybyr poezij. – Wrociaw: Zakiad Narodowy im. Ossolickich, 1974. Т.1. – 112 с.

Поступила в редакцию 11.12.2002.

The way Belarussian folklore influences the creative consciousness of the poet and the reflection of such influence in the subtitles to the verses in his book "Ballads and romances" are under study in the article.

Брусеvіч Анатолій Александровіч, аспірант кафедры польской филологии ГрГУ им. Я.Купалы.

Научный руководитель – профессор, доктор филологических наук С.Ф.Мусиенко.

Змест

Гісторыя

Шэйфер В.А. Узаемаадносіны Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы ў канцы XV – першай трэці XVI стст. у ацэнцы пачынальнікаў найноўшай беларускай гісторыографіі	3
Піаварчык С.А. Беларусь у планах фартыфікацыйнага ўмацавання заходняй мяжы Савецкага Саюза (1926 – 1941 гг.)	6
Гагуя Р.Б. Российская и белорусская историография сражения при Грёнвальде	15

Філасофія

Кирвель Ч.С. Современные социальные трансформации и проблема построения новой объяснительной модели развития общества	23
---	----

Паліталогія і сацыялогія

Воднева А.К., Богуш Т.А. Делинквентные факторы проведения свободного времени городскими школьниками: социальный аспект .	40
--	----

Культуралогія

Волкович Н.А. Проблема цивилизационного развития в русской культуре философии XIX века	49
--	----

Псіхалогія

Карпинский К.В. Актуальные проблемы психологии субъекта	59
---	----

Правазнаўства

Хилюта В.В. Криминалистические особенности возбуждения уголовных дел о мошенничестве в банковской системе	70
---	----

Довгань Е.Ф. Международно-правовая трактовка вмешательства во внутреннюю компетенцию государства. Теоретический аспект	79
--	----

Кирвель И.Ю. Обязанности сторон в суде первой инстанции по гражданским делам	89
--	----

Філалогія

Зіманскі В.Э. Тэматычная дыферэнцыяция лексікі са значэннем предметнасці ў Вісліцкім статуте XV ст.	95
--	----

Сорокина И.В. Гендерный анализ художественных текстов (на материале англоязычной литературы)	102
--	-----

Никитевич А.В. К теории деривационных сочетаний. Глаголы в деривационной функции	106
--	-----

Ярошенко Л.В. «Котлован» А.Платонова как роман-миф	113
--	-----

Кот О.А. Глагольно-именные сочетания как средство представления глагольной семантики	123
--	-----

Сечайко О.Г. Прагматический потенциал алломорфного типа соотнесения ситуации и пропозиции (на примере текстов научной и художественной прозы)	129
---	-----

Брусеўіч А.А. Падтытулы ў «Баладах і рамансах» Адама Міцкевіча. Іх роля і функцыя ў святле беларускага фальклора.....	136
---	-----